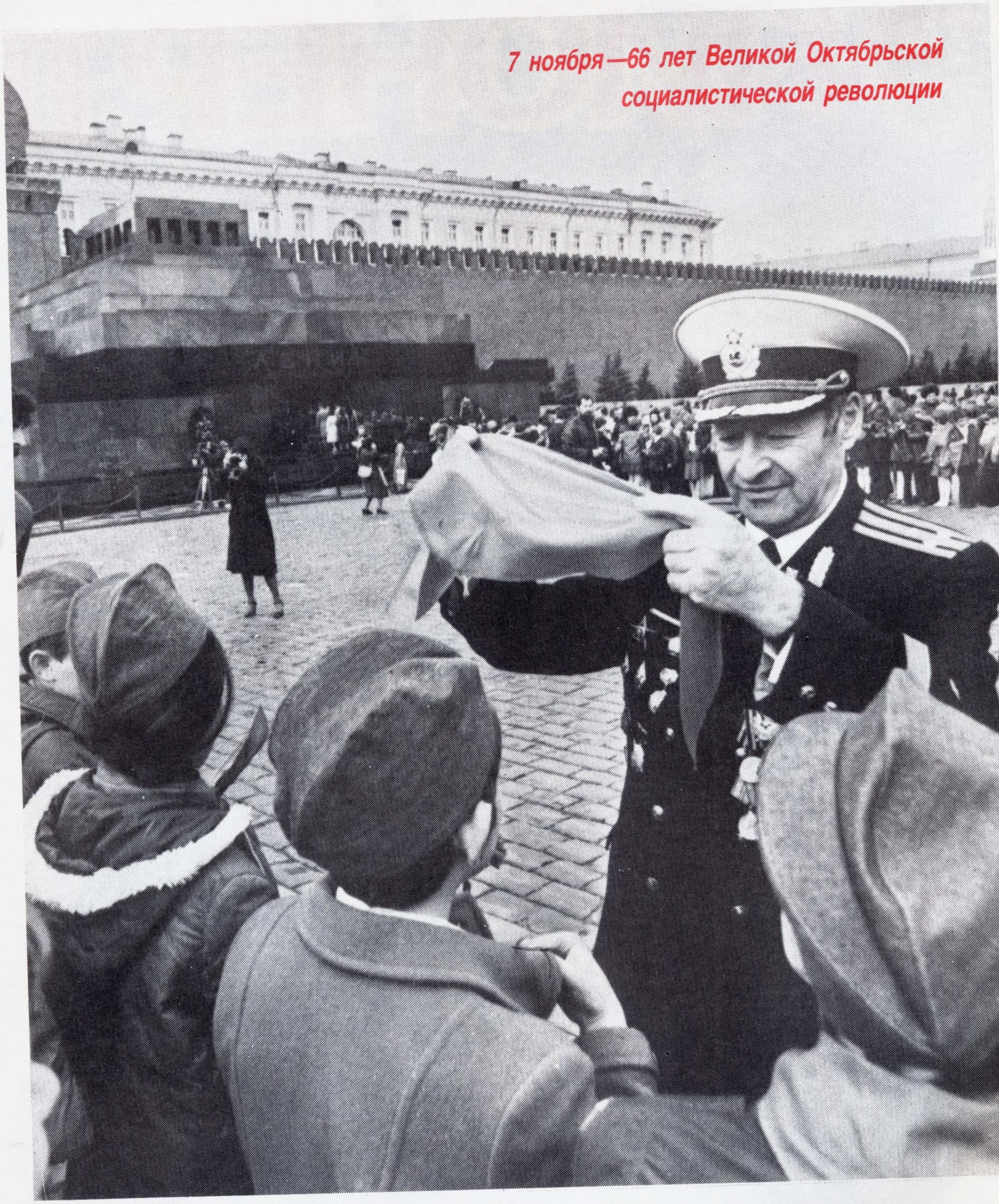
ПИОНЕР 11

1983

7 ноября—66 лет Великой Октябрьской социалистической революции



«Я, вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, всегда выполнять Законы пионеров Советского Союза».

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

Всесоюзный сбор-поиск

„Верность красному галстуку"

107-я челябинская школа от 109-й недалеко. Когда пионеры 109-й школы начали сбор-поиск «Судьба семьи в судьбе страны», первыми подхватили интересное пионерское дело их земляки. Теперь, чтобы никого не обидеть, не станем судить, у кого сбор прошел лучше, у кого музей получился значительнее. Разве можно оценить по пятибалльной системе человеческие чувства и размышления о жизни своей и старших своих людей?!

Скажем только, справедливости ради, что и в 107-й школе музей, на наш взгляд, вполне может претендовать на звание «народного». Он рассказывает историю Тракторного завода (шефа школы), говорит о судьбах тракторостроителей, многие из которых сами учились в 107-й школе, а теперь стали родителями сегодняшних учеников. Музей не забыл ни первых строителей Тракторного, ни учителей школы, ни комсомольцев, ни пионеров первых лет. Ребята собрали огромный материал о своих родных, учителях, шефах, и судьбы близких и знакомых им людей помогают теперь изучать судьбу, историю страны. А родители и старшие друзья помогают ребятам сделать жизнь пионерской дружины и комсомольской организации яркой и праздничной, помогают юным найти себя, определиться в жизни. Родители, шефы, учителя вместе с пионерами на собраниях и сборах, в походах и на концертах, на спортивных состязаниях и в игре «Зарница».

5498 человек посетило музей за два с половиной года. Экскурсии в нем ведут пионеры и комсомольцы, а рассказывают они, как правило, о своих родителях, шефах, учителях и бывших учениках — героях революции, войны и труда. И слушать их без волнения просто невозможно. Теперь тех, кто приезжает в Челябинск, в гости или по делу, везут или в 109-ю школу, или в 107-ю, чтобы показать, как много полезного для всех и интересного для себя могут сделать пионеры, если постараются.

К 50-летию Челябинского тракторного завода музей 107-й школы открыл новые разделы, а школа борется за присвоение ей имени «50-летия Челябинского тракторного завода». Один из новых разделов музея, «Верность красному галстуку», создают пионеры и родители — участники Всесоюзного пионерского сбора-поиска «Верность красному галстуку». Прочитайте их рассказы, собранные для экспозиции музея.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Москва 1983 г.
Издательство «Правда»

Андрей СТАРЦЕВ, 8 «А». *Мой дедушка Иван родился в далекой деревне Красный Яр. Революция изменила всю его судьбу. Он смог учиться, стал пионером. Одним из первых. Его пионерские годы — это годы борьбы за Советскую власть. Дедушка вместе со своими товарищами — пионерами боролся с кулаками, участвовал в ликвидации безграмотности. В колхозе дедушка создавал первую комсомольскую ячейку. Потом он был в колхозе секретарем парторганизации и председателем. Через всю свою жизнь мой дед пронес верность красному галстуку. Для меня он пример во всем: в жизни, в учебе.*

Дима КРАВЧЕНКО, 5 «В». *У нас в семье мама, папа, бабушка были пионерами. Бабушка в годы первых пятилеток. Стране очень нужны были металл, бумага, моя бабушка и ее друзья собирали металлолом и бумагу. А еще боролись с неграмотностью, занимались антирелигиозной пропагандой. Папа и мама были пионерами в пятидесятые годы. В те годы трудно пришлось стране: послевоенная разруха, борьба за хлеб на целине. Пионеры помогали взрослым во всем, что было им по силам. Мама моя была сначала звеньевой, потом председателем совета дружины. У нее большой опыт пионерской работы, и сейчас она помогает нашей школе пионерского актива.*

Братья КАЗАДАЕВЫ, 8 «А». *Трудное детство в военные и послевоенные годы мама вспоминает со слезами на глазах. Ели лебеду, крапивный суп. Писали на старых газетах. В 1943 году семью постигло большое горе: погиб на фронте отец. Несколько лет мама жила в детском доме. Как самые радостные дни, вспоминает мама свое вступление в пионеры. Мама была тимуровкой. Вместе со своей тимуровской командой она ходила в госпиталь: читала раненым, писала им письма, ухаживала за тяжелыми больными. Доброту к человеку мама пронесла через всю жизнь. Из разговоров с мамой мы поняли, что ее отношение к работе, к людям сформировалось еще в пионерские годы. Сейчас наша мама работает на Тракторном заводе, она ударник коммунистического труда, она ласковый и добрый человек. Наша мама выступала на сборе «Этапы большого пути», помогает пионерам нашей дружины изучать историю пионерской организации.*

Сергей ЛАПИН, 7 «А». *Моего папу принимали в пионеры в суровые годы Великой Отечественной войны в актовом зале нашей школы. Папа рассказывает, что галстуки им передали старшие ребята, которые уже вступали в комсомол. Я понял из рассказа папы, что они старались сохранять традиции пионеров старших поколений, во всем помогать взрослым. Сейчас папа помогает нашей дружине сохранять пионерские традиции прошлых поколений пионеров, помогает нашему отряду выполнять операцию «Миллион — Родине».*

Олег СТАРЦЕВ, 6 «Б». *Пионерское детство моей мамы пало на послевоенные годы. Голодно было, и пионеры выращивали на пришкольном участке овощи, работали в теплице, заготовляли корм для скота. Лучшие пионеры, в том числе и моя мама, были награждены поездкой на родину В. И. Ленина в Ульяновск. Мама моя была председателем совета дружины, и теперь она проводит занятия в нашей школе пионерского актива, на секции председателей советов отряда рассказывает, как лучше строить работу председателя, говорит о верности красному галстуку.*

Музей, как добрый дом, собирает в своих стенах и старших, и младших людей. И всем им хорошо и радостно вместе. Тут они говорят о жизни: о прошлом, настоящем и будущем страны и каждого. Тут взяли старт сборы-поиски «Судьба семьи в судьбе страны» и «Верность красному галстуку». Тут проходят Урок мужества и Урок хлеба. Тут принимают в комсомол и в пионеры. Сюда хочется возвращаться и после окончания школы и потом приводить в круг друзей своих детей.

Алеша ПИЧУГОВ, 5 «Б». *Отряд моей мамы носил имя Фиделя Кастро. Все пионеры отряда дружили с кубинскими пионерами, участвовали в работе КИДа. Мамин отряд сажал деревья, озеленял поселок, собирал металлолом и макулатуру. На опытных делянках мама с друзьями-пионерами выращивала овощи и участвовала в областных слетах юных овощеводов. За активную работу маму избрали председателем совета дружины.*

Дима ЕПАНЧИНЦЕВ, 5 «А». *Мама сказала мне, что самый торжественный день в ее жизни — день приема в пионеры. Она стала пионеркой в апреле 1955 года. Походы по родному краю, тимуровская работа, сбор вторсырья и лекарственных трав — вот неполный*

перечень пионерских дел моей мамы. Теперь мама помогает моей тимуровской команде, всем тимуровцам нашей дружины, выступала даже на тимуровском слете.

Мама Сережи ЗЕМЛЯНСКОГО, 3 «А». *19 мая 1957 года меня приняли в пионеры. Готовились долго: читали книги о пионерах-героях, изучали историю пионерской организации, помогали пионерам собирать макулатуру, старались хорошо учиться. И вот долгожданный день наступил. Мы собрались в актовом зале Дворца пионеров, под звуки горна и барабана вынесли дружинное знамя. Мы замерли от волнения. Громко и четко прозвучало наше Торжественное обещание. Нам повязали галстуки, и зазвучала пионерская песня «Взвейтесь кострами, синие ночи». Всю жизнь я ношу в себе радость этого дня. Мне хочется передать все, чему научилась я в пионерские годы, ребятам из пионерского отряда моего сына. Я помогаю им организовывать походы, экскурсии, встречи с интересными людьми.*

Мама Сережи СЕЛЕЗНЕВА, 6 «А». *Как ждала я день 23 февраля 1961 года! В этот день меня принимали в пионеры, и я помню его всю жизнь. Нам повязывали галстуки воины Советской Армии. Началась интересная пионерская жизнь. Мы шефствовали над детсадом, ходили туда с концертами, ездили на родину летчика-космонавта Г. С. Титова. Хорошо запомнила встречу с матерями З. Космодемьянской и Л. Шевцовой. Помню, как интересно проходила у нас «Зарница». Глядя теперь на своих сыновей-пионеров, я думаю, что мы — пионеры прошлых лет — просто обязаны передать свой опыт своим детям. Я работаю на ЧТЗ, могу помочь школе в профориентации. На слете «Рабочие спецовки отцов сыновьям по плечу» я старалась рассказать ребятам о том, что хороший рабочий вырастает из хорошего ученика, хороший организатор из активного пионера и хороший человек начинается с детства. Если все мы, родители, бывшие пионеры, объединимся в сборе-поиске «Верность красному галстуку», для пионерских дружин и отрядов будет большая польза, а мы на деле докажем свою верность красному пионерскому галстуку.*

ВСЕСОЮЗНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ СБОР-ПОИСК «ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ! Пионерская дружина 107-й челябинской школы активно принимает в нем участие. Пожелаем пионерам этой дружины успехов во всех делах!

ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

Я живу в Ленинграде на Васильевском острове. Здесь жили еще мои дедушка и бабушка. Они приехали сюда в начале двадцатых годов — как раз в то время, когда в нашем районе создавались первые пионерские отряды. Создавались они тогда при фабриках и заводах, и дедушка, который пошел работать на завод имени Горького, помнит, как ребята помогали взрослым в борьбе с беспризорностью, участвовали в ликвидации неграмотности, собирали средства на озеленение города. Были случаи, когда в пионерский отряд вступали целыми семьями. Когда Толя, Шура и Сережа Андреевы уходили на сбор, их мама тоже забегала в пионерскую комнату и садилась тихонько в стороне и помогала, когда обращались к ней за советом. А потом попросила записать ее в отряд: «Буду делать все, что скажете. В моем детстве такого не было».

Сейчас об этой семье в нашем музее истории пионерской организации на Васильевском острове рассказывает целый стенд. И я, когда провожу экскурсии, люблю начинать свой рассказ с этого стенда.

Нашему музею уже двадцать лет, а я работаю в нем всего два года. Но я горжусь, что музей хранит истории и моей семьи. Когда началась Великая Отечественная война, мои родители были совсем маленькие. Папу успели увезти в эвакуацию, а мама всю блокаду пережила в Ленинграде, а потом долго болела.

Однажды папа показал мне свою грамоту, нарисованную на тетрадном листе обычной ручкой — не было после войны настоящих грамот. От времени эта самодельная грамота совсем истрепалась, но папа хранит ее как память о своем пионерском отряде. Их отряд собирал металлолом для восстановления железных дорог, помогал семьям тех, кто нуждался в пионерской заботе, устраивал праздники в больницах и детских домах. И я попросила папу отдать эту грамоту в наш музей.

Папа, мама всегда помогают нам в музее. Как-то мама познакомила меня со своей подругой, которая в детстве за работу в дружине была награждена поездкой в «Артек». Целый вечер рассказывала Татьяна Фроловна Масягина об «Артеке» и подарила несколько фотографий.

Когда мы узнали о том, что «Пионер» начинает Всесоюзный сбор-поиск «Верность красному галстуку», то поняли, что это наше дело, и мы всей семьей хотим в нем участвовать.

Рита БИЯНТОВСКАЯ, г. Ленинград.

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!
2025 ребят приняли участие в конкурсе на ЛУЧШИЕ СТИХИ О ХЛЕБЕ!
В этом номере «Кораблик» начинает печатать работы победителей.

Соня БОГДАНОВА — восьмиклассница из Москвы.

Рыба — вода, ягода — трава,
а хлеб — всему голова.
Русская пословица.

Хлеб всему голова

С давних пор говорилось в народе,
Что, мол, ягода — это трава,
Лес — зверье, рыба — чистые воды,
Ну, а хлеб — он всему голова.
Хлебом-солью гостей угощали;
«Хлеб да соль!» — молодым говорят.
И остался от старых поверий
Этот истинно русский обряд.
Хлеб — привычная, крепкая пища:
Есть обед — если хлеб и вода.
А без хлеба и дом — не жилище,
А без хлеба еда — не еда.
И всегда незабвенными будут
Те слова, что напомню я вновь:
«Пусть живут на земле нашей люди,
Мир и Родина, Хлеб и Любовь».

Ире ШЛИОНСКОЙ 12 лет. Живет она в подмосковном городе Троицке, учится в 6-м классе школы № 3.

Наш хлеб

Что думаешь, что вспоминаешь,
Когда видишь хлеба кусок?
Быть может, пшеничное поле,
Налитый зерном колосок?
Быть может, комбайн
или трактор
И шум полевых работ?
Быть может, кусочек хлеба
На поле тебя позовет!
Ты знаешь, сколько народа
Трудилось на нашей земле,
Чтоб этот кусочек хлеба
Лежал у тебя на столе?
В нем жаркое летнее солнце
И ливни, и стужа порой,
Как много пришлось
ему вынести,
Чтоб мог он лежать пред тобой!

Посвящаю Тане Савичевой

Я Таня,
Ты Таня тоже.
С тобою мы чем-то похожи.
К тебе протянуть мне хочется руки,
Как будто с тобой мы подруги.

С тех пор, как узнала я о тебе,
Мне в каждом хлеба куске
Видится тот блокадный кусок,
Который помог бы тебе.

Оля ПЫЛАЕВА живет в городе Химки, учится в 4-м классе.

Зерно

Под землей лежит зерно, набухает уголок.
Ты полей его скорей: даст оно росток.
Он еще и слаб и мал, а к солнцу потянулся.
Тут просвет он увидал и весны коснулся.
Стал он крепнуть и расти. Зерна наливались,
Хлеборобы, только взглянут, сразу улыбались.

А осеннею порой колосок пшеничный
Был на мельницу доставлен, стал мукой отличной.
А из той муки в пекарне стали булки выпекать,
И ватрушки и баранки... Да всего не сосчитать!

Стоит ноябрь на дворе, вот первый снег пошел.
А в теплом светлом доме кладут хлеба на стол.

«РАДУГА»
Рисунок Андрея САБИНИНА, 10 лет.

«С мамой и папой я не раз была в поле — поля раскинулись прямо от нашего дома до заснеженных Кавказских гор. Когда косили хлеб, солнце палило так, что стебельки пшеницы трещали от жара, в лесополосах листья на деревьях сворачивались в трубочку.

А люди — работали!

Я глядела на них и все время думала о том, как им должно быть тяжело. Но они за обедом шутили, улыбались. Быстро покушав, опять шли к своим машинам и комбайнам.

Об этом я вспоминала, когда сочиняла стихи на конкурс о хлебе.

Света ДЗИКОНСКАЯ».

Света ДЗИКОНСКАЯ живет в Краснодарском крае, в станице Гиагинской.

На каникулах

Поднимаюсь утром я
И — за речку, на поля:
Своей маме помогаю.
Быстро в кузов я влезáю,
Грузовик она направит
Прямо к бункеру комбайна.
Вот пошло зерно струею!
Чтоб не падало, рукою
Разгребать его спешу.

Вечером стихи пишу...

Страда

Стараются комбайны могучие,
На ток «ЗИЛ» за «ЗИЛом» идет.

Темными клубясь тучами,
Пыль над полями встает.

Там у пап и мам
Заливает пот лица.
Трещат под солнцем
Пшеничные стебли.
И скручиваются на деревьях
От жары листики,
А люди душу
Раскрывают хлебу.
И вот он, румяный, на столе
лежит.
Душистый, с хрустящей корочкой.
Я задумалась, и теперь сердце болит,
Если случайно оброню крошечку.

А. САЛУЦКИЙ

ПРИВЕТ, ТРАКТОРИСТ

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Еще лет пять назад стал я замечать: многие сельские парни стремятся после ПТУ сесть за руль трактора «Беларусь». Именно на «Беларусь» рвутся молодые трактористы!

А что собой представляет «Беларусь»? Это колесный трактор, очень маневренный, достаточно быстроходный — на асфальте развивает скорость свыше сорока километров в час, а главное — обладает весьма высокой проходимостью: сельские грунтовые дороги ему не страшны даже в распутицу. Именно «Беларусь» особенно явно, зримо показывает мастерство тракториста. Потому и рвутся парни на этот трактор.

Многие из молодых трактористов водят свои машины поистине виртуозно. «Ковбои» на тракторах, да и только! Однажды, переезжая на машине вброд речушку Таруску в Калужской области, я угодил в яму и оказался... по пояс в воде. Разумеется, собственными силами я не смог бы вытащить из реки тяжелую, наполненную водой машину с заглохшим мотором. Но, к счастью, на высоком левом берегу Таруски показался характерный силуэт «Беларуси». Я призывно замахал руками, прося помощи, и трактор лихо, наискосок — как горнолыжник — скатился с обрыва и замер в полуметре от воды.

— Не знаешь броду, не суйся в воду! — Из кабины выскочил веселый парень и, не мешкая, достал прицепной трос.

Признаться, я был уверен, что с первого раза ничего не получится. Но молодой тракторист быстро справился со своей задачей и тронул с места так осторожно, что машина спокойно, без рывков выкатилась на берег.

Мой спаситель торопился, я успел только спросить, как его фамилия.

— Шапурин Алексей...—ответил он и лихо помчался на своей «Беларуси» вверх по взбирающейся на речной обрыв извилистой дороге.

С тех пор я его не видел. Но мне не раз приходилось бывать в тех местах, и однажды, возвращаясь из Калуги вместе с директором совхоза «Лопатинский» Василием Ивановичем Крыжановским, я поинтересовался: как там у вас Алексей Шапурин? Хорошо трудится?

— Нормально!—с удовлетворением кивнул головой Василий Иванович.—Толковый парень. И футболист! У нас сейчас молодежи много, приличная футбольная команда подобралась. На первенство области выступаем. А Шапурин у нас—лучший «бомбардир»...

Профессия тракториста становится ныне на селе все более престижной. Вспоминаю, как председатель колхоза «Большевик»—тоже в Калужской области—Виктор Иванович Назаров рассказывал мне о ребятах из села Некрасово, ставших трактористами.

Впрочем, сначала—несколько слов о самом Назарове. Десятилетку он окончил в 1967 году. Чему дальше учиться, знал давно и твердо: поступил в Московский институт инженеров сельскохозяйственного производства имени Горячкина. С отличием окончил его в 1972 году. Ему сразу же предложили поступать в аспирантуру, но он твердо ответил: «Нет, в аспирантуру сейчас не пойду. Хочу быть председателем колхоза!»—И вернулся в родное село Некрасово.

Молодого специалиста определили главным инженером, а десять лет спустя, в январе 1982 года, тридцатидвухлетнего Виктора Ивановича Назарова действительно избрали председателем колхоза.

Еще в то время, когда Назаров был главным инженером, он хорошо изучил хозяйство, знал все его больные места, понимал, как нужны колхозу молодые механизаторы. А где их взять? Тарусское ПТУ только создавалось. Тогда он сам принялся за дело: решил обучать вождению тракторов ребят из восьмилетней некрасовской школы. Читал лекции об устройстве тракторов, издал приказ, по которому все восьмиклассники получили право приходить на машинный двор и «ковыряться» в настоящей технике. Он понимал, что теория быстро наскучит подросткам, если не подкреплять ее практическими занятиями. Результат превзошел все ожидания: после окончания восьмилетки большинство некрасовских парней захотели работать в «Большевике».

Тогда Назаров предложил правлению колхоза утвердить разработанную им программу учебы. Выпускников восьмилетки стали принимать практикантами на машинный двор и платить им стипендию 90 рублей. Ребята трудились по четыре-пять часов в день—под руководством опытных наставников ремонтировали технику. А потом на тракторе «Беларусь» выполняли различные задания, например, подвозили к фермам корма, а с ферм вывозили навоз.

Но, естественно, на трактор они садились рядом с механизаторами-наставниками. Такие поездки вписывались в путевые листы наиболее опытным трактористам, и ребятам теперь не приходилось упрашивать какого-нибудь дядю Петю: «Дядь Петь, возьми меня с собой на трактор!» Дядя Петя учил их теперь по долгу службы. И делал это, как говорится, на совесть: весной каждому из учеников предстояло сдавать экзамены по мастерству вождения трактора.

Виктор Назаров старался придумать для некрасовских ребят интересные и трудные тренировочные упражнения. Ребятам поручалось, скажем, научиться останавливать трактор ровно в трех сантиметрах от шеста, врытого в землю,—не ближе и не дальше. Трактористам ведь часто приходится подъезжать задним ходом к тележке или к какому-нибудь прицепному сельскохозяйственному орудию.

После весенних экзаменов молодых трактористов допускали к самостоятельной работе: сначала на сенокосе, а в жатву они вступали уже опытными, проверенными в деле механизаторами, на которых хозяйство могло положиться.

Ребят привлекала возможность быстро получить профессию и стать самостоятельными работниками. А колхозу прибыль: каждый год пополнение в отряде механизаторов!

Впрочем, я, кажется, упустил из виду одно очень важное обстоятельство. При некрасовской восьмилетней школе по инициативе Назарова организовали консультационный пункт, чтобы ребята могли продолжать учебу. И все они через два года получили аттестат зрелости!

По официальным данным, в нашем сельском хозяйстве на каждого механизатора в среднем приходится почти по три механизма. На практике это означает, что нередко один и тот же человек водит и грузовик, и трактор, и комбайн—в зависимости от сезона, от погоды и от колхозных нужд.

Но, к сожалению, не везде так. Бывают случаи, когда выпускникам ПТУ, прибывшим на работу в колхоз или совхоз, дают такой трактор, на котором уже давным-давно никто не сеет и не пашет. Шины у него спущены, мотор надо перебирать, коробка скоростей требует ремонта. И начинаются мытарства молодого тракториста: запчастей не хватает, инструмент приходится выпрашивать у старших... Мается человек месяца два-три: зарплату получает маленькую, удовлетворения от

В жатву молодые трактористы вступают опытными, проверенными в деле механизаторами.

своего труда — никакого, и при первой же возможности уходит из колхоза.

А в таких хозяйствах, как «Большевик», не было случая, чтобы после сдачи экзамена молодому трактористу вручили неисправную технику — садится он только на новый или на капитально отремонтированный трактор. Садится, включает пускач, заводит мотор — и в путь! И сразу ощущает себя хозяином в настоящем деле, и настроение у него приподнятое, потому что сельский труд поворачивается к нему своей привлекательной, даже праздничной стороной.

Не случайно после армейской службы большинство механизаторов возвращаются в такие колхозы, как «Большевик». Они снова присоединяются к тому своеобразному «братству» молодых трактористов, которых повсюду теперь можно увидеть на проселках Нечерноземья.

Калужская область

Ведет журналист-международник П. ГРИГОРЬЕВ.

СЕГОДНЯ В ВЫПУСКЕ:

- **Ленин и Октябрьская революция в судьбе американки Эстер Джексон.**
- **Берег Слоновой Кости в тисках американской «помощи».**
- **Песочные замки строит Питер Виерсма.**

ДЕЛО ЛЕНИНА ЖИВЕТ И ПОБЕЖДАЕТ

Я ВЕРЮ В НАШУ ПОБЕДУ

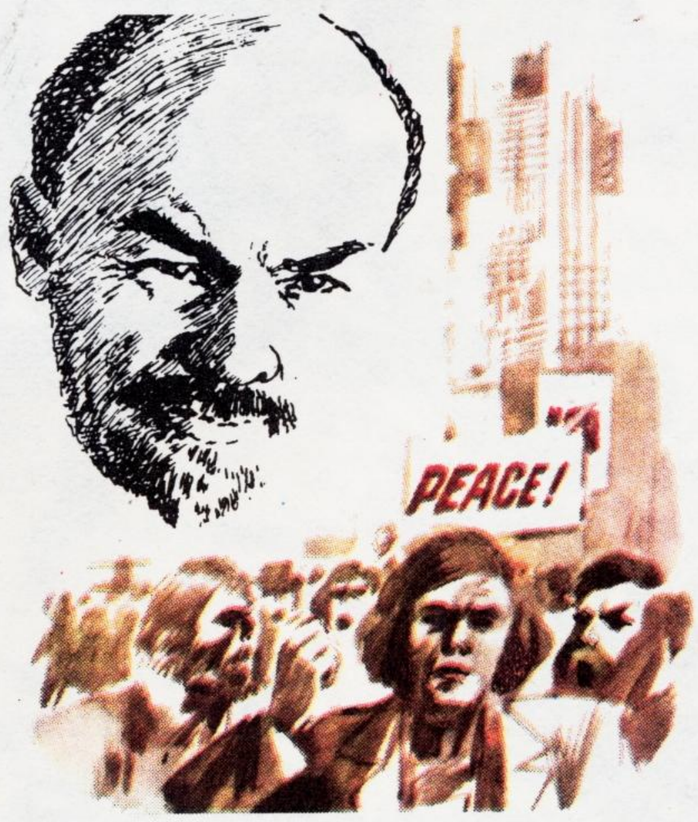
Эстер ДЖЕКСОН,
редактор журнала «Фридом уэйз» (США)

С детства меня интересовала судьба революционеров. В нашей семье была хорошая библиотека, в которой среди других книг стояли книги Маркса, Энгельса и Ленина. Мой отец служил в армии офицером, мать работала учительницей в школе. Набожные, добропорядочные американцы среднего достатка, они и меня готовили к жизни тихой и спокойной. На «всякий случай» следовало получить образование. Решили, что я тоже должна стать учительницей.

В университете штата Огайо я изучала историю и социологию. Именно там я начала штудировать произведения Ленина и книги по истории Октябрьской революции. Тогда же я решила бороться за освобождение всех угнетенных.

На одном из собраний студентов-революционеров я познакомилась с молодым коммунистом Джеймсом Джексоном. Он стал моим мужем. В то время он трудился над своей первой книгой, «Негры Америки», в которой разоблачал расистов США. Мы много говорили о молодом Советском государстве, мечтали увидеть Россию собственными глазами.

Грянула вторая мировая война. Джеймс пошел в морскую пехоту, сражался с японцами. Я в составе интернациональной бригады помогала советским людям восстанавливать разрушенный фашистами Сталинград.



Послевоенные годы принесли нам суровые испытания. Мы пережили репрессии и преследования времен «холодной войны», разлуки и аресты. И все эти годы нас поддерживал пример Ленина и его соратников, которые находили в себе силы бороться даже в самые трудные времена.

С начала шестидесятых годов навеки, казалось, усыпленная Америка проснулась. Поднялась волна движения негров за гражданские права. Затем — выступления против агрессии во Вьетнаме. Закипели университетские городки, улицы превратились в поле боя демонстрантов с полицией... В это бурное время появился и журнал «Фридом уэйз» («Пути свободы»), основал который известный негритянский философ Дюбуа. Я заинтересовалась этим журналом и начала в нем сотрудничать. Дюбуа стал моим учителем журналистики и политики. После его смерти я стала редактором журнала, продолжала дело Дюбуа.

Наш журнал выступает против всего того, что позорит сегодня Америку. Мы разоблачаем политику гонки вооружений, объясняем причины безработицы и бедности, от которой страдают десятки миллионов американцев. Мы объясняем простым американцам, что нынешнее правительство — это правительство от монополий и для монополий. Особенно для тех, которые производят оружие. Недаром при президенте Рейгане военные затраты США достигли небывалой в истории цифры.

Я знаю, что многим американцам не по нутру политика Рейгана. Поэтому простые люди становятся в ряды борцов за мир. 20 миллионов американцев выступают сейчас за переговоры между СССР и США об ограничении ядерных вооружений.

В нашей стране трудно приходится печатным изданиям, которые защищают интересы трудящихся. Но меня поддерживает пример Ленина, издававшего «Искру». И я верю в нашу победу.

«Африканское чудо»

Президента африканского государства Берег Слоновой Кости Уфуэ-Буаньи часто называют «другом американцев», а его страну — «африканским чудом». В этом небольшом государстве живет 60 племен, говорящих на разных диалектах. Но здесь не знают государственных переворотов, народных волнений и войн между племенами. Эта бывшая французская колония вышла на первое место в мире по производству какао и считается крупнейшим поставщиком кофе. Безработица в Береге Слоновой Кости самая низкая среди африканских стран. А недавно у берегов на морском дне нашли еще и нефть. Чего, казалось бы, жаловаться на жизнь?

Но люди жалуются. Правящая верхушка жалуется на падение мировых цен на кофе и какао. Оно лишило страну денег, необходимых для развития экономики. Шофер такси хватается за голову, когда обнаруживает, что вся его месячная выручка пошла на учебники детям. Бизнесмены в панике от наглых американских компаньонов...

Основной торговый партнер Берега Слоновой Кости — США. Американские монополии запрещают молодому африканскому государству продавать на мировом рынке столько кофе, сколько оно может. Когда в США кризис, монополисты стараются меньше покупать африканского кофе. Для Берега Слоновой Кости это катастрофа. Ведь большую часть продовольствия республике приходится ввозить из Франции. А на что покупать, если денег нет?

Всей экономикой в стране заправляют французы. Сейчас их здесь около пятидесяти тысяч — больше, чем было в колониальное время. Это богатые землевладельцы, бизнесмены и чиновники. Живут они главным образом в столице Абиджане.

Недавно обсуждался вопрос о международной помощи африканским странам в развитии сельского хозяйства. Даже самые бедные из них смогли найти собственных специалистов, составивших соответствующие проекты помощи. И только Берег Слоновой Кости обратился к проектировщикам-французам. Вот оно, «африканское чудо» Уфуэ-Буаньи.

В песочек играет... взрослый

Нидерландцу Питеру Виерсме 40 лет. Он служащий, а в свободное от работы время строит замки... из песка. Этим делом он увлекается с восьми лет и за многие годы кропотливой работы сумел достичь немалого совершенства.

Для строительной площадки Питер выбирает укромный уголок пляжа с чистым песком, куда не задувает ветер и не доходят волны. Инструментами служат кухонный нож, деревянная пластинка и тонкая веточка бамбука. Еще он берет с собой фотоаппарат — чтобы увековечить свое детище, пока его не разрушат погода или вездесущие дети.

Когда Питера спрашивают, почему он увлекается таким несерьезным для взрослого человека делом, он вместо ответа показывает свои фотографии. И люди понимают, что перед ними художник. Единственный в мире.

Акционерное общество — добровольное объединение капиталистов, которые вносят свои капиталы для осуществления каких-либо проектов: строительства дорог, жилья, предприятий, перевозки грузов и т. д. Акционерное общество выпускает ценные бумаги — **акции.** Каждый, кто хочет участвовать в проекте, покупает акции и становится как бы членом акционерного общества. Владелец акций имеет право получить часть прибыли акционерного общества. Чем больше акций у владельца, тем больше он может получить прибыли.

Бундесвер — так называются вооруженные силы ФРГ. Бундесвер был создан в 1954 году. Сейчас он оснащен самым современным оружием, в том числе американским, и является одной из главных ударных сил военного блока НАТО.

О Чапаеве и чапаятах

На этих страницах вы прочтете о Чапаеве и чапаятах.

— Знаем! — скажете вы. — Видели в кино, смотрели по телевизору.

Да нет, здесь вы прочтете, что рассказал о Чапаеве писатель Владимир Разумневич.

— Читали! — скажете вы. — Мы читали эту книгу.

Так то книга. А перед вами — пьеса, которую можно играть в театре. А пьеса отличается от книги и фильма тем, что все происходящее в ней совершается в настоящем времени. Да, да! Если в сценарии фильма или в книжке напишут: «Вошел Чапаев», то в пьесе говорится: «Чапаев входит». Как будто сегодня. И это неудивительно. Ведь пьесу играют живые артисты.

Я видел эту пьесу в постановке Куйбышевского театра юных зрителей. Очень хороший получился спектакль!

Как только он начался, зрительный зал сразу стих, и, не шелохнувшись, не проронив ни слова, не шелестя программками, ребята следили за стремительно развивающимся сценическим действием. Посмотрев спектакль, ребята стали присылать в театр рисунки и письма.

«В этом спектакле больше всех мне понравился Василий Иванович Чапаев, потому что он был смелым, сильным, правдивым. Я тоже хочу быть во всем похожим на этого героя».

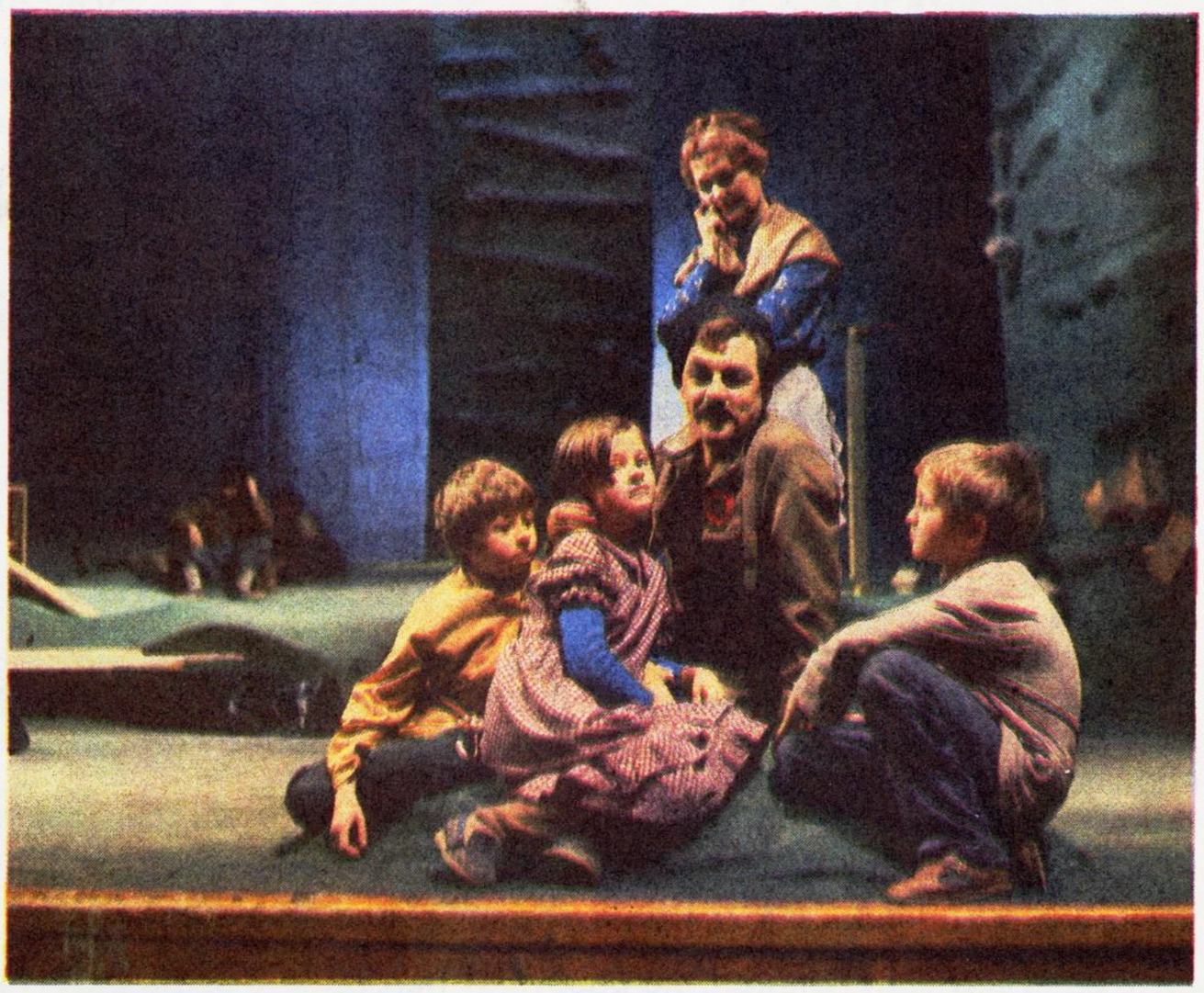
«Помогая бедным крестьянам, Чапаев хотел, чтобы быстрей кончилась война и настал мир».

«Этот спектакль произвел на меня сильное впечатление, и я хочу увидеть его второй раз».

А недавно писателю Разумневичу пришло письмо из города Междуреченска. Там в средней школе № 6 есть клуб, который называется «Чапаенок». Ребята из этого клуба путешествуют по дорогам Чапаевской дивизии, организовали музей, устраивают школьные вечера, посвященные чапаевцам. Им и всем, кто прочтет эту пьесу, наверное, захочется сыграть ее у себя в школе. Необязательно всю — можно сыграть отрывок, который больше всего понравится.

О. РЕМЕЗ,
доктор искусствоведения.

В Куйбышевском театре юных зрителей роль В. И. Чапаева играет артист Алексей Симкович.



Владимир РАЗУМНЕВИЧ,
Владимир МОЛЬКО

СКАЗКА ПРИДЕТ ЗАВТРА

Сцены из пьесы о легендарном начдиве и его юных соратниках

Рисунки В. ДУДКИНА.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Чапаев — начальник дивизии.
Пелагея — его жена.
Саша, Клава, Аркаша — их дети.
Плясунков — комбриг.
Егор Раданов — разведчик Чапаевской дивизии.
Ванюша — его сын.
Тимоша — связист при штабе дивизии.
Архип Ермаков — боец чапаевской дивизии.
Лука, Степан — его сыновья.
Пленный белогвардеец.
Белочех.
Есаул.

Время действия 1918—1919 годы.

Сцена первая

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Небольшая площадка во дворе волостного Совета. На перилах крыльца сидит, свесив ноги в лаптях, Архип Ермаков с сыновьями. Они наблюдают, как в окружении солдат пляшет Егор Раданов. Отбросив шинель и винтовку, он своей пляской забавляет публику. Ванюша, сын Егора, смеется и хлопает в ладоши вместе со всеми.

ЕГОР. *(Поет, приплясывая.)*

Бога нет, царя не надо,
Без него мы можем жить,
В Красну гвардию подамся,
Чтоб республике служить!

ВАНЮША. *(Выбегает в круг и, смастерив себе усы из пучка соломы, начинает петь и плясать рядом с отцом.)*

Ой, яблочко,
Не катися в воду!
Будем, батя, мы с тобой
Защищать свободу!

ЕГОР. *(Вместе с Ванюшкой идет по кругу и подпевает ему.)*

Воевал в войну германску,
На японской был войне.
А за власть свою крестьянску
Повоюю я вдвойне.

(Неожиданно появляются Чапаев и Тимоша. Публика расступается.)

ЧАПАЕВ *(подняв винтовку с земли)*. Чье оружие? *(Гневно.)* Чья винтовка?

ВАНЮША *(прекратив пляску)*. А вам-то какое дело, дяденька? Не видите — мы пляшем? А вы мешаете, катились бы своей дорогой!

ЕГОР. Верно, сынок! Пусть катится, а мы еще попляшем. У нас нонче праздник.

ЧАПАЕВ. Это какой же такой праздник?

ЕГОР. Революционный. Не слышал разве? Николаевский полк расформировали и командиру его — белогвардейцу Отмарштейну — от ворот поворот. Кончилась буржуйская власть в полку! Вот мы и пляшем.

ЧАПАЕВ. Что верно, то верно — нет теперь буржуйского полка, белый подполковник разжалован в рядовые. По велению самой революции.

ЕГОР. Вот видишь. Надо бы заодно с нами порадоваться. А ты поперек веселья встрял, пляске ходу не даешь.

ЧАПАЕВ. На пляску я и сам горазд, коли в настроении. Я не о том. Я про винтовку спрашиваю. *(Вскидывает винтовку над головой.)* Чье оружие?

ЕГОР. Не тронь. Тебя оружие не касается.

ЧАПАЕВ. Так, значит, твое?

ЕГОР. Не мое. Казенное... Да что ты прилип, словно банный лист. *(Кривит губы, подбирает шинель с земли, накидывает на плечи.)* Топал бы лучше, куда шел, не то...

ЧАПАЕВ. Что «не то»? Ну, досказывай! Тоже храбрец сыскался — грозить мне! Да знаешь ли ты... *(Неожиданно гневно командует.)* Встань, как положено! Тут тебе не балаган! Солдат называется... Кто такой?

ЕГОР *(не меняя заносчивой позы, пренебрежительно).* Законный сын своих родителей, немазаный, сухой — вот кто такой! Никто мне не указ — ни бог, ни царь и не герой! При Советской власти я сам себе господин: хочу — гуляю со всеми, хочу — один! Кончилась офицерская власть над солдатом. Поизмывались, хватит!

ВАНЮША. Нашел, батя, с кем разговаривать — с буржуем! Не видишь разве — у него усы офицерские. *(Снова прижимает к носу соломинки.)* А мы и сами с усами!

ЕГОР. И вправду, сынок, чего это он надо мной раскомандовался! Как на параде — во весь голос. А мы не из пугливых. Изголяться над собой не позволим!

ЧАПАЕВ. А над революционным порядком измываться можно? Распоясался, как пьяный купчишка!

ЕГОР. Ваше-то какое дело? Мы сами себе теперь хозяева.

ТИМОША *(обращаясь к Егору).* Вы зря горячитесь, товарищ солдат. Командир вам верное замечание сделал. Застегнулись бы хоть.

ЕГОР. Какой он мне командир? Моего командира — лысого подполковника солдаты за милую душу с трона турнули. Достукался! У нас в полку нонче безвластие.

ТИМОША. Было безвластие, да кончилось! Только что уездный Совнарком утвердил нового командира полка — Чапаева Василия Ивановича. Товарищ Чапаев, скажу вам, не буржуйского происхождения. Он в прошлом плотник. Солдатскую службу прошел на германском фронте. Четырех Георгиев за геройство имеет. Большевик. Ему поручено старый полк ставить на новые, революционные рельсы.

ЕГОР. Это хорошо, что такого заслуженного солдата во главе полка поставили. Радуюсь и приветствую. Вот пусть он, герой-Чапаев, мною и распоряжается. А не этот усатый...

ТИМОША. Да это же и есть он самый — товарищ Чапаев. Неужели не знали?

(Стоявший за спиной отца Ванюшка пятится виновато и убегает.)

ЕГОР *(покосился на Чапаева, потом втянул руки в рукава шинели и стал торопливо застегиваться).* Прошу прощения, товарищ командир полка. *(Вытягивается перед Чапаевым.)* Нонче, без погон-то, не поймешь, кто есть кто.

ЧАПАЕВ *(насупив брови).* При Советской власти белый офицер тебе не указ. Это точно. Тобой сама революция распоряжается. А еще я, твой командир, революцией назначенный. Изволь подчиняться!

ЕГОР. Кабы я знал... *(Тянется к винтовке.)* Позвольте, значит, востребовать.

ЧАПАЕВ. В грязные руки не дам. *(Вынул затвор, провел пальцем.)* Это что? Грязь!.. *(Вставляет затвор.)* Да имеешь ли ты понятие, что это такое?

ЕГОР. Вин-вин-товка...

ЧАПАЕВ. А для чего винтовка в руки солдату дается, тоже знаешь?

ЕГОР. Стрелять, значит...

ЧАПАЕВ. Стрелять!.. Винтовка дается красному солдату для защиты революции. Понятно тебе?

ЕГОР. Так точно, понятно.

ЧАПАЕВ. И всем это понятно?

(Мужики согласно загалдели.)

А коли тебе и всем понятно, так пошто ж ты ее, голубушку, в грязи держишь и в грязь бросаешь? Белогвардеец свое оружие холит и чистит, чтобы тебе, разгильдяю, погуще свинца запустить в кишки. А ты чем ему ответишь? Откуда родом?

ЕГОР. Чебоксарского уезду...

ЧАПАЕВ. Земляк?!. Как зовут?

ЕГОР. Егор Раданов.

ЧАПАЕВ. Жена, дети есть?

ЕГОР. Жена имеется... Который год болеет, чуть живая. Две девчонки у нас — малолетки. И сын — Ванюшка, все ко мне из дома бегает. *(Кричит.)* Иван! Где ты там? Видать, вас, товарищ Чапаев, застыдился — за дерзость свою. Я ему... язык укорочу!

ЧАПАЕВ. Со своего начни... Значит, есть кого от кулаков-мироедов и буржуев защищать, есть для кого лучшую жизнь добывать?

ЕГОР. Я за весь трудовой народ... А как же?

ЧАПАЕВ. И правильно! *(Отдает винтовку.)* Держи, Егор, да в порядке содержи!

ЕГОР. Есть содержать в порядке! *(Оттирает винтовку рукавом шинели.)*

ЧАПАЕВ. В разведку бы тебе — сразу подтянешься.

ЕГОР. С полным удовольствием, только доверьте, я...

ЧАПАЕВ. И доверю. Но и спрошу, заруби это как следует.

АРХИП. Ты для чего нас на эту представлению созвал, Василий Иванович?

ЧАПАЕВ. Представление вам мой земляк Егор Раданов показывал, а я раз и навсегда предупредил: никакого разгильдяйства в полку не потерплю... Так вот, братцы, сказали мне в уездном Совнаркоме: «Учини, Василь Иваныч, агитацию, чтобы, значит, крестьяне добровольно пошли белых лупить». А я вот стою перед вами, а про себя спрашиваю: а на черта лысого вам моя агитация? Сам я давний солдат, пулей не раз меченный, такой же, как вы, мужик. И ежели я понимаю, какая трудная нынешняя обстановка, вы, думаю, ту же самую полную сознательность имеете! Верно я говорю?

АРХИП. Раз такая опасность для Советской власти наступила, поголовная мобилизация надобна. Так при царе всегда делалось...

ЧАПАЕВ. Мобилизация — что? Тьфу! Плох тот солдат, который по принудке воюет. Нам добровольцы нужны. С орлами-добровольцами воевать — сущая благодать! Вопрос, надеюсь, ясный?

ЛУКА. Чего там балясы точить? Записывай в добровольцы — и баста!

СТЕПКА. Умрем за Советскую власть!

ЧАПАЕВ. Зачем же умирать? Лихого солдата и смерть боится.

ЛУКА. Записывай!..

АРХИП. Да погодьте галдеть-то! Говори, Василь Иваныч, не тушуйся.

ЧАПАЕВ. Солдату много говорить не подобает.

АРХИП. Так тебе ж наказ дали — агитировать

Товарищу Чапаеву поручено полк ставить на новые, революционные рельсы.

нас. Без агитации никак нельзя! Один наш мужик за спасибо в Москву сходил да еще полспасиба домой принес.

ЧАПАЕВ. Спасибо скажу, когда белогвардейцев прогоним.

АРХИП. Прогоним! Но прежде имею охоту тебя выслушать.

ЧАПАЕВ. Морока с тобой, отец. За что же, скажи на милость, я должен тебя агитировать? За Советскую власть? Так ведь она сама за себя говорит! Ты при царе кем был?

АРХИП. На мироеда шею гнул, чуть ноги не протянул.

ЧАПАЕВ. Вот то-то и оно. Зачем же тебе моя агитация? А может, ты вообще к царскому режиму сердечную нежность питаешь? Тогда ступай к помещику да скажи ему: «Вертаю вашему высокородию землицу, которую по своему крестьянскому неразумению забрал в октябре. Возьми обратно! И дай мне, голодранцу, спокойно околеть под твоим забором». Так, что ли?

АРХИП. Да что ты, Василь Иваныч, на самом деле меня агитируешь? Да я за Советскую власть сам кого хошь сагитирую!

ЧАПАЕВ. Так нужна тебя моя агитация или нет?

АРХИП. Мне тебя послушать и как следует узнать охота: с кем умирать придется.

ЧАПАЕВ. Да вы что, сговорились? Один — умирать, другой — умирать!

АРХИП. А как же не сговорились, чай, мы не чужие. Это сыновья мои — Лука и Степка.

ЧАПАЕВ. Тогда и не будем больше тары-бары разводить. Солдат в бой идет не за тем, чтобы погибать, а чтобы вольную жизнь завоевать!.. Как зовут-то-величают тебя, отец?

АРХИП. Архипом Фокиевичем люди кличут.

ЧАПАЕВ. Не тяжеловато ли в твои годы на войну подниматься? Мы, молодые, и одни управимся.

АРХИП. Чем больше нас будет, тем скорее врага одолеем. За тем, стало быть, и пришел в твою армию и сынков своих привел. Лука к тому же песни разные складывать умеет, а Степан вот на голос больно душевно их берет.

ЧАПАЕВ *(пожимая руки).* Это хорошо! Без песни какая жизнь! Вот таких молодцев мне и надо! Налетят красные соколы на белое воронье — только перья посыплются!

Сцена вторая

ХИТРАЯ ТАКТИКА

Штаб дивизии. Чапаев и комбриг Плясунков склонились над картой. Обсуждают план предстоящей операции. Входит Архип Ермаков.

АРХИП *(отдает честь).* Командир второго взвода Ермаков прибыл по вашему приказанию, ваше благородие!

ЧАПАЕВ *(с ухмылкой).* «Ваше благородие»... Отыскал дворянина! Ни кола, ни тына и за душой лишь два алтына.

АРХИП. Извините, ваше... То есть товарищ Чапаев!.. С германской привычка. Бывало, мы так нашего обер-офицера...

ЧАПАЕВ. Оберы в Красной Армии не водятся. Перевелись. Докладывай, Ермаков, сызнова.

АРХИП *(одергивает на себе гимнастерку и снова отдает честь).* Взводный Ермаков явился в ваше распоряжение, товарищ Чапаев!

ЧАПАЕВ. Ну вот это иное дело! Присаживайся. *(Переводит взгляд на Плясункова, который сидит у окна.)* Давай обмозгуем, Михалыч, куда разъезд посылать.

АРХИП. Я вот тут, на бумажке *(показывает),* изобразил, где белоказачьи части разместились. Ихний пленный сообщил. Проверить надобно.

ЧАПАЕВ. Не всякому пленному верь, свое соображение имей. Для того и разъезд направишь *(переносит обозначения с Архиповой бумажки на карту)* вот сюда. А еще вот сюда, в заиргизный лес. Отсюда, должно быть, они пойдут. Место скрытное, неприметное. Самое подходящее для подготовки к наступлению. Пусть разъезд проверит, там ли они прячутся и сколько их. Потом доложишь. А мы тут покумекаем, свою хитрую тактику придумаем. И останутся белоказаки, как и в прошлый раз, с носом. Уяснил?

АРХИП. Так точно.

ЧАПАЕВ. Коли уяснил, действуй! Жду тебя вечером в штабе. Ступай разъезд готовить.

АРХИП *(поднимается и отдает честь).* Слушаюсь, ваше бла... Фу, опять промашка!.. товарищ революционный командир нашей дивизии товарищ Чапаев!

ЧАПАЕВ. «Благородие» в тебе, вижу, как заноза, засело. Вытаскивай ее смелее. Да чтоб с корнем! Это у белых люди делятся на благородных и неблагородных. А у нас в Рабоче-Крестьянской Красной Армии одни сплошные товарищи. Запомни!

АРХИП. Есть запомнить! *(Уходит.)*

ЧАПАЕВ *(повернувшись к Плясункову, который все это время с интересом наблюдал из окна, что делается на улице).* Чего это тебя, Михалыч, к окну приморозило?

ПЛЯСУНКОВ. А ты сам, Василий Иванович, полюбопытствуй. Занятная, скажу тебе, штука. Видишь, во дворе белобрысый мальчишка за козой гоняется? Умора! Дважды он на рогатую верхом садился. А она его — брык! — каждый раз со спины сбрасывала. А он встанет, отряхнется, ватные усы носом поправит и давай махать палкой, козу нагонять. Баталия эта битый час длится. С переменным успехом — то он козу, то коза его.

ЧАПАЕВ. Люблю отчаянных. В лихого кавалериста пацан вымахает!

ПЛЯСУНКОВ. Это он тебя на коне, Василий Иванович, изображает.

ЧАПАЕВ. Неужто? Что-то не похоже. Я не я и лошадь не моя...

ПЛЯСУНКОВ. Своими ушами слышал — пацан внушал козе: «Ежели ты меня, Чапая, слухаться не будешь, отлуплю, как сидорову козу!»

ЧАПАЕВ. Так и сказал? Вот ведь... Коли так, это я и есть! И лошадь моя. И усы не короче моих. Похож. Точь-в-точь!

ПЛЯСУНКОВ. Скажешь тоже, Василий Иванович...

ЧАПАЕВ. А ты не скаль зубы. Я вполне серьезно. Словно малолетство свое в окошко подглядел. Все мы в детстве так начинали. И я, правду сказать, раньше его лет на козе скакал. Потом, на девятом году, мне повышение подоспело. Определили, значит, в свинари. Уж не козой, а целым поросячьим взводом командующий. Большущий начальник был!.. Архип Ермаков вот назвал меня «благородием». Понимаю, привычка липучее смолы. Враз не отдерешь... Знавал я когда-то одно «благородие». Хозяин, у которого я свиней пас, обожал, чтобы его так величали. А сам-то был, что боров в моем стаде. Честное слово! Брюхо — во, в три обхвата. Не отыщешь, где конец, где начало. Словно шар на двух подпорках. Свысока смотрел на нашего крестьянского брата. И задумал я однажды ему свинью подложить. Выбрал из поросячьего войска самую породистую, похожую на моего хозяина. Для пущей важности намазюкал свинье грязью широченные брови, как у хозяина, хозяйскую кепку промеж ушей нацепил и мочалку из-под козырька высунул, к шее бечевку с колокольчиком приладил. Выпустил борова на улицу. Мужики сразу узрели огромадное сходство с моим хозяином. «Брат нашего барина. Самое натуральное свинячье благородие!»

ПЛЯСУНКОВ. Ну, а дальше-то, Василий Иванович, что было? Вздул, небось, тебя хозяин по первое число?

ЧАПАЕВ. Было дело. Уши мои целый месяц пожаром полыхали. А спина, что сковорода с огня — не притронешься... Э, да что там! Я этого свинячьего хамства разного во сколько повидал. Большущее стадо! И когда за кусок хлеба у кулаков да богатых казаков плотничал, и когда в лавчонке у балаковского держиморды с помощью подзатыльников науку мухлевать — торговать постигал, и когда половым в харчевне канючил...

(Говоря это, взволнованный Чапаев шагает по комнате из конца в конец, к окну подходит. И вдруг лицо его озаряется радостью.)

ЧАПАЕВ. Взгляни-ка на него, Михалыч! Наш кавалерист оседлал-таки свою козу. Совсем шелковой стала, рогатая, даже не брыкается. Упрямый, чертяка!.. Завидую! В веселое время жить будет. Ну, да ладно, хватит. Пора к делу возвратиться. *(Расправляет карту на столе.)* Что нам делать с заиргизной казачьей группировкой, станет ясно, когда взводный Ермаков придет с донесением разведчиков. Давай-ка сперва закончим обсуждение операции на главном направлении. Колчаковцев

Что делать с заиргизной казачьей группировкой, станет ясно, когда взводный придет с донесением разведчиков.

надо так треснуть, чтоб они от нас лишь на небо могли улизнуть.

ПЛЯСУНКОВ. Егор Раданов разведал: колчаковцы всю станцию блиндажами обложили, колючей проволокой и броневиками загородились.

ЧАПАЕВ. Егор Раданов, говоришь? Довелось мне с ним однажды познакомиться. Землячок мой. Выходит, не зря я его в разведчики определил. Отличился. Вот тебе и плясун... Судя по его донесению, на станции аховая ситуация. Аховая! Лошадь против брони все одно, что моська против слона...

(Вбегает Ванюша Раданов. У него усы из ваты. Заметив Чапаева, он срывает усы, встает перед ним навытяжку.)

ВАНЮША. А мне сказали, вас еще нет...

ЧАПАЕВ. *(К Плясунову.)* Смотри, Михалыч, какой лихой кавалерист пожаловал. Усмирил козу — и к нам! Ай да парень! Козы не испугался...

ВАНЮША. Я ждал, когда вы придете. А тут коза во дворе. Стал играть от нечего делать. Упрямая. Едва управился.

ПЛЯСУНКОВ. Лицезрели мы твое геройство. Лихо работал. Молодец!

ЧАПАЕВ. По какому делу явился?

ВАНЮША *(достает из кармана листовку)*. Вот. Беляк с аэроплана набросал. Всю улицу бумажками усеял.

ЧАПАЕВ *(читает)*. «Красные солдаты, уничтожайте своих комиссаров и командиров-мародеров, переходите к нам...» Вот и про меня: «усатый злодей»... «разбойник»... «вознаграждение чистым золотом»...

ПЛЯСУНКОВ. На свой аршин мерят!

ЧАПАЕВ *(дает листовку Плясункову)*. Без мозгов так не напишешь. Почитай-ка. Хм!.. Вот ведь... В прошлый раз, помнится, Колчак меньше давал. С чего бы вдруг такая надбавка?

ВАНЮША. Товарищ Чапаев, разрешите и мне в разведку. Я придумал, как главных беляков, которые эти листки пишут и за вами охотятся, поймать, а комбат наш меня не пускает, домой гонит, а я хочу... готов... Сам боится в тыл к белякам пойти и меня не пускает...

ЧАПАЕВ. Погоди, погоди! Кто ты таков? Где-то я тебя прежде видел?

ВАНЮША *(поднялся на цыпочки).* Чапаевский боец Иван Раданов! Решил до конца сражаться против буржуев за счастье народа. Я себе клятву такую дал, а наш батальонный...

ЧАПАЕВ. Ишь ты, «чапаевский боец». А чапаевскому разведчику Раданову Егору ты случайно не родня?

ВАНЮША. Он мне отцом доводится.

ПЛЯСУНКОВ *(смеясь).* Видал, каков орел! Он — ему!..

ЧАПАЕВ. Вспомнил, вспомнил... Ты еще усатым буржуем меня назвал. Не так ли?

ВАНЮША. Это я сгоряча, не разобрался...

ЧАПАЕВ. Что ж мамку больную и сестренок-малолеток бросил?

ВАНЮША. Я не бросил... Маманя сама... Присматривай, говорит, на войне за отцом, а то он у нас малость шальной. Ей-богу, не вру!

ЧАПАЕВ. Ну, а отец что?

ВАНЮША. Не больно гонит домой, не то, что наш батальонный... *(Обращается к Плясункову.)* Он в вашей бригаде, товарищ Плясунков, числится. Так вот батальонный и близко к окопам не подпускает. Батя понимает мое стремление, а он ругается.

ЧАПАЕВ. Сколько же тебе стукнуло, Ванюшка?

ВАНЮША. Семнадцать.

ЧАПАЕВ. Ой ли? Ври, да знай меру.

ВАНЮША. Ше-ше-шестнадцать, кажется...

ЧАПАЕВ. А точнее?

ВАНЮША. Пятнадцать с половинкой.

ЧАПАЕВ. Половинку побереги себе на развод. А пятнадцать, может, и наберется. Только это ведь маловато для чапаевца-разведчика.

ПЛЯСУНКОВ. Мне батальонный Баулин не раз докладывал, что никакого сладу у него с каким-то пацаном. Знай лезет на передовую. Сколько раз его выпроваживали, а он снова, как снег на голову. В пору ремнем отстегать.

ЧАПАЕВ. Не мешало бы, чтобы старших почитал и память имел о своих годах.

ВАНЮША. Я же не хотел... я ведь...

ЧАПАЕВ. Соврешь — не помрешь, да только вперед тебе никто не поверит.

ВАНЮША. Я, товарищ Чапаев, никогда вам больше не совру. А вот белого генерала враз могу одурачить, только пошлите.

ЧАПАЕВ. Ишь ты! Как же это?

ВАНЮША. Пойду в разведку. Возьму с собой бомбу. В пустой арбуз ее запрячу. Подкрадусь к ихнему штабу — я маленький, никто не подумает, что у меня бомба,— и бабах арбузом в окно. А без главных все белые поразбегаются...

ЧАПАЕВ *(хохочет).* Ай да Ванюшка-хитрец! Трах-бабах арбузом — и белым крышка. Какая же это разведка? Ну и ну! А я-то, дурень усатый, часами над картой колдую, на тачанке да верхом за главным по степи денно и нощно гоняюсь, никак не поймаю. А тут, вишь, никакого Чапая и не надо! Бац арбузом — и вся недолга!

ВАНЮША. Нет, без Чапая нельзя. Мне батя говорил: белоказаков прикончим — другие враги пролетариев всех стран появятся. Они со всех сторон идут. А для такого случая бороны могут сгодиться.

ПЛЯСУНКОВ. Какие еще бороны?

ВАНЮША. Обыкновенные, какие! Если начнут нас окружать, соберем бороны, перевернем зубьями кверху, разложим и прикроем бурьяном...

ЧАПАЕВ. Ну, ну...

ВАНЮША. Неужели не соображаете?

ЧАПАЕВ. Догадываюсь. А дальше-то что?

ВАНЮША. Как что? Беляки на конях на зубья напорются, начнут плясать, тут мы их из пулеметов и пушек лупить!

ЧАПАЕВ. А если они на броневиках или пешим порядком?.. Да, работенки у нас впереди невпроворот. А ты, значит, готов со мной до конца?

ВАНЮША. Пока всю, какая есть, контру не доконаем, домой не вернусь. Я же сказал: клятву себе дал такую.

ЧАПАЕВ. Ну, коли такая клятва... *(Плясункову.)* Как думаешь, Иван Михайлович? Клятва — не шутка. *(Ванюше.)* Чапаевским бойцом быть разрешаю, а в разведку пока не пущу, чтоб наперед не обманывал старших.

ВАНЮША. Отцу в разведку можно, а мне нельзя?

ЧАПАЕВ *(Плясункову).* Скажи портному, чтоб он ему шинель по росту приладил и все прочее...

ВАНЮША. Ну идемте со мной, если одного не отпускаете!

ЧАПАЕВ. Нельзя мне отлучаться...

ВАНЮША. Да вы тоже, наверное, трусите!..

ПЛЯСУНКОВ. Я тебе сейчас такого труса задам!

ВАНЮША. А еще Чапай! Где же ваше геройство, где? За вашу голову деньги сулят, а вы терпите!

ЧАПАЕВ. Вот когда миллион положат, тогда пойдем. Твердо обещаю. Я одни свои усы во сто тысяч оцениваю. Ты моего связного Тимошу знаешь?

ВАНЮША. Знаю. Видел, когда вы с батей моим знакомились...

ЧАПАЕВ. Будешь пока при нем. Он секретные пакеты возит. Ну вот, станешь его незаметно охранять — вместе с пакетами. Запрячешь бомбу или гранату в арбуз или тыкву — никто не догадается, что ты сопровождающий. Ну, «чапаевский боец», по рукам?

ВАНЮША. По рукам, если не шутите! *(Уходит.)*

ПЛЯСУНКОВ. Не пацан, а сорвиголова!

ЧАПАЕВ. На тебя смахивает, только что не рыжий. Слышал о нем много, а вот потолковать с парнишкой лишь нонче довелось... Как же нам все-таки колчаковцев без особых потерь прихлопнуть и расколотить, а?

ПЛЯСУНКОВ. Беляка, Василий Иванович, в лоб сподручнее бить, чтоб он рассудка лишился.

ЧАПАЕВ. У него ж лоб бронированный. Конской подковой его не прошибешь, да и саблей не взять.

ПЛЯСУНКОВ. А ты забыл, как я броневик одной саблей захватил. Да еще с офицериком!

ЧАПАЕВ. Я-то не забыл, а тебе в другой раз такая лихость не сойдет.

ПЛЯСУНКОВ. Глоткой возьмем!

ЧАПАЕВ. Станцию?

ПЛЯСУНКОВ. Станцию. В полную силу своих глоток гаркнем — у самого черта в голове помутится. На испуг возьмем.

ЧАПАЕВ. Психически, значит, брать предлагаешь? А может, арбузами закидаем, а?

ПЛЯСУНКОВ. Колчак привык нас с флангов встречать, а мы его в самом центре оглоушим. Ежели страху в глаза прямо смотреть, то и страх смигнет. Да вот! *(Достал монету.)* Орел или решка? Ежели орел — идем напрямик, ежели решка — быть по-твоему: атакуем с фланга!

ЧАПАЕВ. Сколько тебе внушать, Иван,— на войне не гадают умом, а не пятаком. *(На карту.)* Гляди сюда. Мы эту операцию таким маневром поведем...

— Чапаевским бойцом быть позволяю,
а в разведку пока не пущу.

Ты — отсюда, а я справа ударю. А если отход белой конницы перекрывать, то тут, пожалуй, и Ванюшкины бороны сгодятся. Соображай! Это тебе не орел или решка — тактика!

Сцена третья

РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

На сцене появляются Архип, Лука, Степан, Тимоша, Ванюша и другие чапаевцы. Кто-то закуривает, некоторые приводят в порядок оружие, одежду. Тимоша затевает игру в орлянку, приглашая Ванюшу и всех желающих.

СТЕПАН. А Чапай-то наш каков, а? Он саблей вжик-вжик! Словно бритвой.

ЛУКА. Саблей-то и я косил по-чапаевски.

АРХИП. Сабля что!.. Чапаевская голова — это да! Соображает почище полководца Македонского. Загнал, как мышей, казаков в ловушку.

СТЕПАН. А бороны-то какую панику на них навели — страх.

АРХИП. Он враз смекнул: «Что-то, говорит, подозрительно тих неприятель, боя не принимает. Не сидит ли позади нас засада в кустах, в оврагах». Огляделись — и правда. Тогда Василий Иванович и приказал влево свернуть и зайти белякам с тыла. Вот что значит командирская голова.

СТЕПАН. Таких командиров, наверное, даже в древности не было. Не чета каким-нибудь там генералам.

ЛУКА. А я про одного генерала песню знаю. Жаль, она про белого генерала.

СТЕПАН. А ежели на его месте Чапаева поставить?

ЛУКА *(поет).*

Генерал-майор Чапаев
Шел все время впереди.
Он командовал отрядом,
Веселил своих ребят...

ЧАПАЕВ *(появляясь).* Ну, чего замолк? Аль Чапая заробел? *(Увидел играющих в орлянку, но они так увлеклись, что не заметили появления командира.)* Так он не черт рогатый. Черт от песни бежит, а Чапай на песню. Мне почудилось, будто и меня поминают в песне. *(Луке.)* Как же ты меня там окрестил? Запевай. *(Лука не решается петь. Степану.)* Ну, ты давай.

СТЕПАН *(двинул Луку плечом).* Чего уж, давай вместе.

СТЕПАН и ЛУКА *(рявкнули).* Генерал-майор Чапаев...

ЧАПАЕВ. Э-э! Стойте! Не желаю с генералом в одной компании. Не пойдет, надо по-другому!

ЛУКА *(декламирует).*

Командир — герой Чапаев
Шел все время впереди,
Он командовал отрядом,
Веселил своих ребят.

ЧАПАЕВ. Не совсем складно... Значит, «веселил своих ребят»? Пошутить я, конечно, не прочь. А дальше в ней что?

ЛУКА *(воодушевлен).*

Лишь один солдат не весел.
Смотрит круглой сиротой.
«Знал бы, знал бы, и не ездил
Я в родимые края.
Лучше было сгинуть мне
Во далекой стороне,
В чистом поле со врагом,
Под ракитовым кустом».

ЧАПАЕВ. Волком взвоешь от такой песни. Солдату не о смерти положено думать, а о победе. Сообрази что-нибудь... такое.

ЛУКА. Я не Пушкин...

АРХИП *(грозно).* Лука!..

ЧАПАЕВ. Значит, так: будешь на сегодня Пушкиным.

ЛУКА. Надо бы сообща...

ЧАПАЕВ. Вот с братом и складывай. И все пусть помогают. И такую давайте, чтоб белым генералам тошно сделалось!

(Лука, Степан и Архип, тихо споря, подбирают слова для песни. Чапаев подходит к играющим в орлянку.)

ТИМОША *(ловит монету).* Раданов, за мной!

ЧАПАЕВ *(поднимает шапку).* А банк кому? Чья шапка?

ВАНЮША. Моя...

ЧАПАЕВ *(Тимоше).* Что ж ты, храбрец, струсил, орлянке хода не даешь?

ТИМОША. Мы так... для отдыха... на мелочь... на интерес...

ЧАПАЕВ. Ах, для отдыха? *(Бросил несколько монет в шапку.)* Тогда кидай, коли твой черед. И я с вами... для интересу отдохну после такого боя. Верти!

ВАНЮША *(не чувствуя подвоха).* Вы с Тимошкой — глядите; с ним играть накладно, у него почти каждый раз на орла ложится.

ЧАПАЕВ *(Тимоше).* Выходит, тебе нонче сплошное везение — и в бою и на кону. Ну, в бой я тебя отпустил, а вот в орлянку играть... Вот что! Хочу с тобой и со всеми посостязаться, может, мне повезет. Клади, лихая кавалерия, все деньги на кон! Пойду ва-банк! Играть так играть!

(Игроки поверили, оживились, зашуршали бумажками.)

ТИМОША *(осмелев).* А ежели проиграете? Тут вон сколько...

ЧАПАЕВ. Расплачусь, в долгу ни у кого не останусь. *(Ванюше.)* А ты?

ВАНЮША. Нет у меня... И было-то всего ничего...

ЧАПАЕВ. Тогда на эту твою шапку играю. Кладу за нее трешницу. Коль голову в игре потерял, шапка не нужна. *(Достал монету, подул на нее, оглядел всех, подбросил.)* Ну, что там?

ВАНЮША. Орел!.. *(Поднял монету, отдает Чапаеву.)* Ловко!.. Всех обчистили... одним махом...

ЧАПАЕВ. То-то! Будет вам вперед наука. Хорошо, что еще штаны не заложили. Воюете браво — вам и слава, а за это поганство!.. *(Распаляясь.)* Ишь ты, купчишки непутевые, нашли занятие!.. Только с картежниками покончили!.. Советская власть, трудовой народ из последних сил... Вон люди песню сочиняют, а вы!.. Если еще раз увижу или услышу...

ТИМОША. Не будет другого раза, Василий Иванович!

ЧАПАЕВ. Забирайте свои деньги и знайте, куда эта заразная игра человека ведет. *(Вытряхнул из шапки деньги, надевает ее на Ванюшу.)* Не теряй больше ни головы, ни шапки. А за бороны — спасибо. Выручили они нас сегодня...

ВАНЮША. Отцу не говорите про орлянку.

ЧАПАЕВ. Так и быть, не скажу.

(Игроки разбирают деньги. Идут Плясунков и Егор.)

ПЛЯСУНКОВ. Василий Иванович, решай: отправлять Егора на разведку под Уфу или подождать.

ЧАПАЕВ. А чего ждать? Пока нам беляки сами все сведения о себе доставят? На блюдечке. Или вовсе наступление отменить? *(Егору.)* О дочках и жене не беспокойся, а Ванюшка с нами...

ЕГОР. Теперь о ней нечего беспокоиться, Василий Иванович, успокоилась навек. Неделю как похоронили.

ЧАПАЕВ. Почему не сказал? *(Прижал Ванюшку к себе. Плясункову.)* Почему не доложил?

ЕГОР. Сами не знали. От сестры весточка только что дошла.

ЧАПАЕВ. Поезжай домой.

ПЛЯСУНКОВ. Нет у нас другого, кто те места под Уфой хорошо знает.

ЕГОР. Девчонок сестра пока приютила...

ЧАПАЕВ. Ну Ванюшка пусть едет.

ВАНЮША *(крепко обхватил руками Чапаева).* Не поеду.

ЕГОР. Ему с вами лучше будет. Туда белочехи или колчаковцы не сегодня-завтра нагрянут.

ВАНЮША. У меня же клятва...

ЧАПАЕВ. Вот и хорошо — задание-то военное получается. *(Достает блокнот, быстро пишет.)* И с отцом больше полдороги по пути. Разведаешь, чем колчаковцы и белочехи дышат. А заодно проведа-

ешь сестер, гостинцы передашь... *(Продолжает писать.)* Потом, если выйдет, к моим в деревню заглянешь. Привет жене моей Пелагее и детям передашь... И вот это письмо... А от них и мне весточку доставишь. Мой старший — Сашка — поменьше тебя, но такой же орленок, как и ты. Вы с ним быстро сойдетесь, вот увидишь. А мы за это время к нашим родным местам, думаю, намного продвинемся. Так что твой обратный путь сильно сократим. *(Отдает письмо.)* Если что — сразу же уничтожь. Выполняй, чапаевский боец, первое боевое задание!

ВАНЮША *(пряча письмо)*. Выполню, вот увидите.

ЧАПАЕВ. Только в лоб на беляков не ходи, действуй больше умом да хитростью. Переоденься во все старое.

ЕГОР *(погладил сына по голове)*. Осторожней там... Никому ни слова, откуда ты и что...

ВАНЮША. Ты сам... не попадись... белякам...

ЧАПАЕВ *(Егору)*. У Колчака разведка глазастая. Смотри в оба.

ЕГОР. Разрешите отправляться, товарищ Чапаев?

ЧАПАЕВ. Послал бы другого... *(Пожал руку, обнял.)* До встречи в Уфе. *(Обнял Ванюшку.)* До скорой встречи, Ванюша! *(Тимоше.)* Проводи! Скажи, чтоб дали Ванюшке галет и сахарку немного, для гостинцев. Точно на две семьи фронтовиков. Проверь сам, чтоб не перестарались.

ТИМОФЕЙ. Есть!

(Егор, Ванюша и Тимофей уходят.)

ЛУКА *(негромко поет)*.

Идут солдаты с песней,
Спешат скорее в бой.
Один солдат невесел,
Смотрит круглой сиротой.

ЧАПАЕВ. Песню сочиняют. А ты чего, кочет рябой, нахмурился?

ПЛЯСУНКОВ. Каких ребят в нонешнем бою потерял! И полковника упустили.

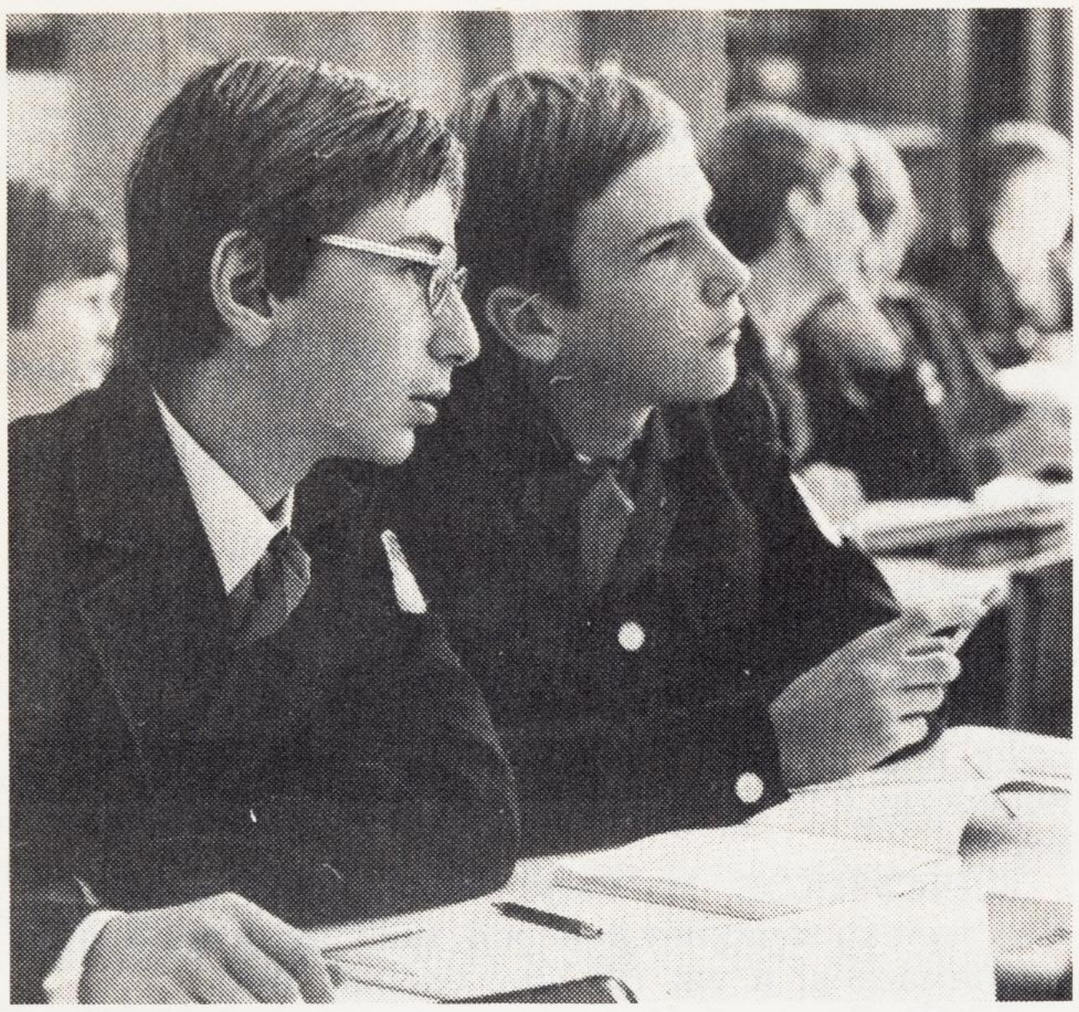
ЧАПАЕВ. Я тебя, Иван, как брата, люблю и доверяю, как себе. Мы с тобой бок о́ бок сколько прошли и в каких только передрягах не побывали! Но смотри, больше такой твоей лихости не потерплю. «Беляка надо в лоб бить... глоткой возьмем... орел или решка...» Я тоже буржуйского духа не переношу и готов в самое пекло лезть, но так голову терять...

ПЛЯСУНКОВ. Не знаю, что со мной делается... Как только запахнет контрой, так у меня все внутри поднимается, и уж тут мне удержу нет!

ЕГОР. Василий Иванович, песня готова!

ЧАПАЕВ. Ну вот, это другой коленкор! Теперь, считай, одна песня есть. Надо вторую добывать! Пора нам, Михалыч, эскадрон поднимать. Помчимся в бой, за новой песней!

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.



Рассказывает **Ольга Михайловна ТИХОНОВА,** которая 35 лет преподает в школе географию и за свою отличную работу награждена медалью «За доблестный труд».

Какой

Ребята между собой говорят про нас, учителей: «Это свой, добрый», «У того на уроках заслушаешься» или «Не люблю я этого учителя, на уроках у него скукота...». Но и мы, учителя, по-разному относимся к своим классам, и мы можем сказать про них: «добрый класс», «хороший класс, с ним приятно работать», «скучный, сонный класс, ничего их не интересует»...

В каком же классе учителю приятно работать? Прежде всего в творческом, активном классе. Творческий класс не станет равнодушно заучивать то, что рассказал им учитель, или то, что написано в учебнике. Он хочет бóльшего, чем только запомнить, он хочет **понять,** хочет **научиться думать.** Творческий класс не пугается вопросов, на которые не знает ответа, задачек, которые не умеет решать. Он предлагает свое во всем, ищет разгадку сам. Когда класс на уроке творит, думает, я не ставлю плохие отметки за неправильные ответы, никогда не смеюсь даже над самыми нелепыми предположениями ребят.

В прошлом году у меня был живой и активный восьмой класс. С восьмиклассниками мы любили играть на уроках так. Например, проходим тему «Черная металлургия». Я вызываю кого-нибудь из ребят к экономической карте страны. Здесь все видно: где расположена руда, где уголь, где никель, марганец, как проходят железные дороги... Я предлагаю восьмикласснику представить, что от его мнения зависит, где построить крупный металлургический комбинат. Какое место он выберет, чтобы и месторождения были рядом, и рабочие руки? А потом мы вместе пытаемся подсчитать, сколько будет стоить сталь с этого завода, не слишком ли дорого.

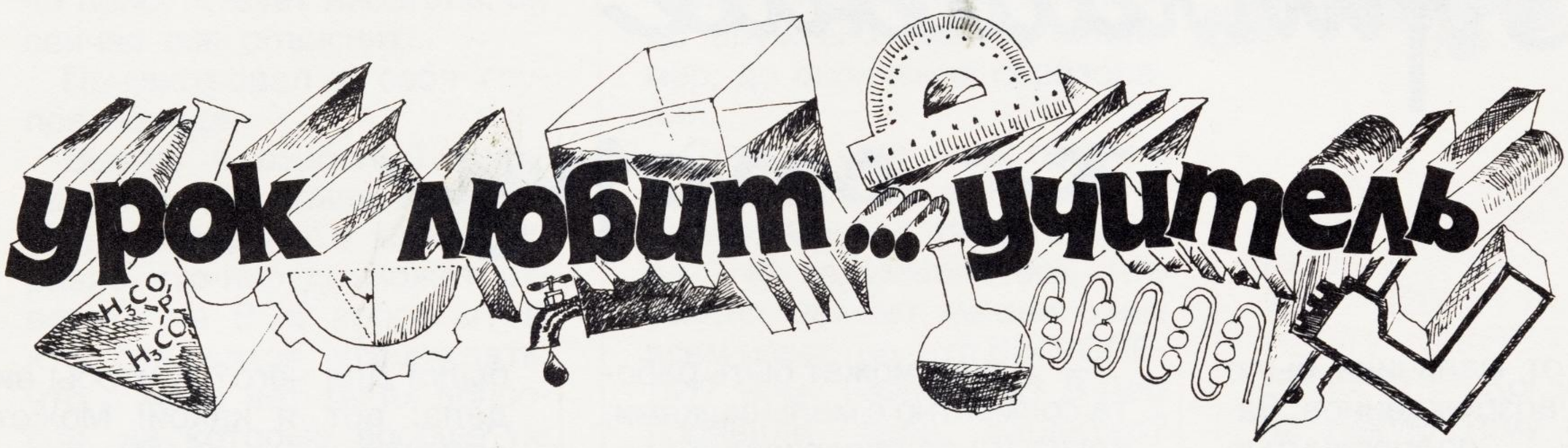
Или проходим тему «Болота». Я предлагаю ребятам поразмышлять вслух: в нашей стране так много болот, и есть техника, чтобы их осушить. Осушенные земли можно было бы распахать. Почему же мы не все болота осушаем, а наоборот, некоторые охраняем?

Мне нравится, когда ребята восьмых-девятых классов уже знают, чем они будут заниматься в будущем. Я с уважением отношусь к их увлечениям и интересам. Когда они знания, полученные вне школы, несут на урок, между учителем и учеником возникает **диалог,** беседа. Что-то рассказал учитель. Ученик добавил, выдвинул свою версию. Поверьте, беседовать с учеником учителю гораздо интереснее, чем произносить монологи перед дремлющим, равнодушным классом. Да и учитель на таких уроках тоже может узнать что-то новое. Старшеклассников я

часто прошу готовить к урокам доклады. «Тебя интересует новейшая история? Расскажи нам, как велось хозяйство в Великую Отечественную войну». «Ты помешан на кино? Подготовь доклад, как в итальянском кинематографе отражается экономика этой страны».

Мне, как учителю географии, нравится, когда ребята много читают. Книги, журналы, газеты — все расширяет ваш кругозор. Своим ученикам я говорю: «Вы только читайте, а я уж сумею все ваши знания повернуть к географии». В этом году мой любимый шестой «болел» романами Александра Дюма. Так и их мы обсуждали на уроке — с точки зрения географии: как выглядел Париж во времена Дюма, какой путь пришлось проехать д'Артаньяну от Парижа до берегов Англии?

Перед началом новой темы я всегда советую ребятам почитать книги. Например, в шестом классе мы проходим географию материков. Южная Америка. В библиотеке можно поискать книги: А. Фидлер «Зов Амазонки», Бэтс «Натуралист на Амазонской реке»... Африка — смотрите книги: А. С. Любош «Пешком по-



перек Африки», «Африка глазами Джона Адамса». Ребята быстро привыкают к такому правилу. И когда я новую тему начинаю с вопроса: «Кто что об этой стране, об этой проблеме читал?» — почти весь класс поднимает руки. Даже новую тему учитель может начать с беседы!

Чтобы человеку было интересно, он сам в этом деле должен участвовать. Однажды я слышала, как две девочки рассказывали третьей о сборе, на котором она не была. Одна девочка говорит: «Скучный был сбор». А другая: «На сборе было так интересно». Первая девочка сбор не готовила и все время просидела в сторонке, а вторая и сбор готовила, и сама выступала... Так и на уроке интересно тем, кто и сам может выступить, и понимает, о чем говорят учитель и одноклассники.

А еще учителю легко и приятно вести урок... в добром классе. В недружном классе все соперничают, каждый хочет выглядеть умнее других. Там ребята злорадствуют, когда одноклассник отвечает неудачно. Там любят скандалы, любят задать каверзный вопрос учителю: «Ну-ка, как он выкрутится?»

Атмосфера дружбы, доброжелательности в классе важна не только для учителя, но и для самих ребят. В добром классе все учатся лучше. Сильные ученики радуются, когда более слабые хорошо отвечают. А это очень подбадривает! С удовольствием помогают отстающим ребятам. У меня раз в классе был такой случай: Ира, отличница, серьезная девочка, после уроков помогала делать домашнее задание Андрею. Она что-то объяснила ему и вышла на время из класса. Андрей, в общем-то непоседа и сорванец, очень старательно выполнял все, что ему велела сделать Ира. «Она меня Андрюшечкой назвала»,— объяснил он мне причину своего старания. В дружном классе ребята больше читают. Кто не привык к этому занятию, загорается, глядя, как интересно на уроках отвечают одноклассники, или ему становится неудобно перед другими ребятами. Атмосфера творчества в дружном классе заражает всех.

Вы обратили внимание, что я все время говорю о шестом и восьмом классах. А в этом году я вела географию и в седьмом. Но ни одного интересного урока в седьмом вспомнить не могу. Седьмой класс мне достался ленивый, сонный. Они оживлялись, только когда я показывала диафильмы. Слишком много в этом классе было ребят, которые дремали за партой, ждали звонка, никому не мешали, но и ничего не слышали. Или прятали глаза, потому что не могли принять участие в общем разговоре. Им на уроке было неинтересно. И мне с ними было неинтересно. Видите, что получается, для шестиклассников и восьмиклассников я — хороший учитель, у меня на уроках интересно, весело, а для семиклассников — плохой. Значит, как идет урок, зависит не только от учителей, но и от вас, ребята. А в том седьмом всем учителям было на уроках скучно. Потому что были эти семиклассники людьми ленивыми, равнодушными, неинтересными.

Завтра у меня урок в любимом классе, а сегодня вечером я думаю, как его провести. Я объясню новый материал, задам контрольные вопросы, чтобы увидеть, все ли новую тему поняли. Потом я спрошу «слабеньких». Мы с ними поведем беседу и о новой теме, и о том, что было задано на дом, что они дополнительно читали, беседа их поддержит, придаст уверенности в себе. А в конце урока сделаю ребятам приятное: мы поиграем. Шестой класс разобьется на две команды. От каждой команды по человеку пойдут к доске. Первая команда задает представителю второй любые вопросы: «Какое море самое мелкое?», «А самое глубокое?», «В каком море недавно выбросились киты?», «А в каком разбился танкер?». Все ответы надо показать на карте. Потом наоборот: вторая команда задает вопросы представителю первой. Отметки отвечающим ставят сами ребята.

В восьмом мы устроим пресс-конференцию. Парты сдвинем в круг, выберем из ребят ведущего — самого бойкого, начитанного мальчишку, и пусть он задает своим одноклассникам вопросы по географии союзных республик.

А в седьмом? Как завтра пройдет урок в седьмом классе? Я каждый раз вхожу к ним с надеждой: может, сегодня они проснутся?

Если вы меня спросите, что же каждый ученик должен делать, чтобы в его классе было интересно учителю, я отвечу: наверное, каждый ученик должен много читать, стараться быть добрым, активным, должен учиться думать и творить. И тогда ему будет интересно учиться, и учителю будет интересно с ним.

Записала М. МАТВЕЕВА.

Фотографии В. КРУПСКОГО.

ДИСКУССИОННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ

«За и против»

Анатолий МАРКУША

Рисунки Д. БАРАБАША.

Приглашение к спору

Письмо от мальчика было длинное и возбужденное. Запомнились подчеркнутые двойной чертой слова: «И вообще девчонок я ненавижу! Чуть что—слезы и писк... А если не слезы, тоже не лучше! И ничего с ними сделать невозможно».

Та-а-ак, подумал я, и пришла мне на память одна встреча во Дворце пионеров. Девочка с тонкими чертами лица, персиковыми щечками и неожиданно ранней рассудительностью говорила тихо и убежденно:

— Какая может быть работа совместно с мальчишками, когда у нас совершенно разные с ними интересы, совершенно?

В чем именно расходятся интересы мальчиков и девочек, уточнить не удалось. Тут в разговор, можно сказать, буквально врезалась этакая бедовая личность. Признаться, сначала я и не разобрал, девочка ли, мальчик.

— Да, сидишь на уроке, а тебя иголкой... ppp-раз. Просто так! Для смеху это называется...

— Позволь, — спросил я,—кто кого колет и для чего?

— Кто? Ясно, мальчишки... Нас. Вот я и спрашиваю: для чего?

«Девочка,—сказал я сам себе. — И симпатичная, боевая!»

— Вы не думайте, я не жалуюсь, — продолжала она,—я хочу узнать: для чего? Вот скажите, а вы СВОИХ девчонок иголками кололи?

Чтобы обратить на себя внимание, чтобы понравиться девчонке, мальчишки моего поколения совершали всякие отчаянности. Помню: было! Для чего? А чтобы видела: вот я какой! Может, сегодняшние ребята, растеряв фантазию, стараются иголкой привлечь к себе внимание? Если так, мне, признаюсь, как-то неловко за завтрашних мужчин...

— Все равно девчонки в тысячу раз вреднее мальчишек!—убежденно объявил один из участников встречи.

— Чем?—спросил я.

— Жалуются, во-первых...

Ни во-вторых, ни в-третьих расслышать не удалось: девочки пошли в яростную атаку. Получалось: мальчишки, если чем-нибудь вообще интересуются, так только спортом—хоккеем или футболом... На дела общественные им плевать. Всякую работу перекладывают на девчоночьи плечи! Чтобы нарисовали газету, чтобы приняли участие в постановке, их чуть не на коленях уговаривать приходится... А на собрании кто выступает? Мы! Они отмалчиваются или отшучиваются... Вот пусть тут скажут: что их на самом деле интересует? Почему им не стыдно быть на нашем иждивении... в

отношении общественной работы?..

Кто-то из мальчишек сказал громко:

— Разве их переболтаешь?! Безнадёга...

И та самая девочка с персиковыми щечками рассудительно возразила:

— Болтун вовсе не тот, кто говорит много, а тот, кто говорит попусту...

Страсти накалялись. И тут пионервожатая, сидевшая до поры до времени безмолвно, совершила, на мой взгляд, ошибку:

— Тише, ребята, тише, не спорьте! Сейчас мы во всем разберемся. На нашей встрече присутствует писатель, он сейчас все объяснит...

Почувствовал я себя глупее некуда.

Верно, я взрослый человек, и был на войне, и многое успел повидать в жизни, но разве кто-нибудь может ответить на ВСЕ вопросы? И кто отважится утверждать, что в мире нет таких вопросов, на которые вообще не существует ответов?

Так почему же девочки и мальчики не понимают друг друга, не могут договориться? Потому что они совершенно разные.

Девочки в тринадцать, скажем, лет гораздо старше тринадцатилетних мальчиков. Можете поставить мне двойку по арифметике, но так уж устроено в этом мире: девочки, женщины, взрослеют РАНЬШЕ мальчиков, мужчин.

МОЖЕТ, ПОТОМУ МАЛЬЧИКИ ОТЛЫНИВАЮТ ОТ ОТ?ЯДНОЙ РАБОТЫ, ЧТО ДЕВОЧКИ, БЫСТРЕЕ ПОВЗРОСЛЕВ, ЗАХВАТЫВАЮТ В ОТРЯДЕ ИНИЦИАТИВУ И НАЧИНАЮТ МАЛЬЧИКАМИ КОМАНДОВАТЬ?

Многие мальчики стараются «перехитрить» природу — торопятся курить, сквернословить, держаться, как им кажется, независимо... И всем охота немедленно, вот сегодня же, быть признанными взрослыми и самостоятельными.

НО, МОЖЕТ, ЧЕМ «НАРЯЖАТЬСЯ» ВО ВЗРОСЛЫХ, ИМЕЕТ СМЫСЛ ПО-НОВОМУ ОПРЕДЕЛЯТЬ СВОЙ ВОЗРАСТ?

Тебе сколько? Тринадцать. Тебе? Четырнадцать. Прекрасно. До совершеннолетия осталось всего пять лет, всего — четыре!

Чаще прикидывайте, мальчишки, сколько вам осталось до службы в армии, например, до окончания образования...

Ставьте свои годы рядом с возрастом Олега Кошевого, Тимура Фрунзе, Лени Голикова... И задумывайтесь, что успели, нет-нет, не они, о них всем известно, что ВЫ УСПЕЛИ? Чему научились? В чем проявили свой характер? Чем можете гордиться?..

Некоторые девчонки стараются походить на мальчишек. Думают, чем грубее речь, чем резче манеры, чем мощнее бицепсы, тем ближе к полному равноправию. Только не так на самом деле: разные это вещи — походить и быть... Девушкам свойственны женственность, мягкость, отзывчивость, чуткость. Это превосходные качества, и отказываться от них — значит просто отказываться от себя!..

Есть и другие принципиальные различия между девушками и юношами. Психологи подтвердят: женщина эмоциональнее мужчины, она тоньше и вернее чувствует, в то время как представитель «сильного пола» быстрее и точнее рассчитывает, оценивает обстановку и принимает решение...

Стоит ли об этом говорить?

Пожалуй. И вот почему: вы знаете, что такое компромисс? Точный смысл слова такой: соглашение, достигаемое путем взаимных уступок.

ЧЕМ ТРАТИТЬ ВРЕМЯ НА СПОР, КТО ВРЕДНЕЕ — ДЕВОЧКИ ИЛИ МАЛЬЧИКИ, — МОЖЕТ БЫТЬ, ЛУЧШЕ НАЙТИ КАКОЕ-ТО СРЕДНЕЕ РЕШЕНИЕ? Когда не знаете, на какую тему сбор проводить: девочки тянут в одну сторону, мальчики — в другую. Когда никак не решите: идти в воскресенье в лыжный поход или собраться в субботу вечером в школе на «огонек»? Пойдите на компромисс. Мальчишки уступают столько-то... девчонки — тоже... Так, еще шаг, еще... Придумайте дело интересное и девочкам, и мальчикам. Или устройте и поход, и «огонек», чтобы все были довольны.

КОМУ НАЧИНАТЬ ОТСТУПЛЕНИЕ?

ДУМАЮ, ДЕВОЧКАМ.

Почему? Потому, что им легче ПОЧУВСТВОВАТЬ, чем мальчишкам ПОНЯТЬ: без взаимных уступок мира в общем доме не бывает.

Я назвал наш разговор «МЫ И ОНИ» и снабдил это название дополнительной строчкой «Приглашение к спору».

Нет, я не согласен с пионервожатой, притормозившей ребячий спор. Почему, собственно, не надо спорить? Ведь в споре, как доказано еще в древние времена, рож-

дается истина. И ничего дурного нет, если у разных людей на одни и те же предметы будут различные взгляды. Другое дело, КАК спорить. Спорить надо уважительно, не оскорбляя оппонента, выслушивая его доводы, противопоставляя убедительные, точные факты...

Если спорить так, ничего, кроме блага, спор не принесет.

Прошлым летом я был свидетелем одного, на мой взгляд, замечательного спора. Зашла речь о том, кто больше умеет, может и знает — девочки или мальчики.

Сперва стоял совершенно великолепный галдеж, а потом один мальчик предложил вместо слов ИСПЫТАНИЕ ДЕЛОМ. Он так сказал:

— Давайте, чем орать, устроим соревнование: мы, мальчишки, должны будем выполнить девчоночью работу — что-то выстирать, что-то сварить, помыть полы...

— Почему это мыть полы обязательно девчоночья работа? — завозмущались некоторые с косичками.

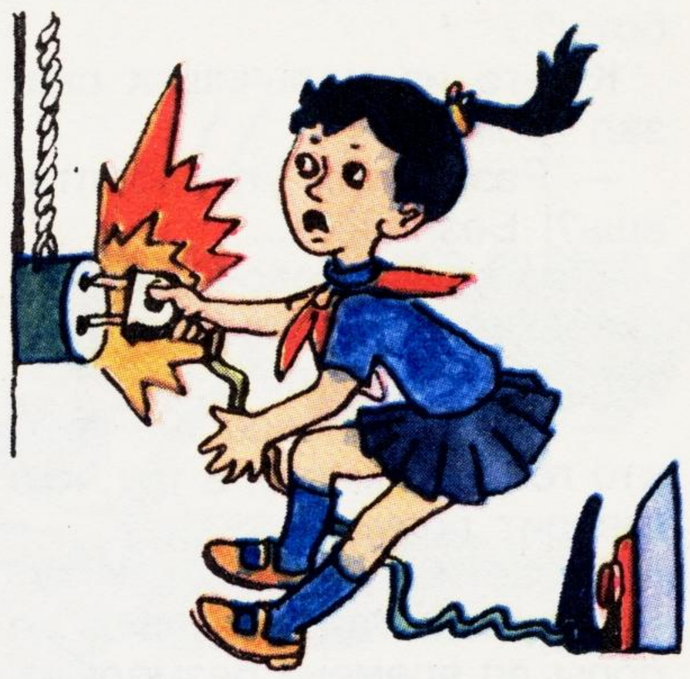
Но парень не дал себя сбить с толку:

— А девочки пусть выполнят нашу работу... Нет-нет, не физическую... Это им вредно, я понимаю! Пусть найдут неисправность в электропроводке и починят, раз. Пусть залатают велосипедную камеру, два. Пусть определят, почему не работает радиоприемник, три.

Были составлены две команды: мальчишек — на женскую работу, девочек — на мужскую. И... девочки проиграли. Ребята, хуже ли, лучше, сумели и постирать, и сварить, и полы помыть, а вот «боевые подруги» оказались не на высоте. Проиграв, самые рьяные защитницы полного и безусловного равноправия женщин с мужчинами первыми стали доказывать:

— Но наше ли это дело копаться в электричестве?

Не для посрамления девочек рассказал я об их поражении. Соревнование прошло оживленно, весело, вызвало интерес и у девочек, и у мальчишек. В чем дело? Почему? Подумайте сами и постарайтесь найти верное объяснение. Кстати, сравните эту затею с теми обычными начинаниями, которые вызывают наибольшие разногласия между мальчишками и девчонками.



Давно я замечаю: в туристических походах, в путешествиях на плотах, в лыжных прогулках не нужно кого-то стыдить, срамить, уговаривать. Может, потому, что сама дорога, живые, настоящие трудности способствуют дружбе? Согласны?..

Пожалуй, здесь я поставлю не точку, а многоточие.

Мне кажется, есть смысл оборвать этот разговор на полуслове, напомнив лишь: соглашаться с прочитанным необязательно, это — приглашение К СПОРУ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Ребята! А вы как думаете?

Отчего у мальчиков и девочек происходят разногласия?

Как не ссориться и дружно жить в отряде мальчикам и девочкам?

Какие отрядные дела были бы интересны и тем, и другим?

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ В «ПИОНЕРЕ»

Е. СТЕПАНОВ

НОВЫЙ ДОМ

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

РАССКАЗ

После войны мы долго жили в землянке. Тесной, зябкой. Даже в самые знойные дни от пола тянуло стылостью, как из погреба.

Когда землянку копали—я не знаю. В ней я родился. Об этом не раз напоминала бабушка, когда заходил разговор о моей матери.

— Так горемычной и не довелось сына при дневном свете разглядеть. Силу ему всю отдала, три денька в горячке пометалась, и закрылись глаза... Кабы немчура не загнала нас в подземелье, распрямилась бы мать. А в застойном воздухе всякая напасть человеком командует.

И все же никто так сильно и нежно не любил землянку, как бабушка. Каждую свободную минуту она отдавала ей, обхаживала, прихорашивала. Старательно, не торопясь, мазала глиной пол. Весной и осенью обязательно подновляла стены. Сощурив глаза, работала почти ощупью и всякий раз говорила с землянкой, как с близким и доверительным человеком:

— Бог даст, на тот год распрощаемся с тобой. Вот наскребем капиталу, хату построим... Ты ить тоже приморилась стоко времени пригревать нас. Смотри, вся стена облупилась. Весной конопатила, а вот поди ж ты... Ничего, покрепись малость...

Бабушка была спокойной и терпеливой, дедушка—напротив. Высокий, жилистый, громкоголосый, он дневал-ночевал на колхозной ферме, а когда выкраивалась свободная минута, уходил добывать на новую хату материалу. Этот—непонятный мне—материал дедушке даже во сне снился. Часто среди ночи я просыпался от крика:

— Ты чего суешь? Нешто это горбыль? Труха одна!

— Отец, очнись,—шептала в темноте бабушка.

Дедушка крепко всхрапывал, бормотал спросонок:

— А? Чего?.. Ты что, старая?..

—Не шуми,—слышался бабушкин шепот.—Дите разбудишь.

Дедушка что-то ворчал, слезал со скрипучего топчана, подсаживался к пузатой чугунной печке-буржуйке, закуривал. Я знал: так он будет сидеть до самого рассвета, и никакие бабушкины уговоры не заставят его лечь.

Вспыхивал в темноте красный огонек самокрутки, освещая скуластое дедушкино лицо; охая, ворочалась бабушка, а я лежал с открытыми глазами и боялся пошевелиться. Как узнают, что разбудили, начнут попрекать друг друга.

Они думали. Долго, тягостно. Потом, слово за слово, начинали тихонько разговаривать. О том, что скоро мне в школу, а где достать учебники, тетрадки, не знают. И одеть меня не во что, и обувки нет, и что завтра есть будем—ума не приложишь. Под конец разговор переходил на будущий дом. Дедушка забывался, начинал громко сердиться:

— Будь мы одни—другое дело. А то цельную деревню отстроить. Шуточное ли дело? Председателя скоро кондрашка хватит от наших просьб.

— Не шуми,—осторожно осаживала его бабушка.

Дедушка осекался, продолжал спокойнее:

— Обещают сухостой разрешить вырубать в лесопосадках. Коли не передумают, вольготнее вздохнем...

«Сейчас он скажет про моего отца»,—загадывал я. И точно. Почти все такие ночные разговоры дедушка заканчивал одинаково:

— Эх, кабы Василь жив остался, он бы сваво добился. И новоселье давно отгуляли б. В наши с тобой годы вдесятеро труднее каждую мелочь припасать.

— Нам с тобой ничего и не надо,—тихо вздыхала бабушка.—Для них и стараешься. Не поставишь сейчас мальчишек на ноги, кто после нас останется? Здоровых да крепких война забрала.

Время шло. Порушенная, горелая деревня малопомалу отстраивалась. На месте землянок вставали дома. Стены невысоко поднимались от земли, их тут же прикрывали соломой, дранкой или камышом.

— Ничего,—говорили повеселевшие люди,—придет время—хоромы выстроим.

Дедушка тоже лицом посветлел. Каждый день осматривал придирчиво сложенные у землянки штабелем доски, негодные шпалы, звонкие кругляши высохших деревьев.

— Вроде достаточно... Как, старая?

Бабушка начинала подсказывать:

— Хорошо бы для карниза цельные досочки поискать. Кабы скобы где достал, связать ими углы для крепости...

— Во-о!—взрывался дедушка.—Языком я тож много желал бы. Гвоздя ржавого не раздобудешь, а ей скобы подавай!

После таких перепалок они долго не разговаривали. Дедушка где-то доставал все-таки и скобы, и дощечку нужную, и всякую иную мелочь. Бережно складывал в определенное место. Через некоторое время снова звал бабушку на совет:

— Вроде достаточно? Как, старая?

И вот наступил день, когда они встали раньше обычного и меня разбудили:

— Вставай, внучек, пошли дом строить.

Я вышел из землянки и ничего сначала не мог

Новый дом стоял на месте старого. И хотя был еще сырой, необжитый, зато полный счастья, которого нажелали ему люди.

понять. На нашем дворе собрались почти все деревенские. С лопатами, топорами, молотками, ведрами, а кто просто так, без ничего.

— Заря занимается — дело начинается,— подмигнув, сказал однорукий плотник дядя Петя Молчанов.

Дедушка с бабушкой низко всем поклонились, пошли к тому месту, где задумали дом строить.

— Здоро́во!—окликнул меня соседский Вовка Жужнев.—Я тоже пришел... И Лидка здесь. Вон лошадь ведет... Председатель разрешил вам на воскресенье. Воду подвозить.

— Мы тоже скоро будем строить,—говорил он на ходу,—придешь нам помогать?

— Конечно.

— Все к нам придут. Только не знаю когда, мамка еще не достала всего материалу...

Дядя Петя Молчанов сбросил фуфайку, начал распоряжаться:

— Мужички, тут Петрович все разметил. Ставьте шпалы, где укажет. Пять человек для такого дела достаточно. Плотники следом клинцуют... Всем слышно? Вам, бабоньки, глину месить. Заготовка имеется. Осталось разбавить ее водицей да ножками поработать. Понятно говорю?

— Понятней некуда.

— Тогда за дело,—махнул единственной рукой дядя Петя.

Впились в землю штыковые лопаты. Штабель бревен и досок ожил, двинулся к месту стройки.

Женщины, подоткнув подолы, пошли по кругу, размешивая глину с соломой.

Когда солнце вполглаза глянуло на землю, рядом с землянкой уже высился коробок будущего дома. Черные шпалы стояли твердо и прочно, наверху деловито крепились стропила, а по бокам—снаружи и изнутри—прибивались крест-накрест крепкие дощечки.

Солнце припекало сильнее. Люди, сняв лишнюю одежду, работали еще бойчее.

— Эге-гей, бабоньки!—кричал с крыши дядя Петя.—Скучно без вас. А вам без нас?

— Ты, дяденька, точить лясы—точи, а когда надо—помолчи,—отвечали разгоряченные работой женщины.

— Молчать—не сапоги тачать. На пустом месте бурьян не вырастет,—знай себе балагурил дядя Петя.

Дом рос прямо на глазах. Вот уже стены набились—утрамбовались глиной, накат крыши аккуратно прикрылся дранкой, даже на венце появился горделивый петушок—золотой гребешок. И люди вместе с домом менялись на глазах. Кажется, устали до невозможности, а усталости не выказывают, веселее дело делают.

Вечер пришел тихий, ласковый.

У землянки мужики положили на козлы оставшиеся доски. Получился длинный стол.

Пока выставляли ужин, люди умывались тут же у бочки при свете керосиновой лампы-семилинейки.

— Милости просим,—скупо проговорила бабушка.—Чем богаты, тем и рады.

Все запросто подходили, рассаживались. Никто не отнекивался, никто никого не упрашивал.

— Перво-наперво,—поднялся из-за стола дядя Петя,—пожелаем здоровья хозяевам. Чтобы жили они в новом доме, не тужили, и столько лет, сколько дом этот на земле стоять будет. Чтобы стены, нами построенные, никогда слез не видывали, никогда про горе не слыхивали, никогда печалью не печалились, а только радовались людскому счастью, миру и согласию. И чтобы никто из дома не ходил за околицу провожать свою кровинушку в путь далекий, порохом пропахнутый, смертью устланный. А коли доведется будущим птенцам вылететь из гнезда этого, пусть всегда помнят они про день нынешний, про деревню родимую, про стены глинобитные, нами поставленные. Верно говорю?

— Так, Петя,—тихо сказали люди, сидящие за столом.

Они совсем мало пили-ели, просто сидели и молчали.

Потом Вовка Жужнев поставил на колени гармошку, такую большую, что она закрыла его по самые глаза, осторожно стал нажимать разноцветные пуговицы. Мать Вовкина, тетя Зоя, наклонила к сыну голову, протяжно запела:

Среди доли-ыны ровныя-а,
На гла-адкой вы-ысоте-е...

Другие негромко подхватили:

Цвете-от, расте-от высо-окий ду-уб
В могу-учей кра-асоте-е...

Ночные бабочки роились над лампой. Некоторые подпаливали крылья, падали на стол, приходили в себя, снова летели на свет.

Дедушка, сжав голову руками, раскачивался в такт песне.

Бабушка печально смотрела в ночную степь. Что она видела—не знаю. Может, мать мою, которая девчонкой бегала там наперегонки с ветром или раздувала пушистые головы одуванчиков. А может, отца моего, который широкими шагами в последний раз мерил степь, уходя в путь дальний, порохом пропахнутый, смертью устланный... Не знаю.

А новый дом стоял на месте старого. И хотя был еще сырой, необжитый, зато полный счастья, которого нажелали ему люди. Если бы у дома были застеклены окна, он, наверное бы, улыбался. Темные прогалины в стенах придавали ему задумчивый вид. И этим видом дом походил на людей, только что его построивших.

Анатолий КОСТЕЦКИЙ

Как только вырасту

Всего-всего сильнее
хочу я, чтобы дети
повсюду были счастливы,
на всем огромном свете.
Чтоб ни войны, ни голода
никто нигде не знал,
чтоб каждый день для каждого,
как праздник, наступал.

И песню надо детям—
захочется ведь петь им—
одну для всех, как солнце!
Пусть песня та несется
навстречу небу чистому
и радостному дню...

Ее, как только вырасту,
я сам и сочиню.

Перевел с украинского
В. КОРЧАГИН.

Микола ЧЕРНЯВСКИЙ

Тропинка

Тропинка, дорогая,
Куда бежишь, скажи?
И как с пути не сбиться,
Скорее подскажи...
Тропинка отвечает:
— Куда бегу—
Сказать?
Подружек догоняю,
Да не могу догнать.
Легки и торопливы,
Они, как ручейки,
Бегут, где краем нивы,
Где берегом реки.
Я путь спрямить умею,
А спрячусь—не найдешь.
Спеши сюда смелее,
Со мной не пропадешь!
Смотри, как даль синеет,
Шагай, не отставай.
Со мной еще сильнее
Полюбишь отчий край.

Перевел с белорусского
И. ВАСИЛЕВСКИЙ.

В. Н. КОМАРОВ

«НЕ ПОМЕШАЮТ ЛИ СПУТНИКИ АНГЕЛАМ?»

Рисунок А. ДУГИНА.

Божественные силы? Ни при чем!

Вторую половину XX столетия не зря называют веком науки и техники. В наши дни человек осуществил многое из того, о чем издавна мечтали поколения людей. Но не с неба свалились телевизоры и самолеты, космические ракеты и лазеры! И не по мановению волшебной палочки явились они к людям. Все это создано руками людей. Все это дал человеку разум, труд, научное познание окружающего мира.

И все же, хотя мы живем в XX веке и шагу не можем ступить без телефона, телевидения, метро, самолетов, современных лекарств,—все же некоторые люди и сегодня сохраняют веру в бога. Молятся, крестят детей, венчаются в церкви, исповедуются священнику, надеются на помощь и заступничество всесильного и всемогущего бога, как это делали сто, двести, пятьсот лет назад.

Но тогда даже самый грамотный и образованный человек знал о мире, окружающем его, и о самом себе гораздо меньше любого современного школьника. Сегодня же достижения науки ясно показывают нам, что никаких сверхъестественных, божественных сил, управляющих жизнью человека и всем миром,—нет.

Как же удается церкви в наш век—век науки—сохранять свое влияние на людей?

«Наука... богу угодна»?!

Долгие века церковь властвовала над умами и судьбами людей. Церковные книги не только объясняли, как устроен мир, каково место человека в этом мире, но и были сводами житейских правил, моральных и юридических законов общества... Шли годы, столетия, политическую власть брало в свои руки государство, а научные открытия делали религиозные представления о мире все более наивными. Как церкви относиться к открытиям науки, достижениям техники? Отрицать, как когда-то она отрицала, что Земля вращается вокруг Солнца? Невозможно. Слишком очевидны научные достижения.

И вот, чтобы удержать власть над умами и сердцами людей, чтобы не потерять свой авторитет, церковь решила пойти на примирение с наукой. Возникла идея использовать авторитет науки для подтверждения религиозных взглядов, а значит, и для укрепления веры! Разумеется, на помощь ученых рассчитывать не приходилось. И богословы начали действовать сами.

«Бог ждет нас за каждой дверью, открываемой наукой»,—заявил еще в пятидесятые годы глава католической церкви папа римский Пий XII. Церковь стремилась и стремится до сих пор так толковать данные науки, чтобы они... подтверждали существование бога!

Скажем, астрономы пришли к выводу, что Вселенная, в которой мы живем, с течением времени изменяется. Много миллиардов лет тому назад не было ни звезд, ни планет, ни туманностей—только чудовищно плотное вещество, сжатое до невообразимо малых размеров. Вся наша Вселенная умещалась как бы в точке. Затем это вещество стало расширяться, в нем возникали сгущения, из которых постепенно и «вырос» разнообразнейший мир космических объектов—наша Вселенная. А служители религии мгновенно истолковали эту гипотезу по-своему—мол, это и был первый «божественный толчок»! Бог-то и создал это «первоначальное» вещество и «вдохнул» в него движение.

Дальше: изучая Вселенную, астрономы пришли к заключению, что звезды образуются и в

наше время. Очень хорошо, заявили богословы, значит, «божественное творение» продолжается непрерывно!

Но ведь сами же они утверждают с незапамятных времен, что «божественное творение» — это возникновение «чего-то» из «ничего». А наукой твердо установлено, что материя не может возникать из «ничего» или бесследно исчезать. Она лишь переходит из одной формы, из одного состояния в другое. Если в наше время и возникают звезды, то не из «ничего», а из разреженных облаков космического газа и пыли.

Согласно современным научным данным, наша Вселенная сейчас расширяется. А когда-нибудь она вновь начнет сжиматься. И вновь превратится в очень плотный сгусток... Затем новое расширение — и так без конца...

Возьмем другой пример. Богословы много говорят о так называемой «божественной гармонии». Будто бы все мировые явления и процессы так удачно сочетаются друг с другом, потому что об этом позаботился бог.

Да, между человеком и окружающей средой есть гармония. Потому что миллиарды лет живые организмы развивались на нашей планете и приспосабливались к ее условиям. Скажем, известно, что в солнечном излучении желто-зеленые лучи самые яркие. Многие поколения людей жили на Земле, освещенной именно таким Солнцем, а не каким-нибудь другим. Именно поэтому глаз человека особенно чувствителен к желто-зеленому свету. Будь Солнце красным или синим, наши глаза лучше всего воспринимали бы красные или синие лучи...

«Одобрение» космических полетов

Перетолковать научные данные в свою пользу церкви не удалось. Гораздо проще оказалось изобразить, будто сама наука — дело богоугодное, будто занятия наукой предписаны человеку богом. Защитники религии даже космические полеты признали угодными богу.

С незапамятных времен религия охраняла от человека «небесные сферы». Именно там — на небесах — должно, по мнению религиозных людей, располагаться «царство небесное», там, в облаках, «поселяли» самого бога. Даже в мыслях простые смертные не смели представить себе подобных в «обители бога».

Конечно, первый удар по косным представлениям о божественной природе неба нанесло развитие авиации. Человек на крылатых машинах стал ежедневно и ежечасно подниматься в небо. И никто ему не препятствовал.

Но вот в космическое пространство, где находятся все планеты и звезды, утверждали защитники религии, пути человеку нет! А человек вышел в космос и уверенно его обживает. Космические полеты стали привычными, люди месяцами работают на космических орбитах, человек побывал на Луне. Отрицать это не могут даже самые фанатичные представители церкви.

И все же на первых порах некоторые из них выступили... с протестом против запуска советских искусственных спутников Земли! В одной религиозной итальянской газете писали о том, что человек не должен проникать в священные небеса и даже помышлять об этом не имеет права. В Западной Германии всерьез обсуждали, можно ли разрешить человеку покидать Землю и более того — не помешают ли спутники... ангелам?

Однако эта растерянность прошла довольно быстро. «Это божья рука,— писала итальянская католическая газета «Время»,— зажгла новые звезды, божья рука, действующая в

сердце и разуме каждого человека...»

Даже то, что первыми вышли в космос советские люди — материалисты и атеисты,— богословы пытаются обратить в свою пользу. Вы скажете, уж это-то невозможно. Но вот что было напечатано в итальянских газетах: «Запуск советскими учеными второго искусственного спутника Земли подтверждает догмат святой церкви о сотворении небесных тел богом. Уж если искусственное небесное тело могли создать в своих лабораториях советские ученые, то это тем более мог сделать всемогущий бог».

Таким образом, получается, что завоевание космоса идет как бы по божественному плану. А человек при этом остается ничтожеством перед лицом огромной Вселенной, перед всеми созданиями бога, его могуществом. Получается, религия, а не наука подготовила человека к прорыву в космос, религия обеспечила осуществление этого величайшего достижения земной цивилизации.

Как видите, защитники религии в наше время вовсе не отрицают достижений науки и техники, они просто утверждают, что за всем этим стоит бог.

Не так давно римская католическая церковь официально объявила, что суд над Галилеем был досадной ошибкой, что святая инквизиция не должна была преследовать ученого за его научные изыскания!

Все это производит на некоторых людей определенное впечатление. Им кажется, что религия не так уж плоха, что церковь не только не имеет ничего против науки, но даже поддерживает ее, способствует ее развитию.

Но это не так. Церковь готова по-новому объяснять устройство мира, готова признать взгляды ученых на природу верными, лишь бы удержать власть над человеком, заставить его верить в бога.

Почему некоторые люди до сих пор обманывают себя верой в бога?

Это слишком сложный для одного разговора вопрос. Существует много причин: настойчивость церкви, которая не хочет «упускать» прихожан, и традиции, и религиозное влияние на детей в семье... Сегодня небольшим рассказом о том, как церковь приспосабливает под свое учение открытия науки, мы хотели показать вам — аргументам церкви доверять нельзя.

БОЕВОЙ ЛИСТОК

В десятом номере нашего журнала была объявлена новая операция «САД МИРА». Первые сотни откликов получил Всесоюзный штаб Тимура. И в каждом есть слова: «Мы хотим мира! Войны не допустим — посадим сады!».

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! Говорят тимуровцы города Клина Московской области.

Я, Аверьянова Оксана, обращаюсь ко всем людям планеты. Давайте бороться за мирное небо над головой!

У меня дедушка погиб на фронте. Он был разведчиком. Один раз пять советских разведчиков — в их числе и мой дедушка — пошли в разведку. Они шли полем, их увидели фашисты. Началась перестрелка. Пять разведчиков стояли до последнего патрона. Они погибли. Их наградили посмертно медалями.

Я хочу мира. Мне хочется видеть жизнерадостных детей, чтобы у них были и бабушки и дедушки. Я призываю всех тимуровцев, всех ребят нашей страны, чтобы они помогли сажать Сад Мира.

Оксана АВЕРЬЯНОВА, 14 лет.

Я родилась после войны, но много знаю о ней из книг, кино, рассказов родственников. У нас в семье погиб мамин отец и двое старших братьев папы. Два брата погибли при выполнении партизанского поручения: их поймали фашисты и расстреляли. А дедушка, когда разминировал поле, на последних двух минах подорвался.

Я не хочу, чтобы все это повторилось. Я не хочу войны.

У нас в летнем пионерском лагере проходил митинг солидарности. Мы все подписались под письмом против войны. Теперь по призыву тимуровцев, написав это письмо, я буду сажать Сад Мира — цветы, деревья. Они символ нашей долгой памяти о погибших.

Алла АЛЕКСАНДРОВА, 12 лет.

ОТ ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА ТИМУРА

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! Первые сотни писем отправлены в Организацию Объединенных Наций. Первые сотни деревьев высажены. Сад Мира заложен.

ЖДЕМ НОВЫХ СООБЩЕНИЙ!

ЭТО ЦЕЛАЯ ВЕЧНОСТЬ — ВОЙНА

Жизнь моих старших родственников состоит как бы из нескольких частей: «до войны», «после войны» и «война». «Война» — вечность.

Война

Рассказывает мама (когда война началась, ей было три года): «Помню воздушные тревоги. На меня набрасывают большой платок и под мышкой несут в бомбоубежище».

Рассказывает бабушка: «Гитлеровцы подходили к Керчи, а мы все еще надеялись, что город враг не возьмет. Эвакуировались последним эшелоном... Думали, месяца на два, на три, надеялись, что война долго не протянется».

Дедушка Митя рассказывает: «Фашисты прут с Митридата, кричат: «Рус, сдавайся!» Советский пулеметчик закрепился в нашем дворе. Ранили его, кровью истекает, а строчит из пулемета, не сдается, просит: «Васька, обойму!». А Васька тот лежит, пулями изрешеченный. Бросился я обойму подавать...»

Рассказывает бабушка Фаня: «Веру — тетю мою — четыре раза в Германию угоняли, четыре раза она бежала. Потом всюду ее фотографию расклеили, сказали: найдут — расстреляют и ее и того, у кого прячется. Не нашли».

Рассказывает мама: «Помню, как в эвакуации в Казахстане одна казашка две лепешки протянула мне: «Кушай сама, никому не давай». А я побежала брата угощать, тетю и маму. Мама спрашивает: «Ты сама-то ела?». «Нет еще»,— отвечаю. Мама почему-то заплакала».

Рассказывает дядя Феликс (ему двенадцать лет было, когда война началась): «Иду я во сне по бескрайнему полю и вдруг в яму проваливаюсь. Смотрю, а яма хлебная, даже запах теплого хлеба чувствую. И будто ем, а наесться никак не могу».

Мама рассказывает: «Когда Керчь освободили, мы в Казахстане жили. Четыре русских семьи в ауле. Вдруг среди ночи — огни, фейерверки самодельные: казахи со всего аула прибежали, поздравляют нас, плачут с нами. Ребятишки бегают. А мама разбудила меня, держит на руках и шепчет: «Смотри и запомни, дочка, этот день на всю жизнь. Война кончается, Керчь освободили!»

После войны

Рассказывает мама: «Первого сентября 1945 года пошла в школу. Каждый день проходила мимо дома, который отстраивали пленные. Жалко их было, особенно солдат. Идут, головы опустят, котелками позвякивают. А ребятишки окружат их, дразнят: «Гитлер капут!». А мама мне рассказывала о немецких коммунистах, о том, как трудовые люди Германии не хотели войны... Однажды подзывает меня один немецкий солдат лет тридцати. Подошла робко. А он по головке гладит, говорит что-то. И понимаю. «Там, в Германии, у меня двое... киндер. Мальчик и девочка. Девочка на тебя похожа». Достает конфетку. Боюсь брать, но и огорчать его тоже не хочется. Думаю, потом выброшу. «Кушай!» — настаивает. Беру в рот. Вкусно и... все хорошо. Улыбаюсь. И он мне в ответ — облегченно. Кажется, Ганс его звали. Подружилась я с ним. Каждое утро в школу бегу, размахиваю парусиновой сумкой с «непроливайкой», а глазами Ганса ищу. А он уже встречает меня, ждет. Увидит, засмеется радостно. И рукой помашет. Но однажды не встретил меня Ганс. Спрашиваю вечером у мамы: «А куда они делись?». «На родину уехали пленные, в Германию».

Я часто слушаю рассказы взрослых о войне. В каждом из них много беды и человеческой доброты одновременно. Я не хочу, чтобы мне снились военные сны. Пусть всегда над нами, над моим городом будет чистое небо.

Оля ОГАНИСЯН, г. Керчь.

ВЕЛИКИЕ БИТВЫ СОРОК ТРЕТЬЕГО ГОДА

БИТВА ЗА Д

ВИКТОРИНА ДЛЯ ЮНЫХ ИСТОРИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ведет викторину писатель А. МИТЯЕВ.

После сокрушительного поражения в Курской битве фашисты намеревались остановить наши армии у Днепра. Полтысячи километров Днепр течет по землям России, семьсот по землям Белоруссии и больше тысячи по Украине. Широкая, полноводная река сама по себе уже преграда для продвижения. А противник возвел на высоком западном берегу еще и укрепления. «Восточным валом» назвали гитлеровцы те рубежи и объявили их неприступными.

Осенью 1943 года наши армии вышли к Днепру, заняв 700 километров по его берегу. Форсирование реки началось во многих отдаленных друг от друга местах. Преодоление водных преград — труднейшее дело. Наступающие переправляются через реку под бомбежкой, под артиллерийским и минометным огнем. При выходе на берег их встречают пулеметы. И атакуют танки... Требуется великое мужество, чтобы, закрепившись на клочке берега, отбивать атаки, давая возможность переправляться новым воинам — с орудиями, а затем и с танками.

Герои речных переправ

Удивительно мужественно воевал капитан В. С. Петров из 1850-го истребительного противотанкового полка. Сентябрьской ночью под сильным огнем гитлеровских орудий и минометов наши артиллеристы на плотах переправили через реку свои орудия и боеприпасы. С утра на небольшом плацдарме начался жестокий бой. Несколько дней одна за другой следовали атаки врага. В орудийных расчетах осталось по одному — по два человека. Петров, командуя, сам стрелял по танкам. Ему раздробило обе руки. Но командир не ушел с поля боя, пока не разбили фашистов. После госпиталя, после ампутации обеих рук Петров добился возвращения в родной полк. Возглавляя его, полковник Петров закончил войну на Одере и стал дважды Героем Советского Союза.

В конце сентября мы отвоевали за Днепром 23 плацдарма. Там размещались уже целые армии. 2438 солдат, сержантов, офицеров и генералов удостоились за подвиги на Днепре звания Героя Советского Союза.

Какого героя битвы за Днепр знаешь ты? Опиши его подвиг.

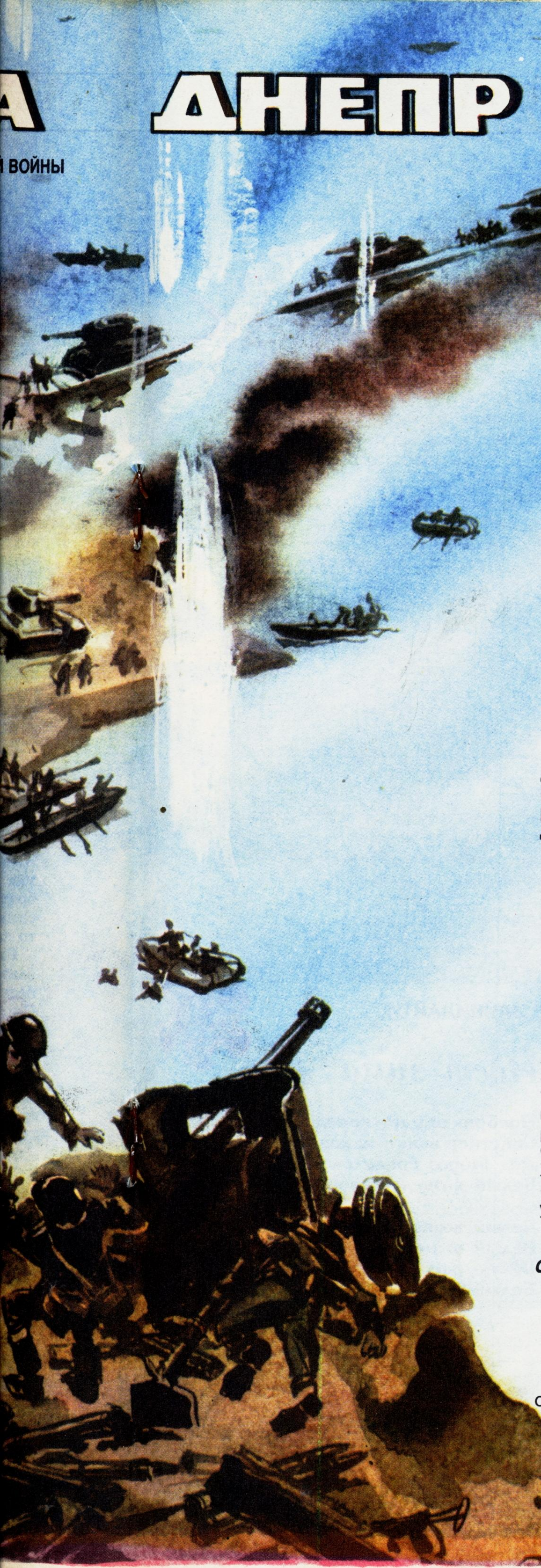
Помощь партизан

Два года партизаны и подпольщики Украины уничтожали гитлеровцев за линией фронта. Теперь они усилили удары по врагу. Партизаны из соединения «За Родину» захватили три переправы через Днепр и, отбивая атаки фашистов, удержали их до подхода войск. Две тысячи добровольцев из местных жителей помогали саперам строить мост южнее Киева. Строителей бомбила авиация, обстреливала дальнобойная артиллерия. Мост построили в кратчайший срок — за 11 дней. По нему устремились на западный берег, на плацдарм в районе селения Великий Букрин, новые полки и дивизии.

Назови знаменитых партизан и подпольщиков Украины — коммуниста, комсомольца, пионера.

А ДНЕПР

Й ВОЙНЫ



Находчивость танкистов

Самые ожесточенные бои разгорелись при форсировании Днепра севернее Киева, в районе селения Лютеж. Советские стрелки, переправившиеся на правый берег, подвергались беспрерывным атакам фашистов. На помощь был послан 5-й гвардейский танковый корпус. На пути корпуса к Днепру была еще река Десна. Сооружение переправы отняло бы несколько дней. И танкисты решили преодолеть Десну вброд, хотя глубина была в два раза больше допустимой. Щели в машинах, люки, жалюзи заделали промасленной паклей, на трубы глушителей надели брезентовые рукава и подняли их над водой. Водители вели танки вслепую, слушая указания командиров, стоявших в башенных люках. За день шестьдесят Т-34 преодолели Десну. Днепр форсировали на понтонах. Вместе с пехотой и артиллерией танкисты отбросили фашистов далеко от берега, расширили лютежский плацдарм.

Приведи примеры находчивости наших солдат и командиров в боях Великой Отечественной войны. Какие военные хитрости применяли советские воины?

Освобождение Киева

Гитлеровское командование понимало, что советские войска, сосредоточившиеся севернее Киева у Лютежа и южнее Киева у Великого Букрина, будут освобождать столицу Украины. Фашисты стянули в район Киева много танков, старались сбросить наших с плацдармов в Днепр. Бои шли весь октябрь — не на жизнь, а на смерть.

Главный удар, удар основными силами, мы наносили с юга. Фашисты свои главные силы сосредоточили там же. Тогда командование 1-го Украинского фронта во главе с генералом Николаем Федоровичем Ватутиным решило нанести главный удар от Лютежа, с севера. Ночами, туманными зорями, в строжайшей тайне, с букринского плацдарма наши танки и артиллерия начали переправляться обратно на восточный берег. Около двухсот километров шли они на север и снова переправились через Днепр — на лютежский плацдарм. Сделано это было искусно. Враг не заметил перемен. Утром 3 ноября на фашистов обрушился град снарядов и бомб. В наступление пошли армии генералов Ивана Даниловича Черняховского и Кирилла Семеновича Москаленко. Вечером 4 ноября вошла в сражение гвардейская танковая армия генерала Павла Семеновича Рыбалко. Фашисты не выдержали удара. Теряя людей и технику, откатывались на запад. В канун праздника Великой Октябрьской социалистической революции, 6 ноября, столица Украины была полностью очищена от фашистских захватчиков. Это событие стало большой радостью для всех советских людей. Хотя бои на берегах Днепра продолжались, было всем ясно: фашистам «Восточный вал» не помог, у Советской Армии впереди новые победы, а у врага впереди — гибель.

Какие воинские почетные наименования присвоены войскам, отличившимся в боях на Днепре?

ВНИМАНИЮ
участников викторины
«ВЕЛИКИЕ БИТВЫ СОРОК ТРЕТЬЕГО ГОДА»

Жюри сообщает, что окончательные итоги викторины будут опубликованы в майском номере будущего года.

Рисунок Д. БАРАБАША.

Раиса САРБИ

Прощание с журавлями

Отчего мне так грустно—
Не знаю сама.
Все гляжу,
Все машу
Я ладошкой с холма.
И летят журавли
Над холмом, над селом,
Разрезает вожак
Небо серым крылом.

Ты в тумане над морем,
Вожак, не зевай,
О высокие скалы
Крыла не сломай!
Ты лети, журавленок,
Со всеми в строю,
Не отстань, не надейся
На силу свою.

Кур-курлы, журавли!
До весны, журавли!
Не забудьте своей
Задремавшей земли,
Не забудьте озер,
Не забудьте полей
И меня, чтоб в пути
Было вам веселей.

Понесли журавли
Наше лето на юг.
Мчат за птицами стаи
Метелей и вьюг.
То ли это пушинка
Упала с крыла?
То ли это снежинка
На землю легла?

Перевел с чувашского
Юрий КУШАК.

А. СТАРИКОВ

Плывут суда

По синим, как на карте, океанам
плывут суда, оставив позади
причалы — те, с которых мальчуганы
кричат им вслед: «Счастливого пути-и!..»

И машут на прощанье долго-долго,
так долго, что в морской бинокль и то
с земли не разберешь, пожалуй, толком:
где судно, где на стеклышке пятно.

Скребутся волны о стальные днища
и шлепают размеренно в борта.
Бывает, не на сотни миль — на тыщи! —
от берега находятся суда.

Их может захватить в пути ненастье —
жесток бывает океан, когда
на прочность ветер проверяет снасти
и заливает палубы вода.

Но самый лютый шторм судам не страшен,
винты взбивают пену за кормой...
Ведь с берега им вслед мальчишки машут
и ждут их невредимыми домой.

М. ВАЙНИЛАЙТИС

Идет зима

Ноябрю придет конец —
Свистнет вьюга наконец!
Дед Мороз среди сугробов
Белый возведет дворец.

Белый возведет дворец,
Белый вынет леденец,
Белую расскажет сказку —
Белый-белый молодец...

Перевела с литовского
Татьяна БЕК.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Юрий КОВАЛЬ

САМАЯ ЛЕГКАЯ ЛОДКА В МИРЕ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Продолжение. Начало в №№ 9, 10.

Рисунки автора.

Глава XII

Отсутствие молочая

Танцуя от найденной геркулесины, мы быстро разыскали макарку и плыли теперь по ней. Капитан веселился как мог. Он даже напевал себе под нос, и постепенно под носом его формировался гимн, восхваляющий геркулес.

— Хвала тебе, о победивший бесов!—бормотал капитан.—Над ними ты имел немало перевесов...

Подпевать капитану я не стал, но чувствовал благодарность. Мне бы никогда не пришло в голову искать на воде следы геркулеса.

Обратный путь между тем вдруг показался короче. Быстро доплыли мы до бухты «Ожившего бревна», которое на этот раз никак не обнаружилось, миновали «Медвежью ловушку». Вдруг капитан прервал свою подносную песню, неловко охнул, затормозил лодку. «Одуванчик» медленно вплывал в болотное блюдо, затянутое ряской. За спиной капитана я не видел, что там такое, впереди.

— Три макарки,—сказал капитан.

Я не понял капитана. Мне показалось даже, что это шуточка в его духе. Но это была шуточка в духе бесов.

Перед нами действительно было три макарки. Одна шла по центру, узкая и заросшая, справа и слева две других, попросторнее. Из какой-то мы выплыли рано утром, а тех, других, сбоку не заметили. Теперь же они видны были ясно—три коридорчика в высокой траве.

Такой каверзной глупости мы никак не могли ожидать. В утреннем сумраке, напуганные бревнами, мы быстро пролетели это место. Опасаясь чарусенышей, вглядывались в воду и не слишком изучали берега—вот и проморгали две макарки.

— Пожалуй, наша—центральная,—сказал я.

— Слишком заросшая. Мы бы примяли траву. Наша—правая.

— Направо пойдешь—богату быть,—вспомнил я.

— Богату?—изумился капитан.—А налево?

— Налево—женату быть. А уж прямо—сам понимаешь что.

— Чего?—недоверчиво спросил капитан.

— Убиту быть.

— Так что—направо, что ли?

— Пожалуй, прямо. Все богатыри ходили прямо.

— Не тянет,—сказал капитан.—Не тянет эта макарка.

— Ладно, двоих не убьют. А одним пожертвовать можно.

Я подогнал лодку ко входу в центральную макарку, капитан развел веслом траву, и мы вошли в ее воды.

Я сразу понял, что это не наша макарка. Какие-то другие травы составляли ее стены, другой формы, другого цвета. Все вроде бы то же самое—таволга и рогоз, кошачья петрушка, гориголова—и все-таки не то. И вдруг я понял, что не вижу молочая. Утром, когда мы плыли к озеру, я то и дело отмечал кустики молочая и вспоминал, что молочай называют бесовым молоком.

— Не наша это макарка,—сказал я,—молочая нету.

— Уж больно тонкое наблюдение,—заметил капитан.

Но молочая на берегах не было. Казалось, кто-то выдрал все кусты молочая, выпил молочаево молоко.

Я всегда любил это растение—молочай, его скромные нецветочные цветы, собранные в кузовок, крепкие стебли, текущие на переломе молоком, которое лизнуть нельзя—бесово,—а лизнуть хотелось.

Молочай был братом одуванчика, из стеблей которого тоже брызгало дикое молоко, и это меня поражало—не только растут, не только цветут, а еще и молоко дают.

И какими-то совсем странными их родственниками были млечные грибы—рыжики, чернухи, скрипухи. Только вылезли из земли, а уж полны молоком—горьким, земным, подлесным. Для кого созрело это молоко, кому его пить?

Я-то разок лизнул дикого молочка...

С полчаса уже плыли мы по макарке, которая постепенно становилась шире. Напившись молочаева молока, бесы равнодушно взирали на наше плаванье, никаких штучек не придумывали—ни бревен оживших, ни чарусенышей.

А может, это они и придумали—больше ничего не придумывать? Решили сделать макарку бесконечной, чтоб мы плыли и плыли—до ночи, до осени—и не могли вылезти на берег всю жизнь, до самой старости.

Да нет, зачем мучить нас так долго. Можно разделаться с нами поскорее. Чего тянуть?

— Ну вот и все,—сказал капитан.—Приехали.

Прямо перед нами по всей макарке, как забор, вколочены были в дно толстые черные сваи, переплетенные еловыми ветками.

Это был обычный рыбацкий закол, поставленный по всем правилам.

Пришибленные, сидели мы в «Одуванчике», неумолимо понимая, что через эту чертову плотину нам никогда в жизни не перебраться.

Тут мы и услыхали голосок:

— На уху-то наловили?

Глава XIII

Травяная голова

— На уху-то наловили?—повторил голосок, и из травы высунулась лукоподобная головка с влажными торфяными глазками. Она покачивалась над травой, держалась на ней, как луна порой держится на лесных верхушках. Казалось, она и сплетена из засохших болотных трав.

— Наловили,—ответил я, взял из лодки Горбача-Окуня и показал Голове.

— О! О! О!—с восхищением покачала головой Голова.

— А ты, дедушка, как в болоте-то стоишь?—спросил капитан, смекнувший, что такая голова может быть приделана только к немолодому телу.

— Я-то в валенках,—ответила Голова.—А вы-то как?

— А мы веслаемся,—с некоторой бодростью заявил капитан,—и на уху наловили.

Цокая, как белочка, языком, Травяная Голова любовалась окунем, я же все старался рассмотреть, к чему она приделана. В густой траве я не видел никакого тела и никаких валенок и даже шеи, на которой полагается держаться любой голове, не наблюдалось.

— Через закол-то нам не перебраться?—спрашивал меж тем капитан.

— Никак не перебраться,—отвечала Голова, по-прежнему не показывая признаков тела.

— А ты бы, дедушка, разобрал закол.

— Как же так?—изумилась Голова, погружаясь испуганно в траву.—Как его разбирать? На уху-то ведь надо ловить?

— Так ведь и нам проплыть надо.

Удрученно мигая глазками, Голова по самую макушку уехала в траву и вдруг, подпрыгнув, крикнула:

— А вы лучше назад плывите!

В этих травяных словах была своя железная логика.

Меня же поражало, что не было видно, к чему приделана Травяная Голова. И вдруг я понял, что она вообще ни к чему не приделана, а просто так, сама по себе, болтается в болотах. Тревожный пот прошиб меня, я вперил глаза свои в траву под Головой, и на том месте, где полагалось быть телу, увидел явные просветы небесной синевы.

— Дедушка,—жалобно сказал капитан.—Мы назад плыть сил не имеем. Нам бы на землю попасть, ушицы наварить.

— Верно говоришь, парень,—покачивалась согласно Голова,—ухи надо наварить. А соль-то у вас есть?

— И соль и лаврушка,—заманивал Голову капитан.—И лук репчатый и перец-горошек.

Размахивая руками и даже причмокивая, капитан соблазнял Голову ухою, совершенно не замечая, что уха этой Голове ни к селу, ни к городу. Во всяком случае, под головою у Головы не имелось живота, куда волей-неволей должна в конце концов поместиться уха.

И все-таки Голова слушала капитана с любопытством и тоже причмокивала, сощуривала глаз. Она явно желала ухи.

— Окуней у нас пол-лодки,—размахивал руками капитан.—Заварим крепкую, тройную, с картошечкой.

Голова дрогнула.

Из болотных трав выглядывала некоторая Голова.

— Ладно, парень,—сказала она,—вы лодку к заколу привяжите, а сами вылезайте. Я вас до берега доведу.

— Спасибо, дедушка,—обрадовался капитан,—устали в лодке—сил нет.

Подгребывая, капитан подогнал лодку к заколу, стал привязывать нос к бревну. Оглядываясь на Голову, я потихоньку дернул его за рукав.

— Ты чего?—отмахнулся капитан.

— Слушай,—шепнул я,—тела-то нету.

— Чего такое?

— Под головой тела нету.

— Ты что, дурак?—спросил капитан, вглядываясь в мой живот.

— Да под тою Головой, под тою,—указывал я большим пальцем через плечо.

— Под какою?

— Под дедушкиной.

— Ты дубина,—злобно прошептал капитан и, оглянувшись на Голову, добавил:—Тело есть, только очень маленькое, в валенках. Складывай окуней в ведро.

Капитан выбрался из лодки на закол, помог вылезти и мне. Во весь рост поднялся я над болотом—и голова моя закружилась. Я увидел просторный зеленый мир вокруг—зеркала озер, поблескивающие там и сям, еловые леса за озерами, и снова за лесами озера, какие-то за озерами холмы, дальние деревни на их склонах, и совсем чудесными оказались три корявые сосны неподалеку от нас. Бугром подымался под соснами берег, и по бугру этому ходили коровы.

Увидев меня и капитана, коровы издалека с берега протянули к нам свои губы и замычали.

Открывшийся простор, сосны и коровы отвлекли меня от Травяной Головы, и мелькнула мысль, что в конце концов наплевать, приделана она к чему-нибудь или нет. В таких-то просторах—в озерах, болотах, лесах—любой голове захочется поболтаться свободно. И я пожалел, что моя бедная голова не может прокатиться колобком по этому миру. Уж она бы погуляла там и сям, а после как-нибудь приделалась обратно к бренному телу.

— Полтора десятка,—сказала Травяная Голова, подсчитав вынимаемых из лодки окуней.—Будет уха. Ну, а теперь по кочкам, по жердочкам за мной.

Слегка подпрыгнув, она переместилась, и мы повлеклись за нею через трясину. Обвешанные рюкзаками, топорами и ведрами, то и дело проваливаясь по пояс в черную воду, мы брели к берегу за Травяной Головой, которая так и не показывала нам своего тела и плыла над болотом подобно маленькой дневной луне, обращенной к нам затылком.

Глава XIV

Смесь самолета с трактором

Уже неподалеку от берега я увидел, как Травяная Голова выкатилась по травке к соснам, подпрыгнула и вдруг приделалась к телу, которое сидело под сосной.

Небольшое тело в черном старом пиджаке и в валенках с галошами поджидало голову, которая гуляла в болотах.

Как только Голова, увенчав пиджак, устроилась на своем месте, тут и тело зашевелилось, одной рукой зачесало нос, по которому, как видно, соскучилось, а другою замахало нам с капитаном:

— Сюда вылезайте, к сосенкам.

Мы вылезли из трясины, а Голова спокойно сидела на своем теле и наблюдала, как капитан-фотограф выливает из сапога черную воду.

Коровы, стоящие за соснами, разглядев нас, остолбенели. Тупое и безумное любопытство написано было в их крупных детских глазах. Они даже перестали жевать и наивно хлопали ресницами. Было ясно, что ничего такого, как снимающий сапоги капитан, прежде им видеть не приходилось.

Изумленные коровы слились с Травяною Головой в единое целое, и теперь все это выглядело как самое обычное стадо с пастухом.

Но я-то понимал, что у этого пастуха головка не совсем обычная, и внимательно оглядывал коровьи головы—не любят ли и они побаловаться, полетать над миром, оставив на земле вымя и копыта.

— Сколько у вас в стаде голов?—спросил между тем капитан.

— Семнадцать.

Сосны, под которыми любил сиживать дед Аверя.

— А бык есть?

— Наш бык—делопроизводитель,—ответила Травяная Голова,—его в район повезли.

Капитан обрадовался, что бык в отъезде, протянул деду руку. Охотно пожимая капитанскую ладонь, Травяная Голова назвалась Аверьяном.

Капитан сразу же стал звать пастуха «дедом Аверей», а дед капитана—«парень». Они быстро нашли общий язык и болтали теперь на этом общем языке. Я как-то не мог влезть в их разговор, но предложенную дедом руку почтительно пожал. Рука эта оказалась сухонькой, легкой, и почудилось, что пожимаю я пучок сухой травы.

Скоро запылал костер, на сосновых ветках развесили мы мокрые носки, начистили окуней, поставили на огонь ведро.

— Значит, вы прямо из Москвы?—спрашивал дед Аверя.

— Прямо из Москвы,—размахивал ложкой капитан,—вон как здорово. Из Москвы—и прямо сюда.

— Да неужто это так?—изумлялся дед.—Прямо сюда? Из Москвы?

— Из ней!—восклицал капитан.—И прямо сюда!

Так болтали дед и капитан на их общем языке. Язык этот я немного понимал, но проникнуть глубоко в смысл его не мог.

— А вы-то бывали в Москве?—спросил капитан.

Дед Аверя хмыкнул, покачал своей головой.

— Ты на тракторе катался?—спросил он меня.

— Катался.

— А на самолете?

— Катался.

— А на смеси самолета с трактором катался?

— Нет.

— А я вот катался,—сказал дед Аверя и засмеялся радостно.

— Не понимаю, зачем вам смесь самолета с трактором,—сказал я,—с такой головой, как у вас, в Москву и без смеси слетать недолго.

— Голова у меня легкая,—засмеялся дед Аверя.—Сижу, бывало, под сосной, а голова то в Москве, то в Берлине.

— Телу-то без головы небось скучно.

— Как то есть?—не понял дед.—Чего ему сделается, телу?

— Ну как же,—сказал я,—голова летает, а тело сидит.

— Да ведь и голова сидит,—сказал дед, наивно мигая болотными глазками.—Голова в мечтаниях летает, а на теле-то сидит пока крепко.

И он хихикнул, покачал обеими руками голову, подергал за волосья.

— Не открутишь,—сказал он.

— Ладно тебе, отец,—не выдержал я.—Я сам видел, как тело ваше сидело под сосной, а голова над болотом болталась.

Глава XV

Капитанская уха

— Ты что городишь?—сказал капитан.—Какая голова над болотом?

— Евонная,—ответил я, указав на деда, и передернулся, потому что никогда в жизни не произносил этого дикого слова—«евонная».

— Евонная?—переспросил капитан и тоже передернулся, но только не от слова, а от его смысла.

Капитан поднял руку и постучал пальцем мне по лбу.

— Ты что, шутишь?

— Ты лучше деду постучи,—сказал я, отмахиваясь.—Глядишь—головка и слетит с места, как жаворонок.

— Да что ты, парень,—сказал дед обиженно.—Что ты на меня нападаешь? Чего я тебе сделал?

Дед явно прикидывался дурачком, делал вид, что не понимает, как это голова может жить без тела.

— Ладно,—сказал я,—плевать я хотел на вашу летающую голову. Летает она—и пускай летает.

— Что такое-то с тобой?—сказал капитан, пораженный моим внезапным сумасшествием.—Что с тобой, Юра? Дедушка! Не слухайте его, он нанюхался болотных газов.

Высказав эту неожиданную белиберду, капитан замолк. К слову «евонная» он умудрился пристегнуть «не слухайте» и совершенно надорвал общий язык, который до этого находил с дедом.

Капитан-фотограф и дед Аверя сидели друг напротив друга возле костра и глядели в воздух, в котором висел надорванный их язык. Ясно было, что говорить на нем они уже не могут. Дед Аверя даже и высунул свой язык, чтобы сказать что-то, капитан высунул из солидарности свой. Пару секунд болтали они в воздухе языками, но не могли поймать ни слова.

— Слухайте, слухайте,—сердито сказал я,—евонная не летает, а ваша где хочешь болтается. К тому же она из травы сплетена. Но меня все это не интересует. Меня интересует только одно—уха. Как там уха—не готова ли? Жалко, что у нас одни окуни. Эх, сейчас бы лещевую головку! Ставлю лещевую голову против летающей!

— Вот это ты, парень, верно сказал,—с некоторым облегчением вздохнул дед,—лещевая головка сладкая.

— У леща в голове, как у купца в сундуке,—вставил и капитан, которому пора было вернуться к разговорной жизни.

Капитан немного успокоился, достал из рюкзака насквозь прокопченную варежку и снял с костра ведро ухи.

Из прибрежных кустов налетел комар, закружился в пару над ведром. Пар, пропитанный каплями окуня, вкусный пар, густой, как кучевые облака, обволок наши лбы, затуманил глаза, прочистил мысли. Я не знаю, о чем думал летающий лоб деда Авери, но чистый лоб капитана в пару разгладился и думал о лавровом листе.

«В жизни все сложно,—думал я,—все непонятно. Но пора же отведать ухи!»

Под корнями высоких сосен мы сидим вокруг ведра с горячей, дымящейся ухою. Мы не размахиваем ложками, не набрасываемся сразу на уху. Мы знаем, что она должна чуть поостыть. Мы внимаем ее аромату.

Невозможно сказать—«мы нюхаем уху». Мы дышим ухою.

Ложки у всех в руках, миски стоят на земле. Пора, кажется, начинать?

Я переглядываюсь с капитаном. Он делает бровями некоторый знак, который можно прочесть так: «Вечно ты торопишься. Дай ей поостыть».

Летающая Голова—дед Аверя не вмешивается. Как человек, приглашенный к ухе, в гости, он терпеливо ждет и глядит на дальние озера.

Я поднимаю ложку. Некоторое время я играю ею в воздухе, заслоняю солнечный луч, поглаживаю край миски, протираю черенок ольховым листом. Я делаю вид, что это не ложка, а, может быть, бабочка, порхающая над ухой, как над ромашкой.

Мне не хочется сразу огорчать уху, ведь она еще спит, еще не знает, что скоро будет съедена без остатка.

Я ввожу ложку в нежный организм ухи с тысячью предосторожностей.

— Поехали,—говорит уховар-фотограф и тревожно заглядывает мне в глаза, спрашивая: «Ну как?»

Никак нельзя торопиться, пробуя уху. Хорошую уху нужно есть так, как писали стихи древние эллины. Хорошую уху нужно есть гекзаметром.

Отведав ухи, стоит задуматься, отложить ложку в сторону, от чего нервно вздрагивает душа уховара, и только потом степенно заметить:

— Ничего, неплохо. И соли в меру.

— Подходяще,—вздыхает Летающая Голова.

Уховар сияет, наливает всем добавки. И добавка сближает нас, а уж после третьей добавки мы все становимся родные братья, потому что никто и никогда на земле не ел этой ухи вместе с нами.

И я пожалел, что нет сейчас Орлова и Клары Курбе, Петюшки и милиционер-художника и тех других людей, о которых не пишу здесь, в книжке. Конечно, с ними можно отведать и другой ухи, но ведь никогда не знаешь, получится ли она в жизни.

— А вы на Илистом-то озере бывали?—спросил дед Аверя.

— Не бывали.

— Вот где рыбы-то. И лещ, и карась, и окунь. Там ведь и Папашка живет.

Разморенный ухою, дед Аверя прилег на травке, скинул с ног валенки и оказался босиком.

— Папашка?—поперхнувшись, переспросил капитан.

— Папашка, ага,—подтвердил дед Аверя.—У него две головы и тело на подводных крыльях.

— Две?—переспросил капитан.—А мы слыхали—три.

— Откуда ж три? Две. Одна щучья, другая медвежья. Я его недавно видел, когда клюкву брал. Да недалеко отсюда-то—от деревни Коровихи три километра.

— Неужели вы видели Папашку?—взволновался капитан.

— Да что ты удивляешься?—сказал я.—С такой головкой, как у нашего деда, не только Папашку—Мамашку повидать можно.

Дед Аверя засмеялся, толкнул меня пальцем в бок.

— Нравишься ты мне, парень,—сказал он,—ей-богу, нравишься.

— Да и ты мне нравишься,—улыбнулся я,—особенно головка твоя.

— О-хо-хо!—смеялся дед.—Ну чего ты к голове моей привязался?

— А чего она летает?

— Да кто тебе сказал?

— Я сам видел. А тебе, дед, стыдно врать. Если летает, так и скажи: летает, мол.

— О-хо-хо!—смеялся дед.—Ладно уж, вам расскажу. Уха мне ваша понравилась. Но чтоб никому ни слова.

Дед Аверя наклонился ко мне поближе и сказал:

— Голова-то моя, конечно, летает. Но не шибко далеко—километров на пятнадцать.

Глава XVI

Давай-давай, матушка!

Бедняга мой друг—капитан-фотограф все-таки надорвался.

— Ты что говоришь, дед?—сказал капитан, обиженно протирая глаза.—Как так—летает?

— По воздуху, парень,—пояснил дед.—Но не больно высоко, сила земного притяжения мешает.

Говорят, что в этом месте на конфетку, язь берет на блесну,

А вдаль, пожалуйста, но тоже недалеко, тело назад тянет.

— Эх, дед-дед,—сказал укоризненно капитан,—старый человек, а чего мелешь?

— Чего мне зря молоть?—усмехнулся дед.—Вон и друг твой видал.

Капитан усмехнулся в ответ.

— Если не врешь,—сказал он,—тогда покажи.

— Чего?—не понял дед.

— Покажи, как она летает.

— Пожалуйста,—ответил дед,—хорошим людям могу и показать.

Дед поднял с земли валенки, которые скинул прежде, сунул в них ноги.

— А то без головы замерзнуть могут,—сказал он,—когда она улетит. Ну теперь, ребята, держись! Сейчас пойдем на взлет.

Он вдруг раскинул, как птица, руки, прищурил глазки, а потом вытаращил их и зарычал, как самолет: дрррррр... Головою же он завихлял из стороны в сторону, зверски поглядывая то на меня, то на капитана.

Мы невольно отодвинулись от деда, не зная, чего можно ожидать при взлете человеческой головы. Голова, впрочем, пока не взлетала, а только лишь рычала, вертясь.

— Дрррр... стоп,—сказал дед и опустил руки,—чего-то не летит, застряла.

Тут он вдруг хлопнул себя по затылку и закричал, как на лошадь:

— Но-о-о-о... Давай-давай! Трогай потихоньку, матушка!

Голова никак не реагировала и крепко сидела на плечах.

Стараясь расшевелить свою голову, дед подтягивал ее за уши кверху и даже, схватившись одной рукой за нос, другой пинал себя в затылок, чтобы оторвать голову от тела. Голова упиралась.

— Вот старый пень!—хлопнул вдруг дед себя по лбу.—Да я же с тормоза не снял!

Он торопливо расстегнул рубашку, и, надавив себя в пупок, сказал:

— Чик! Чик!

— Дрррр...—зарычал он снова и рычал так мощно, что на лбу его выступил пот.

— Вот так всегда с нею мучаюсь,—сказал он наконец.—Стоит как вкопанная. Сейчас сделаем так: я буду мотором работать, а вы кричите: давай-давай! Все вместе-то небось стронем.

И дед вновь зарычал, раскинув руки, а мы с капитаном—два балбеса под сосной—дружно гаркнули:

— Давай-давай, матушка!

Но голова сидела на месте. Дед уж рычал так и сяк, то и дело чикал себя в пупок, но взлета добиться не удавалось.

— Тьфу!—плюнул капитан.—Так и знал, что все это—вранье.

— Напрасно так говоришь, парень,—сказал дед,—обижаешь. Голова старая, поношенная, сразу с места ее не сдвинешь, приходится попотеть.

— Да ты дай ей передохнуть,—сказал я.

— И то верно,—согласился дед, вытирая пот со лба,—пусть передохнет, а то прямо закружилась.

— Вранье,—махнул рукой капитан,—смесь самолета с трактором.

— Ты что ж, не веришь, что ли?—спросил дед.

— Конечно, не верю.

— Мне, Аверьяну?—И дед ударил кулаком себя в грудь.—Мне не веришь? А если взлетит—сапоги даешь?

— Ну уж нет,—неожиданно пожадничал капитан.—Сапоги мне самому нужны.

— А лука даешь три головки?

— Даю.

— Ну смотри, парень,—угрожающе сказал дед, и так яростно затряс головой, что она и вправду могла каждую секунду оторваться.

Бешеными порывами, грубо, как мотоцикл, тряслась голова и—ддррр... дррр... дррр—обернулась вдруг носом в сторону спины.

— Дрррр,—принажал дед, и нос—дрррррр—объехал кругом шеи!

И медленно со скрежетом закружилась на месте голова. Она вертелась быстрее, быстрее, мелькал только нос, и слышался голос:

— Давай-давай, матушка!

И, разинув рты, мы увидали, как Аверьянова голова отделилась от пиджака и поднялась в воздух.

Приподнявшись метра на два, она перестала кружиться и сказала сверху капитану:

— Гони, парень, луку три головки.

Глава XVII

Глыба Разума

Я всегда знал, всегда предчувствовал, что самая легкая лодка в мире заведет нас неведомо куда. Но только думал, что это будет когда-нибудь потом, немного позже.

И вот—прямо перед нами висела в воздухе Аверьянова голова. Она чуть шмыгала носом. Она висела легко и просто, и даже коровы не обратили на взлет ее никакого внимания.

Рядом с безголовым туловом сидели под сосной мы с капитаном.

Зачарованно смотрел капитан на дивное творение природы, висящее в воздухе. Страх и счастье, восторг и полоумие играли в его глазах. Как ребенок, он дергал меня за рукав, тыкал пальцем в воздух.

Я сидел на месте спокойно. Не дергался, не кричал. В этой чудовищной сцене, когда одна голова болтается в воздухе, а другая сходит с ума, мне была отведена одна роль—роль Глыбы Разума. Неторопливо превращался я в эту глыбу. Каменели лоб и затылок.

— Ты видишь?—толкал меня капитан.—Видишь или нет?

— Вижу,—тяжко, как жернов, провернулась в ответ Глыба Разума.

— Вот хреновина-то, а?

— Точнее не скажешь,—туго сработала Глыба.

Обнюхивая веточки, Летающая Голова поднялась выше, добралась до сосновой макушки.

— Далеко-то как видать,—мечтательно сказала она,—все леса видны, все озера. Вот так, бывало, любуюсь, любуюсь, насмотреться не могу. Так и вспоминаю песню: «Отговорила роща золотая...» Постой, кто это там на озере? Ну, точно, Леха Хоботов. Не мою ли сетку проверяет?

— Вот так дед!—вскрикивал капитан.—У него голова, как одуванчик, самая легкая в мире. У нас—лодка, у него—голова.

— А ты еще сапоги жалел,—хихикал сверху дед Аверя.

— Бери!—кричал вверх капитан.—Бери сапоги вместе с луком. Хочешь, дадим тебе лаврового листа?

— А чесноку у вас нету?—спрашивала Голова, опускаясь пониже.—Мне бы чесночку пару зубчиков, но главное—сапоги. Потому как валенки текут.

— Бери!—орал капитан.—Спускайся и бери.

Кулики на берегу кондратки

Куми Кузя стесняется.

— Ну, спасибо, парень,—сказала Голова.—Спасибо, удружил.

И тут тело, которое сидело до этого спокойно, вдруг протянуло руку капитану.

— Что такое?—не понял капитан.

— Спасибо,—повторила Голова, а тело все протягивало руку, как видно, для рукопожатия.

Оглянувшись на меня, капитан робко пожал телу руку. Тулово, однако, на этом не успокоилось. Ткнув меня в бок, оно и мне сунуло руку, а Голова сверху крикнула:

— Спасибо и тебе.

Безголовое рукопожатие немного расшевелило Глыбу Разума, прочистило что-то в каменном мозгу.

— Сапоги не отдам!—крякнула Глыба гранитным голосом.—Луку бери три головки, и точка. Неизвестно, сколько вас тут с летающими черепами—сапогов не напасешься.

— Да нету больше ни у кого! У Лехи Хоботова рука летает, да и то рядышком, возле деревни.

— Не знаю, не знаю, но сапоги нам самим нужны.

Голова обиженно чихнула, повернулась к нам затылком, а тело вдруг зашевелилось. Оно сунуло руку в капитанский рюкзак, нашарило там пакет с луком и, отобрав три луковицы покрупнее, сунуло их в карман пиджака. После этого оно подняло руку к небу и пальцем поманило Голову к себе.

— Ну, чего тебе надо?—сказала Голова.—Сиди спокойно.

Но тело изо всех сил махало правой рукой, а левую прижимало к сердцу, умоляя Голову скорей вернуться назад.

— Вот так всегда,—огорченно вздохнула Голова.—Только разойдусь—оно к себе тянет. Ну чего тебе надо, глупое? Дай погулять-то!

Тело разволновалось. Вскочив на ноги, оно подпрыгнуло, чуть не ухватив Голову руками.

Голова увернулась, прикрикнув:

— Цыц! На место!

Тело прыгнуло еще раз, но снова промахнулось.

— Сидеть!—крикнула Голова, отлетая в сторону, а тулово, воздев руки к облакам, побежало за ней.

— Осторожнее!—кричала Голова.—Ногу сломишь! Постой!

Тело не унималось. Спотыкаясь и падая, оно бежало вслед за улетающей Головой.

Голова в конце концов даже развеселилась.

— Не догонишь!—кричала она.—Не поймаешь!

Чуть не плача, тело сделало рывок, каким-то отчаянным козлом подскочило в воздух, схватило Голову за уши и крепко нахлобучило на законное место.

Глава XVIII

Горемыки

Превратившись снова в единое целое, дед Аверя вернулся к костру. Он налил из ведра в миску остатки ухи и залпом выпил.

— Ну ладно,—сказал он, отдуваясь.—Луку хоть заработал на уху.

Дед немного побледнел, видно, устал. Он сел, прислонившись спиной к сосне, прикрыл глаза.

Капитан-фотограф порылся в рюкзаке, достал пару головок чесноку, добавил к ним несколько перьев лаврового листа. Завернув все это в тряпочку, протянул деду.

— А за сапоги прости,—сказал капитан.—У меня-то голова пока не летает. Куда я в болоте без сапог?

Дед молчал, прикрыв глаза.

— Ты что, обиделся, что ли?—спросил я.—Из-за сапог?

— Не в сапогах дело,—махнул рукою дед.—Так чего-то жалко стало. Летаешь, летаешь, а толку...

— Так ведь и мы,—сказал я, обняв деда за плечи.—Плывем, плывем, а что толку?

— Да,—вздохнул дед,—горемыки мы.

И капитан-фотограф шумно вздохнул, неожиданно почувствовав себя горемыкой. Так мы сидели и вздыхали некоторое время, и особо тяжкие вздохи испускал, как ни странно, капитан. В конце концов это начало меня раздражать.

— Ты-то отчего горемыка?—спросил я.

— Сам не знаю,— ответил капитан.—Тяжело как-то...

— Вот и я не знаю,—сказал дед.—И голова у меня вроде бы летает, а на душе как-то тяжело.

— А чего твоя голова делает, когда летает?—спросил я.—Чего она делает в воздухе?

Дед хмыкнул:

— Какие же там дела-то могут быть? Никаких делов.

— Значит, только природой любуется?

Дед хихикнул, потупил глаза.

— За воробьями гоняется иногда,—смущенно улыбаясь, признался он.

Тут и капитан немного повеселел, сообразив, что не такой уж дед горемыка, если его шалая голова гоняется за воробьями.

— Пора нам в путь,—сказал я.—Дальше, на Илистое озеро. Как, дед, доплывем мы по макарке?

— По макарке не доплыть. Я ее всю заколами перегородил. Плыть надо по кондратке. А кондратка вон там, за полем. Лодку недолго перетащить.

Хлюпая по болоту, мы с капитаном добрались до закола, взгромоздили на плечи «Одуванчик», вынесли его к трем соснам. Пока мы собирались, дед Аверя сидел, прислонившись спиной к дереву, и подремывал.

— До свиданья,—сказал я деду.—Спасибо тебе.

— Не за что,—усмехнулся дед.—А вы знаете что... Оставайтесь у меня, а? Пойдем сейчас в деревню, я вас молочком напою.

— Нам надо дальше плыть.

— Ну, воля ваша,—вздохнул дед.—А как лес проплывете—сразу увидите деревню. Это и есть Коровиха. Там живет мой кум—Кузя. У него и молочка напьетесь.

— У кума-то Кузи ничего не летает?—осторожно спросил капитан.

— Куда там,—засмеялся дед Аверя.—У него—хозяйство. Куры, овцы, корова. Куда ему летать.

Мы надели рюкзаки, подняли на плечи «Одуванчик». Нос лодки лег на плечо капитана, на мое—корма. Неторопливо пошли мы через поле к недалекому лесу. «Одуванчик» раскачивался в такт нашим шагам, скрипели его стрингера и шпангоуты.

— Поклон куму не забудьте,—крикнул вдогонку дед Аверя.

Кондратка и вправду оказалась сразу за полем. Пошире макарки, текла она, прижимаясь боком к старым дремучим елкам. А другой ее берег тонул в луговых цветах. Синие и хрустальные стрекозы летали над кондраткой.

Мы опустили лодку на воду, и, пока капитан укладывал вещи поудобнее, я оглянулся.

Недолго, кажется, шли мы через поле, а как уже далеко-далеко остались три сосны и маленькая фигурка под ними, взмахивающая на прощание рукой.

Горемыки мы все-таки, горемыки! Горемыки от того, что расстаемся друг с другом.

— Подожди минуту,—сказал я капитану и побежал через поле обратно.

Дед Аверя стоял под соснами, грустно опустив летающую свою голову. Мы обнялись на прощание, и я отдал ему пачку хорошего индийского чаю, того, что называется черный, байховый.

Глава XIX

Кумкузя

И течение в кондратке оказалось куда быстрей.

По макарке медленно влеклись мы, а тут подхватила лодку резвая волна, полетел «Одуванчик» весело и быстро. Капитан вовсе не брал весла, а я чуть загребал и притормаживал, опасаясь коряг и подводных камней.

Но не было в кондратке коряг, вода здесь была синяя и молодая. В ней вспыхивали ослепительные диски—солнечные блики, голавлиные бока.

И птиц было много, и все больше куликов. Они бежали перед нами по берегам, взмахивали белыми хвостами, взлетали с криком.

— Кулики взлетают!—радостно сообщал капитан и добавить к этому сообщению больше ничего не мог.

Развеселила нас кондратка, отвлекла от горемычной нашей судьбы.

— Кулики взлетают! Кулики!—вскрикивал капитан.—Это не Голова Летающая, а кулики!

— Летающая Голова куликам не помеха,—заметил я.—Пускай летают и те и другие.

Взгляд на деревню Коровиху с берега кондратки.

— Чепуха это,— сказал капитан.— Пускай кулики летают, а голова человеческая на плечах сидит.

В душе-то моей я был согласен с капитаном. Я всегда восхищался полетом куликов. На первый взгляд вроде и нет у них особого полета, а только взлет с пробежкой по песочку и крик: кууууу-лик! Но есть он, есть и полет, который быстро уходит из глаз и еще быстрей из памяти. И с этим бессмертным полетом нечего рядом болтаться человеческой голове.

— И вообще я не верю, что у деда голова летает,— сказал неожиданно капитан.

— Погоди, но мы ведь сами только что видели. Летала, еще и чесночку просила.

— Обман это,— сказал капитан,— чикнул в пупок — и голова полетела. Чушь! Голова наша и с телом-то вместе летать не может. И это хорошо, даже замечательно.

— Чего ж в этом хорошего?

— Телу человеческому летать не нужно, твердо сказал капитан.— Самое лучшее в человеке — это голова. А тело — чепуха, подпорка и ящик для питания головы. Взять, к примеру, живот — это ведь ужас! Нет, я вовсе не хочу, чтоб мой живот летал. А вот голова — хорошо бы, да не дал бог.

— А что ты к животу привязался?— сказал я.— Чего он тебе сделал? Пускай и он полетает немного.

— Терпеть не могу живот!— раздраженно отвечал капитан.— Тут уж матушка-природа не расстаралась. Все так здорово придумала в человеке, и вдруг — живот!

— Успокойся,— сказал я,— вряд ли есть на свете летающие животы.

Но капитан не мог успокоиться. Он ругал живот на все корки и совершенно захаял это создание матушки-природы.

Природа же меж тем, матушка, легкою волною несла нашу лодку мимо древних елок и сосен, среди березняков и перелесков, как будто намекая капитану, что ею создано и кое-что получше живота.

Лес, что тянулся по левому берегу, кончился. Вместе с кондраткой вылетел «Одуванчик» в поле, на простор, и мы увидели деревню Коровиху.

На холмах, рассеченных заборами, лежала деревня Коровиха. Низкие серые дома ползли вверх по склонам, а вниз, к речке, скатывались с холмов баньки. Никаких коров видно не было, но в деревне, в линиях домов было и вправду что-то коровье.

Разыскав по огородам Кузин дом, мы постучались в окно.

Тут же стекла распахнулись, на улицу высунулась женщина с пунцовыми щеками, в белом платке. Как видно, кума.

— Не здесь ли Кузьма живет?— спросил я.— Аверьянов кум? Мы ему от деда Авери поклон принесли.

Недоверчиво осмотрев нас, женщина захлопнула окно и спряталась в доме. Никаких признаков жизни из окна более не являлось.

Подождав пару минут, я снова стукнул в стекло. Пунцовая кума быстро высунулась наружу.

— Дома хозяин-то?

— Дома.

— Так пускай на улицу выйдет.

Кума задумалась и, сомневаясь, покачала головой.

— На улицу он выйти не может.

— Что такое с ним? Не заболел ли?

— Да вроде нет,— ответила кума, призадумавшись.

— Ну пускай в окно выглянет.

— Ну уж нет,— сказала кума,— этого никак нельзя. Да вы заходите в дом.

Слегка растерянные, мы с капитаном поднялись в сени, скинули сапоги и вошли в избу. Из открытой двери вкусно пахнуло рыбными пирогами, топленым молоком. В огромной семиоконной комнате стоял вдоль окон стол, у которого и сидела пунцовая кума. Кума Кузи видно не было.

Отчего-то робея, мы с капитаном прошли в носках по чистым половичкам, присели у стола.

— Где же кум-то Аверьянов, Кузя?— спросил я.

— Кузя-то?— переспросила кума.— Здесь Кузя.

— А где он? Что-то его не видать.

— Да он на печке спрятался,— ответила кума.

Не успели мы с капитаном удивиться, как с печки раздался решительный голос:

— Помалкивай!

Кума прикрыла рот платком, а я обернулся к печке. Лежанка была задернута занавеской, за которой кто-то шевелился.

— Дядя Кузя,— сказал я,— вы там?

— Тута я, на печке,— послышался в ответ кумов голос.

— Спускайтесь сюда,— пригласил я,— мы поклон вам привезли.

— От Авери что ль?

— От него. Слезайте, познакомимся.

— Зачем же я буду слезать?— сказал кум.— Я ведь спрятался.

Мы с капитаном окончательно оробели.

— Ну тогда мы пойдем,— сказал капитан.

— Куда это?— крикнул с печки кум.— Самовар горячий, садитесь чай пить.

— Как же мы будем чай пить, если хозяин прячется?

— Да пускай прячется!— встряла кума.— Эка невидаль!

— Помалкивай!— немедля крикнул кум.— Неси молоко! Рыбник ставь! Только и знает языком болтать.

Кума метнулась в сени, притащила горшок молока, вытащила из печки рыбник, который был похож на перевернутый кверху дном коричневый таз.

В пироге что-то тихо и яростно клокотало.

Из-под ржаной корки, из трещинок в пропеченном тесте струился лучной и рыбный пар. Так и хотелось отодрать корку, глянуть, кто там таится под ней.

— Самовар — баранки!— крикнул кум. И баранки с самоваром явились на стол.

Самовар завывал и гнусавил, булькал рыбник, тихо шептала что-то пенка парного молока — все двигалось и жило на столе, даже баранки чуть шевелились, легонько подталкивая друг друга маковыми боками.

Скромно положив руки на колени, недвижно сидели мы, не понимая, можно ли пить чай, если хозяин прячется. Капитан пришел постепенно к выводу, что это невозможно.

— Мы вам, наверно, помешали,— сказал он, вставая.— Зайдем в другой раз.

— Куда это?— крикнул кум с печки.— Пейте чай. Рыбник ешьте.

— Нет, нет, не можем,— мотал головой капитан.— Не можем, когда хозяин прячется.

— Да пускай прячется,— не выдержал я и протянул руку к пирогу.— Попробуем рыбника.

Капитан хлопнул меня по руке и сказал:

— Пошли.

Пришлось встать, но тут же кума ухватила меня за локоть и стала уговаривать.

По самое Илистое озеро, где Панашка живёт.

— Нет, нет,—твердил капитан,—дядя Кузя, очевидно, нас напугался. Мы пойдем.

— Да я не напугался, я так просто спрятался.

— А для чего?!

— Сказать, что ли?—задумался на печке кум.

— Давай я скажу!—не утерпела кума.

— Помалкивай!

— Ну дай же сказать-то!—крикнула кума.—Очень уж хочется.

С минуту они торговались, кому сказать, наконец, кума переборола мужа, наклонилась к самовару и сказала тревожным шепотом:

— Его оса укусила.

Глава XX

Где Кумкузя чай пил

Капитан измученно вздохнул и сел на место, пытаясь понять, что, собственно, было сказано.

— Оса?—переспросил он.—Большая оса?

Слово «большая» он раздул так сильно, как будто подозревал осу величиной с теленка.

— Большая, батюшка,—ответила кума, снижая все-таки размер осы до барана.

— И куда ж она его укусила?—осторожно спросил капитан.

— В щеку,—шепнула кума.

— И чего ж он прячется?

— Помалкивай!—грянуло с печки, но кума не могла удержаться и быстро прокричала:

— Всю рожу разворотило, неловко людям показаться, он и спрятался.

Кум грозно елозил на печке и чуть не рычал, возмущенный болтовней супруги.

— Дядя Кузя,—сказал капитан,—что за ерунда? Что мы, укушенных, что ль, не видали? Слезайте с печки.

— Не могу,—ответил Кузя,—стесняюсь.

— Кончайте стесняться, подумаешь,—ерунда.

— Никак не могу,—ответил кум,—очень уж сильно стесняюсь.

— Вот он какой у нас человек!—с некоторым восхищением сказала кума.—Другие с такой рожей вылезли бы на улицу, людей пугать, а Кузьма Макарыч не может.

— Прекратить болтовню,—рявкнул кум.

— Кузьма Макарыч,—сказал я,—слезайте, пожалуйста. Посидим вместе, чайку попьем.

— Вы пейте, а я тут буду лежать.

— Ну нет,—сказал капитан,—если не слезете, уйдем!

Капитан встал, и снова кума ухватила его за рубаху, а другой рукой придавила меня к стулу.

— Уйдем, и все!—вскрикивал, вырываясь, капитан.

— Стойте!—крикнул кум.—Я слезу!

Кума отпустила нас, и капитан, взволнованный победой, плюхнулся за стол.

Кум слезать, однако, не торопился, и волей-неволей завороженно глядели мы, когда же, черт возьми, откроется занавеска.

Наконец дрогнул голубенький ситец и появилась кумова голова, которая оказалась в зимней солдатской шапке, шнурками завязанной на подбородке. Под шапкою накручена была голубая тряпка, из которой, как булыжник, выпирала вбок укушенная щека. Стараясь не смотреть на щеку, мы пожали куму руки, кума нацедила всем чаю.

Мы обрадовались было, что Кузя с нами, но быстро поняли, что радость преждевременна. Рот кумов был намертво замотан тряпкой, так что чаепитие не могло состояться.

Тут все стали уговаривать кума, чтоб он ослабил узел. После долгих запирательств и мотаний голо-

вой Кузя ослабил путы, выпустил из тряпки свежерыжие усы и глотнул чаю. Все облегченно вздохнули.

— Вы рыбник-то любите есть?—спросил кум, поворачиваясь к нам неукушенной щекой.

— Любим,—радостно отозвались мы с капитаном.

— А чай пить?

— Очень любим,—ответил капитан.—Мы из Москвы, а там все чай пить любят.

— Я в Москве-то бывал,—похвастался кум.—Чай в Москве пивал.

Я подвинул к себе рыбник и ласково отодрал его верхнюю корку. Пар лучной и рыбный, который прежде чуть пробивался сквозь крышку, теперь хлынул в комнату. Огромный карась с головой и хвостом лежал под коркою абсолютно запеченный.

Отломив от крышки кусок, я ухватился за карасевую голову. Капитан взъерошил бороду и вцепился в карася с другой стороны.

Широко открыв глаза, глядели кум и кума, как мы взламываем рыбью голову, как сыплются на стол обсосанные бронзовые щеки, хрустальные втулочки, винтики, костяные трапеции, из которых построена карасевая голова.

— А вы в Вологде-то пивали чай?—спросил кум.

— А как же!—мычал капитан.—Пивали.

— А в Архангельске?

— Пивали.

— И я тоже!—крикнул кум, весело ударив ладонью об стол.—Значит, мы теперь как родные! А вот я интересуюсь, вы в Харькове пивали чай?

— Нет, не пивали,—признался капитан.

Кум засмеялся потихоньку.

— А я и в Харькове пивал,—радостно сообщил он.—Да вы не поверите, если я скажу, где еще чай пивал.

— Где же?

— В Хабаровске! Вот где! Уж там мало кто чай пивал.

— Это редким человеком надо быть, чтоб в Хабаровске чай пивать,—сказал капитан подхалимским голосом.

— Вот я и есть такой человек!—счастливо засмеялся кум.

— Кузьма Макарыч,—сказал я,—а вы с Папашкой, случаем, не пивали чай?

— Что ты, батюшка? Какой чай с Папашкой? Что ты говоришь?

Кум, показалось мне, немного напугался. И кума, прикрыв рот кончиком платка, выглянула в окно. Мой неловкий вопрос заглушил беседу, и некоторое время все молча пили чай.

— Извиняюсь, Кузьма Макарыч,—сказал капитан,—а вы знаете про Папашку?

— Что ты, что ты, батюшка. И слушать не хочу. На кой он мне?

— Странно,—сказал капитан,—живете рядом с Илистым озером, а Папашку не знаете. Вы что ж, на озеро не ходите?

— Ходить-то ходим,—стеснительно ответил кум,—да к воде не подходим.

Глава XXI

Илистое озеро

«Одуванчик» наш спокойно и быстро плыл по кондратке, и снова по берегам взлетали кулики, выдры или ондатры шевелились в тростниках, над которыми вставало солнце.

Переночевав у кума на сеновале, еще до восхода отправились мы дальше и рассчитывали чай утренний пить на берегах Илистого озера.

Илистое открылось нам внезапно. Оно лежало среди лесов, и с одного его берега возвышался голый холм, а на другом желтело моховое болото, заросшее мелким сосняком.

Посреди озера подымался из воды маленький, длиною в пять шагов островок. Он зарос травою, среди которой виднелись и белые цветы. Издали казалось, что это таволга.

— Подплывем к острову?—спросил капитан.—Или туда... на берег?

— Давай к острову,—сказал я,—а на берег потом.

Дружно и как-то особенно сильно и старательно мы ударили веслами, и в тот же миг лодка ткнулась носом во что-то твердое. Послышался странный звук, который я бы назвал «чпок»,—и сквозь оболочку лодки выскочил между бамбучин короткий и черный, острый и злой клык. И сразу же фонтаном брызнула в лодку вода.

Будто подброшенный, вылетел из лодки в небо капитан-фотограф. Каким-то неловким колесом в болотных сапогах и с крыльями он ухнул боком в черную воду.

Я вскочил, упал на колени, схватился за клык, сжал вокруг него оболочку. Фонтан угас, но вода струилась между пальцев.

Вцепившись рукой в борт, вынырнул капитан-фотограф. Лицо его было коричневым и торфяным.

— Это сучок!—бормотал он, отплевываясь.—Держи воду, держи! Сейчас я выдерну сучок.

Я и так изо всех сил «держал воду», но удержать никак не мог. Она хлестала между пальцев.

— Там в рюкзаке есть пластырь,—кричал капитан.—Я выдерну сучок, а ты ищи пластырь.

Одной рукой сдерживая воду, я шарил по рюкзаку, но вместо пластыря попадались мне малосольные огурцы, которые дал нам на дорогу кум. Капитан выдернул сучок, и вода хлынула в лодку изо всех сил.

— Пластырь, скорее пластырь,—булькал и хрипел капитан.—Он зажимал снизу дырку ладонью.

Пластырь нашелся, наконец, но пластины его слиплись между собой, и пока я отдирал их, вода все прибывала. Отодрав одну пластину, я отдал ее капитану, и он как-то подвел ее к дырке, налепил.

Я лепил пластырь сверху, изнутри лодки. В воде пластырь налепливался плохо, но все-таки кое-как прицеплялся к мокрой ткани. Течь понемногу прекратилась.

За какие-то две минуты в «Одуванчик» набралось столько воды, что я уже промок по пояс. Выхватив из рюкзака котелок, я стремительно стал отчерпываться.

— Давай к берегу!—кричал капитан, плавая вокруг лодки.

Пристроившись к корме, он сильно толкнул «Одуванчик» к берегу. Я хватался то за весло, то за котелок, берег приближался, а воды в лодке не убавлялось, она сочилась сквозь криво налепленный пластырь. Коряга, на которую мы напоролись, плыла отчего-то за нами. Полузатонувшая, она была сплошной скользкой гнилью и трухой, только лишь один острый и крепкий сучок сохранился в ее старом теле.

Нос лодки ткнулся, наконец, в прибрежную траву, капитан-фотограф выволокся из воды, и мы сразу подхватили «Одуванчик» на руки, потащили его подальше от озера, на холм.

На вершине мы остановились, перевернули лодку вверх дном.

— Где спички?—бормотал капитан, стаскивая с

себя мокрую рубаху, галлонами выливая воду из сапог.

Спички, конечно, намокли, промокло все, что могло промокнуть, только фотоаппарат, который капитан таскал с собою, но так и не открыл до сих пор, остался сухим. Он был засунут в сверхнепромокаемый целлофановый мешок.

Каким-то чудом мне удалось извлечь огонь из газовой зажигалки, и костер в конце концов запылал. На веслах, воткнутых в землю, развесили мы мокрую одежду, стали разглядывать пробоину. Она была невелика, размером в пять копеек, и залепить ее было нетрудно.

— Это все Папашкины штучки,—сказал капитан.—Это он подсунул корягу. Не хотел, чтоб мы на остров вылезли. Он на этом острове сам на солнышке греется.

— Ладно тебе,—сказал я,—помалкивай. Пошли за дровами.

В лесу, лежащем за холмом, полно оказалось белых грибов. Окутанные мхом, осыпанные хвоей, они стояли вдоль по опушке, и трудно было удержаться не сорвать гриба.

Вместе с дровами натаскали мы грибов, и капитан затеял сварить грибную похлебку.

Пока сушились вещи, пока варилась похлебка, я взял удочку и спустился вниз, к озеру, к воде.

У подножья холма в заливе я увидел два плота. Они стояли рядышком под черемухой. Один плот был старый и гнилой, а другой на вид совсем новый, крепкий. Бревна, составляющие его, скреплены были железными скобами. Ни весла, ни шеста я не нашел. Срубил сухую березку, забрался на плот. Я решил доплыть до островка и половить там.

Березой я попробовал упереться в дно, чтоб оттолкнуть плот, но дна не достал. Тогда взмахнул березой, как веслом, и, загребая то с одного борта, то с другого, медленно поплыл к острову.

Неожиданно начался ветер. Он дул мне навстречу, и скоро я понял, что стою на месте. Бросил грести, и ветер отогнал меня к берегу.

— Ну и ладно,—сказал капитан.—Там, на острове, Папашка тебя живо схапает. Лови с плота.

Я закинул удочку и очень долго глядел на поплавок, который, чуть покачиваясь, стоял в воде. Рыба не брала.

Перебросив удочку, я случайно зацепился крючком за соседний плот. Дергая лесу, я старался отцепить крючок, но ничего не получалось. Примерившись, я прыгнул на середину второго плота.

Ни минуты не раздумывая, плот затонул, и я с головою ушел в воду.

На редкость колючей, холодной и душной показалась мне вода Илистого озера. Прежде чем вынырнуть, я на миг приоткрыл в воде глаза и увидел под светлой поверхностью озера темный провал, ведущий на дно. Из провала подымалось ржавое облако ила, в котором поблескивали зеленые угольки.

— Я уж думал все, тебе конец!—взволнованно кричал капитан, подбегая к берегу.—Папашка за ногу сдернул! Бросай рыбалку, пойдем лучше похлебки похлебаем!

Похлебка из белых грибов получилась у капитана густой, наваристой. Серповидные и круглые куски белых грибов были мягки, как масло.

— Как думаешь?—сказал капитан.—Вправду здесь Папашка живет?

— Что ж такого. Есть же в Англии озеро Лох-Несс, в нем, говорят, живет чудовище.

— Мне кажется, в нашем краю чудовищ нету.

— Кто знает.

— Вот бы сфотографировать Папашку.

Капитан задумался, взял аппарат, треногу, спустился к озеру. Пока я сушился, он то уходил от костра, то возвращался. Попросил у меня самый большой крючок и самую крепкую леску. Отрезал кусок сала, взял топор и унес все это.

Я пошел к берегу посмотреть, что он делает.

Кусок сала капитан насадил на крючок и положил его на камень, лежащий на берегу у самой воды. Леска тянулась от крючка к фотоаппарату, который стоял неподалеку на трех алюминиевых ногах. На березке висел и черный ящик с батарейками, из которого выглядывало зеркало вспышки.

— Расчет простой,—пояснил капитан.—Папашка вынырнет и схватит сало. Дернет за леску, и тут аппаратура сработает.

— А если Папашка утащит под воду аппарат?

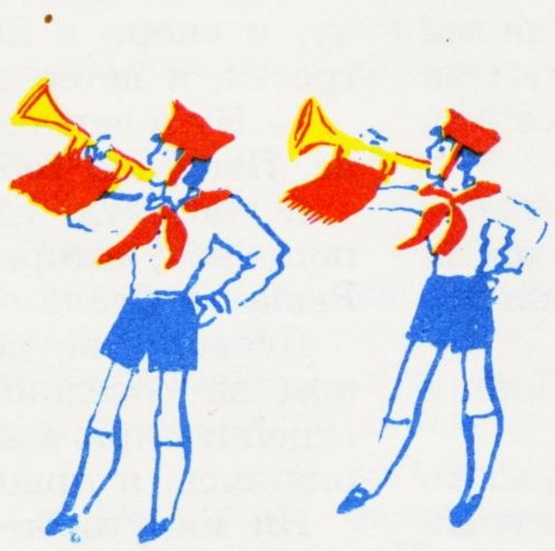
— А топор-то на что?

В землю, неподалеку от камня, капитан врыл топор—острием вверх. Леска лежала на лезвии топора, и при сильном натяжении, по расчетам фотографа, топор должен был ее разрезать.

...Приблизился вечер. Стемнело. С того берега, из болот, тянулся холодный туман.

Мы пили чай у костра и смотрели, как неподвижно лежит, не шевельнется среди лесов Илистое озеро.

Молочай с Илистого озера.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ИМЯ ГЕРОЯ

Пионерский отряд имени Юрия Гагарина... Пионерский отряд имени Вали Котика... Пионерский отряд имени Павлика Морозова... Пионерская дружина имени Аркадия Гайдара... Пионерская дружина имени Олега Кошевого...

Десятки тысяч пионерских отрядов и дружин носят имена тех, кто своим ратным и трудовым подвигом прославил нашу Отчизну, чьи имена навечно вписаны в летопись нашей Родины, Ленинского комсомола и Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина.

Каждый отряд может бороться за присвоение имени героя. О том, за имя какого героя будет бороться отряд, решается сообща на пионерском сборе. Это решение пионерского сбора утверждается на совете дружины, сборе дружины, на бюро районного или городского Совета пионерской организации. Выбор имени героя, за которое будет бороться отряд,— дело ответственное. В нашей стране подвиги краснодонцев, Александра Матросова, пионеров — Героев Советского Союза Вали Котика, Лени Голикова, Марата Казея, Зины Портновой известны всем. И отряд, конечно, может бороться за то, чтобы ему присвоили имя одного из этих героев. Но в каждом городе, в каждой деревне и поселке есть прославленные земляки, которые создавали первые колхозы, строили Магнитку, поднимали целину, чья жизнь — пример для подражания. Многие выпускники школ далекого 1941 года ушли на фронт и не вернулись с войны. Их жизнь — тоже пример для юных ленинцев.

Когда отряд или дружина выбрали имя героя, за которое они будут бороться, то совет дружины или отряда организует работу красных следопытов: начинается сбор материалов о жизни и подвиге прославленного героя. Ребята читают книги и материалы о героях, встречаются с родными героя, людьми, знавшими его. Со всем собранным материалом знакомится каждый пионер отряда. Под руководством вожатых отряд организует экскурсии, походы по местам, где совершил подвиг герой. Юные фотографы, юнкоры создают своеобразную летопись жизни и подвига героя. Когда материал уже собран, то совет отряда, совет дружины организуют уголок героя или музей героя.

Каждый ли отряд имеет право носить имя героя? Да, каждый. Но при условии, что ребята выполняют Законы юных пионеров, добросовестно учатся, вносят свой трудовой вклад в дела старших, что отряд дисциплинирован, активно участвует во всех пионерских делах.

Когда юные ленинцы внутренне почувствуют, что они готовы своими делами и хорошими поступками оправдать имя героя, они об этом поведут серьезный разговор на пионерском сборе. О своем решении принять имя героя они сообщают совету дружины, который и присваивает отряду имя. О присвоении имени героя объявляется на торжественном сборе.

Отряд, носящий имя героя, обязательно отмечает день рождения героя, день его подвига и день памяти. В эти дни в комнате или музее героя выстраивается почетный караул, ребята проводят пионерский сбор или праздник, посвященный герою, читают о нем стихи, исполняют песни, встречаются с родными и близкими.

Отряд старших пионеров при прощании с красным галстуком, с пионерской организацией может передать имя героя своего отряда младшему отряду. Порядок присвоения имени героя остается тем же.

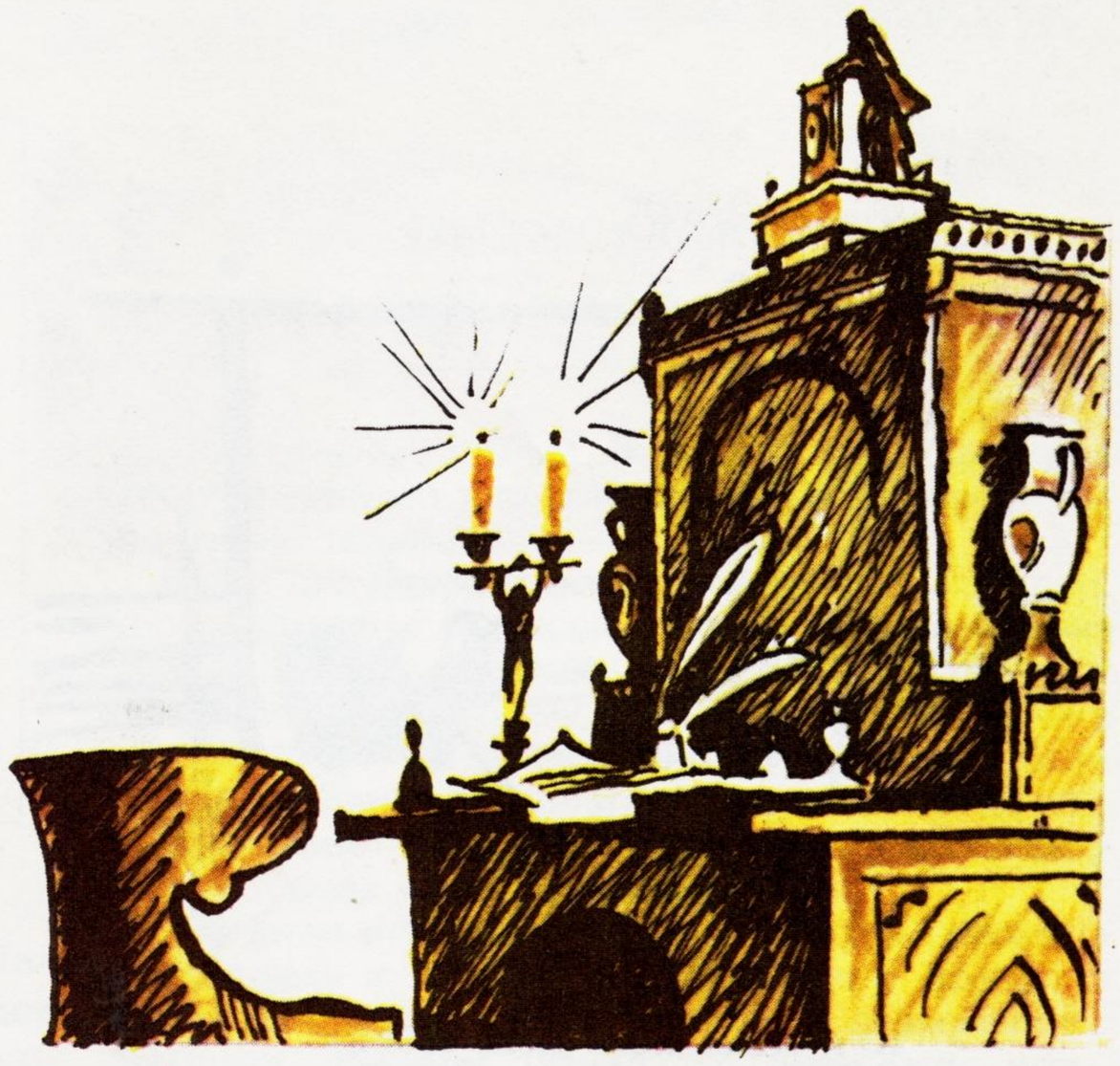
Имя героя дружине присваивает районный, городской совет пионерской организации, и об этом сообщается на торжественном сборе дружины. Как правило, это событие приурочивается к знаменательным датам календаря.

Можно ли присваивать отрядам и дружинам имена ныне живущих героев? Кроме имен первых советских космонавтов, присваивать имена ныне живущих героев не рекомендуется.

Чье имя носит ваш отряд, ваша дружина? Какими делами вы оправдываете право носить имя героя? «Пионер» ждет ответов на эти вопросы.

Ал. ОСПОВАТ

СЛОВО ТЮТЧЕВА



У Сергея Павловича Боброва — писателя, художника, математика — есть повесть о своем детстве, «Мальчик».

Однажды среди книг, попавших ему в руки, оказался томик Тютчева. Он начал читать и, не успевая еще понять смысла прочитанного, ощутил, как он сам это назвал, «вкрадчивый холодок подлинности».

Так случается со всеми. Когда в детстве читаешь Тютчева, многие стихотворения далеки от тебя, «непроницаемы», но в подлинность его слова веришь сразу. Кажется, первое мое впечатление от Тютчева: незнакомая точность знакомых слов и оборотов речи. Читаешь даже не стихи, а просто слова, заново им открытые или по-иному составленные.

Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
***Освобожденная* от зною...**

О, сколько жизни было тут,
***Невозвратимо* пережитой!..**

И вся дубрава задрожит
***Широколиственно* и шумно!..**

Стихотворение, откуда взяты эти строки, запомнилось одним из первых. Удержать его целиком помогает сам шаг стиха, неровный, неотвязчивый.

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь,
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Не сразу заметно, что здесь каждая строка перемещает взгляд: как по эстафете передается нарастающее движение грозы и не упущено ни одно звено. А последняя строка внезапно останавливает бег, озвучивая всю картину целиком.

Тем современникам поэта, кто знал его биографию, такое понимание русского языка казалось загадкой. Первую половину жизни Тютчев провел за границей — служил дипломатом, вторую — в светском кругу Петербурга. Говорил он почти всегда по-французски.

«...Я помню,— рассказывал на склоне лет Лев Толстой,— меня поразило, как он, всю жизнь вращавшийся в придворных сферах..., говоривший и писавший по-французски свободнее, чем по-русски, выражая мне свое одобрение по поводу моих «Севастопольских рассказов», особенно оценил какое-то выражение солдат; и эта чуткость к русскому языку меня в нем удивила чрезвычайно».

Но Тютчев, наверное, оттого и чувствовал русский язык столь остро, что для него этот язык не был стерт обыденной скороговоркой — был языком поэзии. За долгую жизнь Тютчев написал сравнительно немного: он берег слова и, как никто другой, страшился их растратить.

С самого начала Тютчев ограничил круг своих тем, поэтических пристрастий. Из года в год он писал природу, все четыре ее времени — скорее даже возрасты, поскольку природа, подобно человеческой жизни, была для него вечным движением, счастливым, но неумолимым.

Поэтому разгар летнего торжества,— возвращаюсь к стихотворению «Как весел грохот летних бурь...» — скрывает «внезапную тревогу», осеннюю ноту летнего оркестра:

Как под незримою пятой
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,

Как совещаясь меж собой,—
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

В круговороте природы Тютчева особенно занимают излеты, переходы: от лета к осени, от осени к зиме. В его стихах нет покойных времен года, природный ритм убыстрен. Вот осенний пейзаж, на котором все замерло в предвестии снега:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде,
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде...

Так и в зиме Тютчев всегда угадывает ее край:

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебль колышет
И елей ветви шевелит...

Этот край уже близок, и зима переломилась:

Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

.....

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала,
Наперекор врагу.

Весна, по Тютчеву,— главный праздник природы. Только она может длиться — она может быть даже несменяемой. Весна вправе не знать о будущем, а радостно оборачиваться назад.

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьем молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачною, как дым...

Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым;
И вот живые эти грезы
Под первым небом голубым
Пробились вдруг на свет дневной...

«Весенние» стихи Тютчева — из самых запоминающихся. Лев Толстой писал, что каждую весну он твердит одно из них — «Как ни гнетет рука судьбины...». А стихотворение «Люблю грозу в начале мая...», известное нам по учебникам литературы, и сто лет назад было на слуху и памяти у тогдашних школьников.

Однажды, в последние годы жизни, поэт приехал навестить своего внука в московский лицей. Там к нему подошел одиннадцатилетний мальчик. Он поклонился Тютчеву и сказал, что прочел все его стихотворения. Поэт спросил, что же ему больше всего понравилось. Конечно, «Люблю грозу в начале мая...», отвечал тот.

...Есть не только «весенний» Тютчев. Есть Тютчев неутешимо печальный. Тютчев загадочный, недоступный. Но и когда речь поэта тяжела, даже невнятна, остается в твоей памяти слово.

Слово — в своей последней точности.

Что нам читать?

МИР ВЫСОКОЙ МЕЧТЫ

Это была совсем необычная академия. Называлась она «Биссектриса». Но правильнее сказать не «была», а возможно, будет, ведь пока ее нет. Потому что члены этой академии — школьники из фантастической повести **Владимира МАЛОВА «Академия «Биссектриса»** (она вышла в издательстве «Детская литература»). Повесть эта о ребятах, которые решили заниматься наукой, о их любимом учителе Михаиле Галактионовиче, основателе и руководителе школьной академии.

Ну, а какими они предстают перед нами на страницах книги, эти шестиклассники из будущего, XXI века? Конечно, прежде всего они больше знают и умеют, чем сегодняшние школьники. Многое по плечу юным. Они даже создают такой замечательный электронный прибор — Установку радости, — который может улучшить настроение человека. А что будет, если увеличить мощность? Наверное, в этом случае можно сделать счастливыми много людей и, быть может, даже все человечество в целом?

Герои повести размышляют о непростых жизненных вопросах: что такое счастье, как помочь людям, избавить человечество от горя. Потому что и занятия наукой — они ведь в конечном счете тоже для людей.

Когда мы берем в руки научно-фантастическую книгу, то, конечно же, ждем рассказа о будущем, о тех грандиозных открытиях, которые оно сулит, ждем увлекательного сюжета со всевозможными космическими путешествиями и встречами с инопланетянами. Все это есть и в повестях писателя Владимира Малова. Но важнее то, что живет в этих повестях добрый и лиричный ребячий мир, полный высокой мечты и раздумий о жизни.

Фантастика — это литература мечты. Не секрет, что нам чаще по душе приходится книжка занимательная и веселая. Что ж, занимательности в повестях Владимира Малова достаточно, а его герои, как и все ребята, любят шутку. Но все-таки эта книга очень серьезная, заставляющая читателя задуматься.

Н. ГОРБАЧЕВ.

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА

Я познакомился со зверями

«Я посмотрел вниз и похолодел... Дно рва кишело самыми ядовитыми змеями Африки — габонскими гадюками...»

Когда Дж. Даррелл посмотрел вниз и похолодел, я проехал свою остановку. Я ведь возвращался из библиотеки на трамвае и не утерпел, принялся читать. Эта книга сразу меня заинтересовала. Она называлась **«По всему свету».** Автор ее **Джеральд Даррелл,** знаменитый зверолов и писатель, рассказывает в ней о своих путешествиях по свету и о встречах с разными животными.

Прочитав эту замечательную книгу, я пришел в библиотеку и спросил, есть ли еще у Даррелла книги. Оказалось, есть, и много! Я познакомился с разными зверями, узнал их привычки, игры, законы.

Кто еще не читал эти книги — прочитайте обязательно!

Костя ЗУБОВ, г. Москва

Все равно люблю сказки...

Когда я была маленькой и не умела читать, бабушка часто рассказывала мне сказки. Помню, тогда я все удивлялась: «Откуда она их столько знает?» А когда я в школе научилась читать — поняла: бабушка брала их из книг. Дома у нас есть много сказок, и даже сейчас, когда я учусь уже в седьмом классе, я нередко перелистываю любимые книжки.

В школе на классных часах мы часто обсуждаем вместе прочитанные рассказы, повести. Говорим о любимых книгах, литературных героях. Но однажды я предложила ребятам поговорить о сказках, ведь это так интересно. Они засмеялись и прозвали меня малышкой. Мне стало очень грустно, но я обиделась не за себя — за сказки. Неужели в седьмом классе стыдно любить сказки?

Алла СОТНИКОВА,
пос. Фурманово,
Уральская область.

Молодогвардейцы — пример для меня

Раньше я очень часто болела и была трусихой. Но когда я прочла книгу А. Фадеева «Молодая гвардия», я стала заниматься физкультурой и перестала болеть. Я стала сильной. Стала воспитывать в себе характер. Я поражена мужеством и стойкостью молодогвардейцев. Я презираю предателей и хочу походить на Любовь Шевцову. Она веселая, смелая и ловкая. Молодогвардейцы любили и уважали Любу. Товарищи могли на нее положиться. А ведь это главное, чтобы люди тебе доверяли.

Таня ГОРЮНОВА, г. Челябинск.

На научной волне

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Атлантида легендарная и реальная

Тайны раскрытые и нераскрытые

Много тайн хранят необъятные просторы Мирового океана. Много легенд сложено об этих тайнах. Сейчас, когда ученые проникают в океанскую глубину, недоступную раньше человеку, они убеждаются, что часто в основе самых невероятных мифов и легенд лежат вполне реальные события.

Огромные морские драконы, описанные в сказках многих народов мира, в действительности некогда существовали. Несколько лет назад японские рыбаки в Тихом океане вытащили сетями огромного дракона — гигантскую подводную змею. Есть предположение, что раньше такие змеи встречались рыбакам чаще.

«Всемирный потоп» на Земле происходил неоднократно. Описанная в «Одиссее» ужасная Сцилла—не что иное, как остров Сицилия, плавать мимо которого было небезопасно из-за сильного течения и частых штормов. Предполагают, что воспетый Пушкиным в «Сказке о царе Салтане» остров Буян — это Кипр, где в средние века действительно правил герцог Гвидо, прообраз князя Гвидона.

Но есть одна легенда, интерес к которой не ослабевает с древних времен и до наших дней. Хотя подтверждений, что она основана на реальных событиях, нет. Это легенда об Атлантиде.

Более 20 веков назад знаменитый древнегреческий философ Платон в диалогах «Тимей» и «Критий» рассказал о древней могущественной державе Атлантиде, которую внезапно поглотили воды океана. Сам Платон страну эту не видел, он ссылался на своего предка, одного из величайших мудрецов — Солона. Солон жил за 200 лет до Платона. Он много путешествовал по морю и суше. Во время одного из таких путешествий в Египте он познакомился с преданиями об Атлантиде. По преданию столицей Атлантиды был знаменитый «город ста ворот», окруженный каналами. В его огромной гавани размещалось более 1200 кораблей. Около 10 000 колесниц гремело по его мостовым. Древние атланты, покорившие все Средиземноморье, владели тайной неизвестного до сих пор чудесного сплава «орихалка».

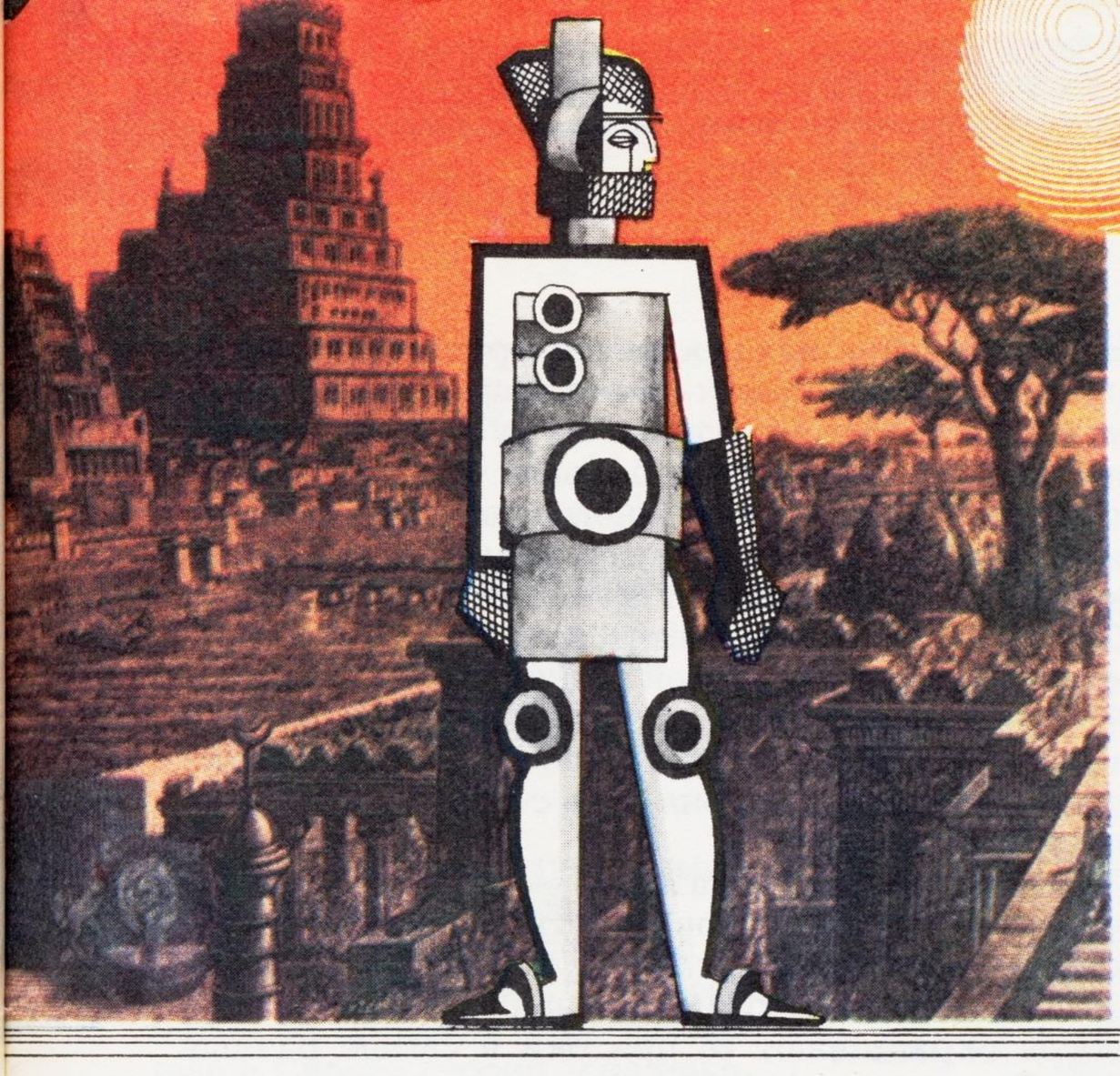
Легенда об Атлантиде вызывала яростные споры еще при Платоне, не затихают они и до сих пор. Первым противником Платона был его ученик Аристотель, считавший, что этот миф был выдуман Платоном, чтобы воспеть афинян, якобы победивших атлантов.

Многие современные ученые предполагают, что Атлантида была, вот только вопрос, где? На острове у берегов Южной Греции? Есть и такая версия. Действительно, в восточной части Средиземного моря в древности существовал остров Санторин. Археологи и морские геологи считают, что древний город Тира на этом острове мог погибнуть в результате чудовищного извержения вулкана Санторин. Остров был засыпан лавой и пеплом, раскололся на части и погрузился в море.

Однако есть и другая версия. Ведь, если верить Платону, Атлантида располагалась по ту сторону «Геркулесовых столбов» — Гибралтарского пролива, не в Средиземном море, а уже в Атлантическом океане. Может быть, именно там и следует ее искать?

В трехстах километрах к западу от Гибралтарского пролива расположена огромная подводная гора Ампер — древний вулкан. Основание этой горы находится на глубине трех километров, а вот вершина — совсем близко от поверхности: на глубине семидесяти метров. Вулкан Ампер входит в гигантскую цепь подводных гор, которая тянется от Азорских островов до Гибралтарского пролива.

В 1977 году советский специалист по подводным съемкам старший инженер Института океанологии АН СССР В. Маракуев сделал снимки вершины. На фотографии был виден покров белого песка и темные гряды, расположенные под прямым углом друг к другу. Природа прямых углов не любит, может, это стены, возведенные человеком? Может, именно здесь покоятся остатки городов Атлантиды?



конечно, в центре внимания был уникальный образец. Что же нового дала эта находка?

Внимательно изучив снимки стен, ученые решили, что эти базальтовые гряды скорее всего не создание древних строителей, а результат выветривания гор. Анализ образца показал: базальт образовался не под водой, а на поверхности земли. Значит, вулкан Ампер 40 тысяч лет назад был островом, который позже опустился под воду. Но ведь если был остров, то на нем могли жить люди? Кроме того, Ампер — всего лишь одна из многочисленных подводных гор. Может быть, горная гряда вся когда-то была на поверхности? Для ответа на этот вопрос надо достать образцы и с других подводных гор.

Сегодня загадку Атлантиды должны решать не историки, а геологи.

А. ГОРОДНИЦКИЙ,
доктор геолого-минералогических наук,
член Союза писателей СССР.

В январе 1982 года из Новороссийска вышло в свой первый рейс советское научно-исследовательское судно «Витязь». Судно это специально оборудовано для проведения работ на дне океана. В его кормовой части есть камера, в которой водолазы, поднявшиеся на борт с большой глубины, должны находиться, чтобы постепенно привыкнуть к нормальному для человека атмосферному давлению. «Витязь» снаряжен «водолазным колоколом» — подводным лифтом, который на стальном тросе опускает водолазов на дно. Колокол герметически закрывается и в нем может поддерживаться любое давление: и привычное для человека, и то, которое водолаз испытывает на морском дне. Есть на «Витязе» и маленькая подводная лодка. Она может находиться под водой почти двое суток и опускаться до глубины 700 метров. Назвали ее «Аргус», именем стоглазого великана — бдительного стража. Может, потому, что, кроме трех иллюминаторов, лодка снабжена еще многочисленными фото- и теле-«глазами».

И вот в феврале 1982 года судно «Витязь» направилось за «Геркулесовы столбы» к подводной горе Ампер. Сначала ученые провели детальную съемку эхолотом и составили подробную карту рельефа горы. Специальным подводным «фотопулеметом» сделали новые фотографии «стен». Начальник экспедиции профессор В. С. Ястребов и капитан судна Н. В. Апехтин хотели спустить подводную лодку «Аргус». Но погода помешала: много дней подряд шли затяжные штормы, волнение моря было не меньше пяти баллов. Тогда приняли другое решение. Судно встало на два якоря над вершиной горы, и за борт спустили водолазный колокол с тремя водолазами. Прямо на загадочную «стену». Руководил этой группой опытный акванавт Николай Ризенков. Он должен был осмотреть стены и, если возможно, поднять на борт судна образец.

Шторм чувствовался даже на глубине 60 метров. Когда колокол опустился на грунт, его начало таскать по дну и бить о базальтовые скалы. Николай Ризенков рассказывал, что ощущение было не из приятных. Выбрав удобный момент, акванавты открыли люк, и Ризенков выпрыгнул из колокола. На стене он обнаружил свежую трещину, образовавшуюся от удара балласта их колокола. С большим трудом Николай расшатал кусок камня в трещине и взял образец базальта.

Когда «Витязь» в конце марта вернулся в родной Новороссийск, на его борту собрались многочисленные журналисты. Радио, телевидение, газеты. И

Александр Городницкий
не только ученый,
но и поэт,
автор известных песен.
Вот одна
из его песен,
написанная в экспедиции
в Атлантике.

АТЛАНТИДА

Атлантических волн паутина,
И страницы прочитанных книг.
Под водою лежит Атлантида,
Голубого огня материк.

А над ней пароходы и ветер.
Стаи рыб проплывают над ней.
Разве сказки нужны только детям? —
Сказки взрослым гораздо нужней.

Не найти и за тысячу лет нам,—
Объясняют ученые мне,—
Ту страну, что пропала бесследно
В непроглядной морской глубине.

Мы напрасно прожектором светим
В этом царстве подводных теней.
Разве сказки нужны только детям? —
Сказки взрослым гораздо нужней.

И хотя я скажу себе тихо:
«Не бывало ее никогда»,
Если спросят: «Была Атлантида?»
Я отвечу уверенно: «Да».

Пусть поверят историям этим.
Атлантида... Ведь дело не в ней:
Разве сказки нужны только детям? —
Сказки взрослым гораздо нужней.

Самый-самый!

Реки-ручейки

Среди несчитанных рек, речек и ручьев, что текут по нашей планете, самая-самая знаменитая — Амазонка. Она и самая длинная: ее русло от дальнего притока до устья тянется больше чем на 7 тысяч километров. Она и самая многоводная: на ее долю приходится шестая часть всей речной воды. Каждую секунду она изливает в Атлантику 200 тысяч кубометров. Если этот гигантский поток пустить не по руслу 150-километровой ширины и многометровой глубины, а по каналу шириной и глубиной в метр, то вода понеслась бы в 600 раз быстрее звука (только на самом деле она течь с такой скоростью, конечно, не может).

Желтоватые воды Амазонки моряки замечают в океане за 300 километров от устья реки. Но желтоватые они только в низовьях, а вообще Амазонка — еще и самая разноцветная река. Частицы наносов окрашивают ее притоки в самые разные цвета. Вот и текут в Амазонке, почти не смешиваясь, темные воды Риу-Негру, молочно-белые — Риу-Бранку, желтые, серые, зеленоватые и красные струи других притоков.

Хоть Амазонка и выносит в море каждый год по миллиарду тонн наносов, мутность ее вод гораздо меньше, чем у североамериканской Миссури, например, про которую местные жители шутят, что ее вода «слишком жидкая, чтобы ее пахать, но слишком густая, чтобы ее пить».

А мировой чемпион по мутности — река Хуанхэ в Китае: каждый кубометр ее воды несет до 40 килограммов мути! Недаром море, куда она впадает, называется Желтым...

А. ДМИТРИЕВ.

Знаешь?

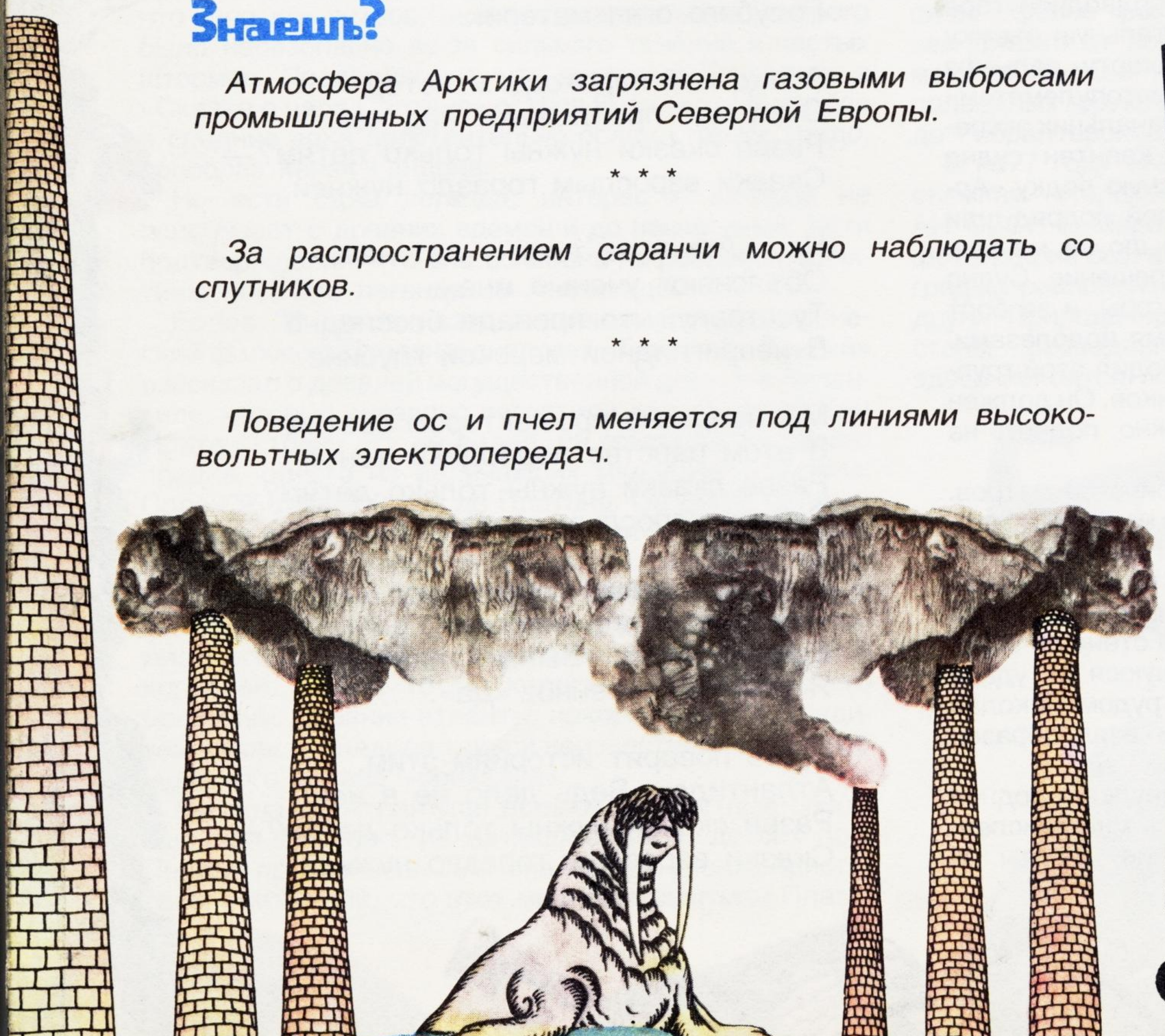
Атмосфера Арктики загрязнена газовыми выбросами промышленных предприятий Северной Европы.

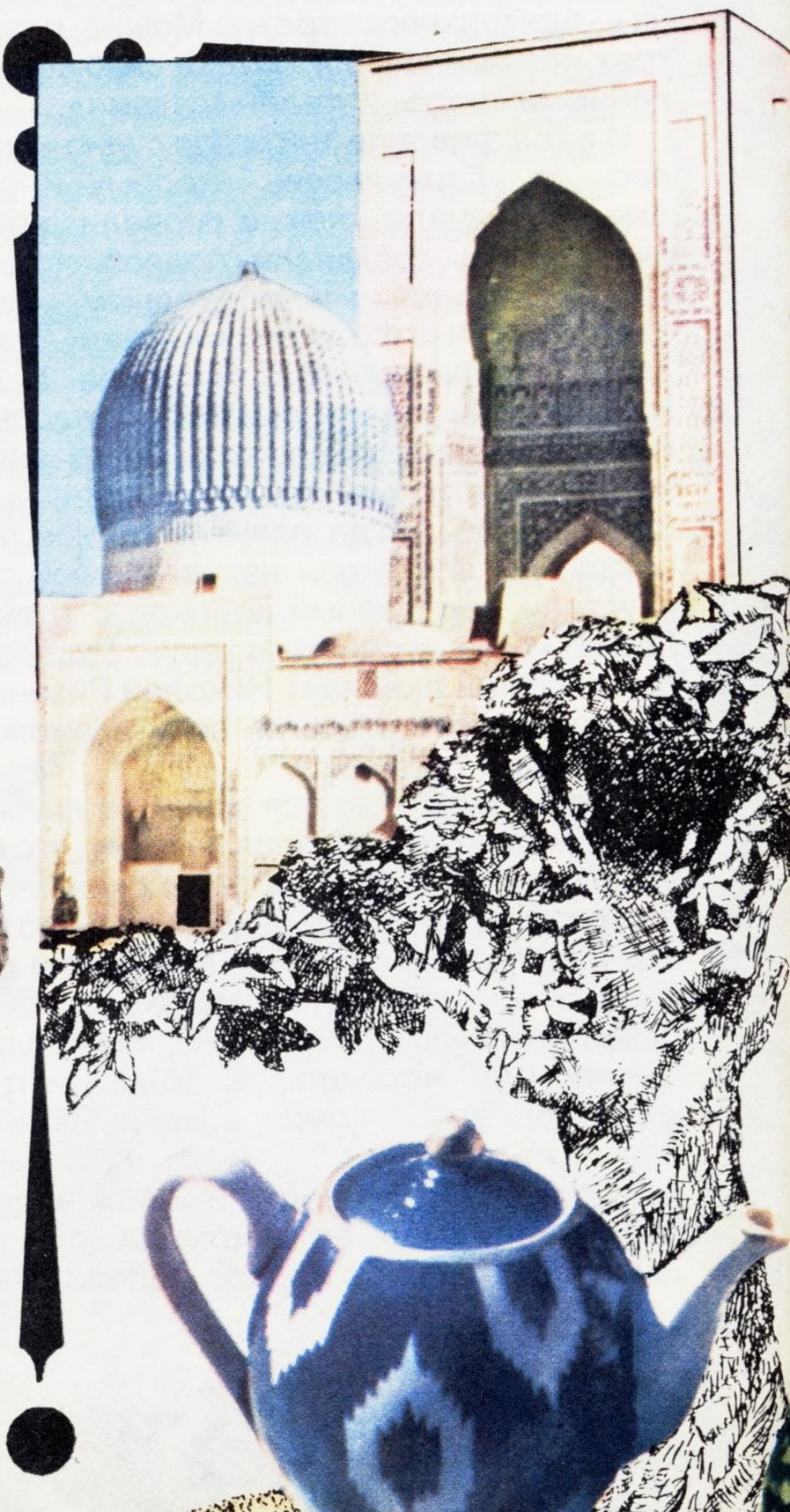
* * *

За распространением саранчи можно наблюдать со спутников.

* * *

Поведение ос и пчел меняется под линиями высоковольтных электропередач.





Виктор БАНЫКИН

ВАЛЕРКИН КАЛЕНДАРЬ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 1—10.

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Глава двенадцатая

Омут Водяного

Ну, скажите на милость, кого из мальчишек не соблазнял ноябрьский лед — такой на вид надежный, старательно застекливший озера и речушки?

Смотришь на его дивно прозрачную гладь, и так и подмывает без промедления надеть ботинки с коньками!

В воскресенье ни свет ни заря выманил Петька Валерку в сени, зашептал:

— Позавтракаешь, бери коньки, и айда на Соню!

— А не рано? — усомнился Валерка.— Не ухнемся в полынью... раков кормить?

— Ерунда! — решительно возразил Петька.— Алик с Гагаринской еще вчера похвалялся: «Коньки, слышь, сами по льду скользили!»

В ноябре рассвет с сумерками посреди дня встречаются. Низко над землей ползут и ползут свинцово-стылые облака. А в иной день и поземка припустит: метет-вертит белым хвостом.

Но воскресенье порадовало погодой. Часов около десяти над Марфинкой вдруг проглянуло солнышко ясное. Заголубело небо.

И загорланили петухи, точно весну почуяли. На реке Соне и то было слышно их дружное «кукареку»!

— Ой, даже глазам жарко! — сказал Валерка, глядя из-под руки на сверкающую ледяной броней Соню.— Этакий лед пятитонку выдержит!

И устремился с кручи вниз.

— Петух, обожди! — крикнул вдогонку Валерка.— Проверить сперва надо.

А Петька знай себе несется сломя голову!

Собрался было и Валерка махануть под яр, да поползня заметил.

Месяц назад прилетели снегири. А теперь — нате вам! — и другой северный гость пожаловал — поползень.

Не обращая внимания на мальчишку, юркая птица подлетела к стоящей вблизи сучкастой ели. И сразу принялась за дело. Спускаясь по шероховатому стволу вниз головой, поползень отыскивал в коре щели и трещинки, прятал в них конопляные семена. Клюв у него длиннющий, острый.

Выпадет большой снег, зарядят лютые морозы, и запасливому поползню пригодятся его теперешние тайники-кладовые.

Валерка не спускал глаз с пепельно-сизой птицы.

Любопытно знать: куда он полетит сейчас за кормом? И вернется ли опять к старой ели? А может, другое дерево облюбует для кладовки?

Снизу махал рукой Петька:

— Спускайся!

— Лови, Петух! Прыгаю без парашюта!

Валерка не помнил, как очутился у самого берега, у опаленных морозом зарослей камыша.

Выудив из кармана куртки пригоршню тяжелых, точно пули, желудей, предложил Петьке:

— Любые выбирай! Попытаем, кто дальше запустит?

Дернув плечом, перешагнул Петька через коряжину, схваченную у берега намертво молочно-ноздреватым припаем, и, не оглядываясь, заскользил к противоположному берегу.

Вздохнув, Валерка опустил в карман желуди. В руке остался один — самый крупный и увесистый. Размахнувшись, запустил его вдогонку приятелю.

Гулко подпрыгнув раза три, желудь завертелся волчком на отполированной морозом голубеющей глади.

«Угадал Петька — лед что надо!»

Присев на пенечек, принялся переобуваться. Едва успел зашнуровать ботинки, как лихо подкатил разгоряченный Петька. Засмеялся:

— Ай, да и копуша ты! Слабо слетать на ту сторону и обратно?

Валерка обиженно обошел Петьку стороной. Чуть пришурясь, оглядел сверкающую молодым звонким ледком реку и не спеша заскользил, но не наперерез реки, а забирая все влево и влево — в сторону гиблого омута.

Все мальчишки Марфинки знали этот бездонный омут, прозванный народом омутом Водяного. Даже в трескучие январские морозы лед над омутом не белел, как рафинад. Загадочно-жуткая чернота его притягивала к себе, словно магнитом.

«Слабак я или не слабак, ты потом, Петух, скажешь. Когда пронесусь над Бодяным!» — думал Валерка, приближаясь к заветной цели.

И вдруг лед стал чуть прогибаться, и Валерке почудилось, будто он отрывается от трамплина и вот-вот полетит по воздуху!

Не слышал он, как угрожающе затрещало позади, не слышал Петькиного крика. Думал: через секунду-другую коньки вынесут на голубой надежный простор.

Но случилось другое: кто-то безжалостно схватил Валерку за ноги и с головой окунул в обжигающе-ледяную купель...

«Кончается ноябрь — «зиме родной батюшка» (так дедушка Терентий говорит), а я лишь вчера впервые с постели на часок вставал.

На мое счастье, отец Мишки Михляева-Вихляева в то воскресенье был поблизости от омута Водяного. Он и услышал Петькин крик. А один я бы не выкарабкался. Лед крошился, едва я прикасался к нему руками.

Лесник сразу сообразил, что надо делать. В момент срубил молодую осинку и сунул мне в прорубь.

На счастье, отец Мишки Михляева-Вихляева был поблизости от омута Водяного.

— Хватайся!

А потом... нет никакого интереса писать, что было потом. Я же дневник природы составляю, а не биографию свою описываю.

За две недели я «прославился» на всю нашу Марфинку и на все окрестные деревеньки.

Навещали меня ребята из класса, и пионервожатая Рита, и даже сама учительница Марфа Петровна. Рита подарила мне книжку «Кладовая солнца» писателя Пришвина. А Петька-Петушок — значок из Таллина «Старый Тоомас».

Мои родители и словом меня не попрекнули. И мне от этого куда как стыднее было за свою глупую лихость.

Да, чуть не забыл: еще Мишка Михляев-Вихляев заглядывал к нам. Принес большущую банку меда.

Неделю назад вдруг потеплело, и ливанул дождь. Все дороги снова раскиселились.

На Соне, говорят, лед обрыхлел, тут и там образовались полыньи. «Да, ненадолго эта оттепель,— говорил вчера дедушка Терентий.— Капризница зима-зимушка шубу свою примеряла. А теперь ждите ее со дня на день».

Дедушка принес мне уточку с пораненным крылом. Не суждено ей лететь со своими сородичами в теплые места.

— Выхаживай,— сказал дедушка.— Тебя мать, как цыпленка, оберегала, пока ты огнем-полымем горел. И ты позаботься. А поправится, в курятник ее пустишь. С курами до весны запросто прозимует.

Уточка небольшая, бурая, с темными пестринками. На удивление тихая. Мама назвала ее Скромницей.

Утром нынче проснулся, смотрю, а утка пристроилась к кошке Брыське и преспокойно себе дремлет. Когда они только успели подружиться?

Глянул в окно, а по земле разбросаны серые ветошки. Ночью, видно, с неба тряхнуло снежком. (Дедушка сказал бы: «Зима на пегой кобыле проехала!»)

Скоро декабрь. Соскучился по школе. Спасибо Петьке: он помогает мне готовить уроки».

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Составь предложение со словом «глаза».

Ученица. У Маши сразу из всех глаз полились слезы.

Наташа Карпова,
г. Москва.

* * *

Учитель. Почему нельзя переносить одну букву?

Ученик. Потому что ей будет одной скучно.

Таня К., г. Чернигов.

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Расскажи о растительном мире Австралии.

Ученик. Там растет очень много съедобных деревьев.

Елена Мишарина,
с. Фирсово,
Свердловская область.

* * *

Учитель. Что такое глобус?

Ученик. Это надутый шар с материками.

Лена Кунаева,
г. Ленинград.

НА УРОКАХ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Назови коренное население Карпат.

Ученица. Птицы!

Лена Завгородная,
г. Севастополь.

* * *

Учитель. Как готовятся звери к зиме?

Ученик. Они улетают на юг.

Света Кондратьева,
г. Ачинск.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель. Как приспосабливаются африканские страусы к жизни в пустыне?

Ученик. У страуса длинные-длинные ноги, чтобы лучше видеть.

Надя Мелихова,
г. Нижневартовск,
Тюменская область.

Из школьных сочинений

«Оля — сестра хорошая, но с плохим характером».

«Конь подбежал к хозяину, обнял его и стал что-то шептать ему в ухо».

«Я нашел котенка, и он стал моим пернатым другом».

«Я прыгнул в воду всеми четырьмя ногами».

«Взгляды их встретились и пошли навстречу друг другу».

«Вдали белела Маша черным пятнышком».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ

И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ.

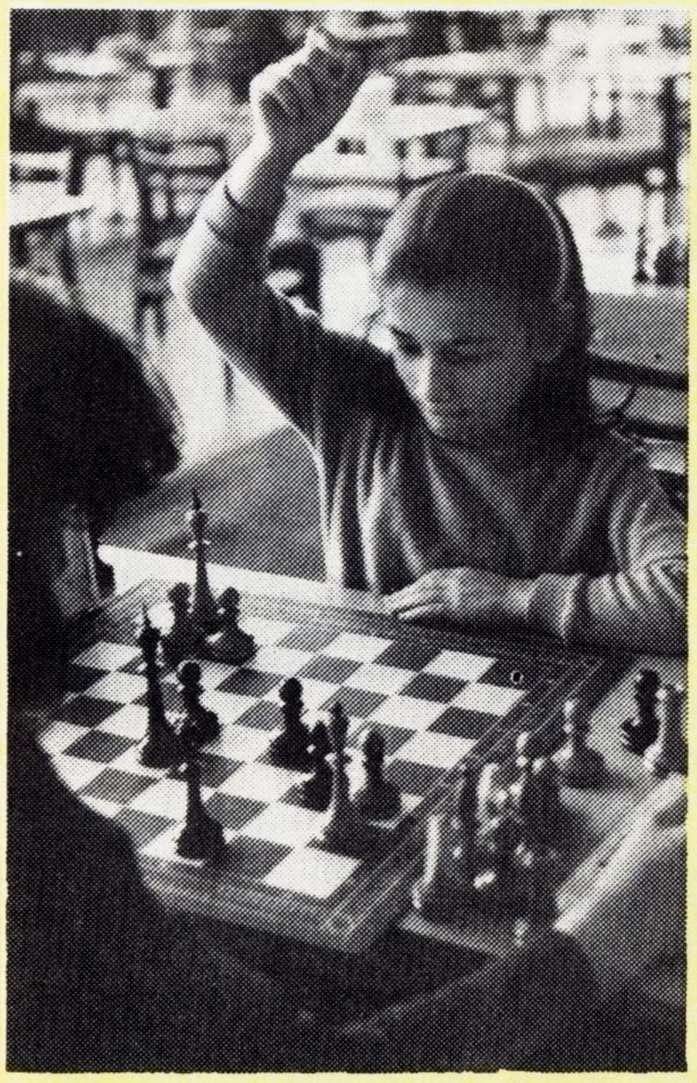
В СТРАНЕ ШАХА —

Победа — это еще не все

Десять дней часы на городской ратуше Ивано-Франковска отмеряли для нас время, как в большой шахматной партии, не давали уснуть, будили по утрам ни свет ни заря, заставляли спешить. Но наступил день, когда всем нам захотелось перевести часы назад. Тринадцатого июня закрывались XV Всесоюзные финальные соревнования на призы клуба ЦК ВЛКСМ и журнала «Пионер» «Белая ладья». И все немного грустили, потому что всегда грустно, когда кончается что-то хорошее.

До самого последнего часа не было ясно, кто станет чемпионом: настолько упорной оказалась борьба юных шахматистов. Это понятно — среди участников финала было пять кандидатов в мастера и шестьдесят два перворазрядника.

И все-таки в каждом соревновании бывают победители и побежденные.



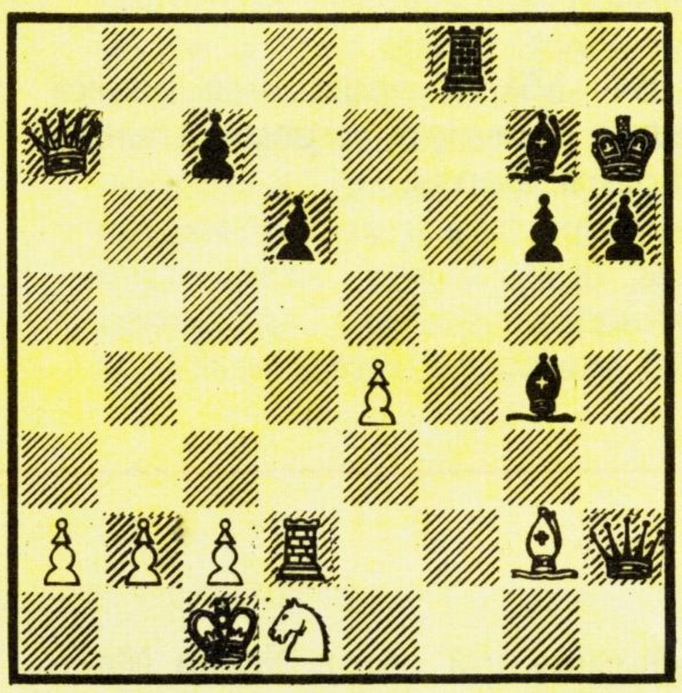
Софико Николадзе — в атаке.

Чемпионами на этот раз стали ребята из московской школы № 22. Второе место заняли юные шахматисты одесской школы № 117. Им вручили серебряные награды. Бронзовыми призерами стали пионеры школы № 15 города Кутаиси.

Теперь «Белая ладья» взяла курс к новому порту приписки — Шяуляю, где в следующем году состоится очередной финал. Все наверняка будут ждать этой встречи. И не только для того, чтобы взять реванш за поражение или еще раз доказать свое право называться чемпионами.

«Победа в шахматах — это еще не все», — сказал однажды экс-чемпион мира В. Смыслов. За шахматной доской можно дать волю своей фантазии и придумать такое, что заставит удивиться соперника твоей находчивости и смелости.

Знаете, как много интересных и красивых партий было сыграно в Ивано-Франковске?! Познакомьтесь с некоторыми из них, и вы увидите, сколько радости может принести творчество.



К этому положению пришла партия, в которой играли Люба Юрова (школа № 17, г. Тирасполь) и Софико Николадзе (школа № 15, г. Кутаиси).

Софико — одна из самых юных участниц финала, ей только десять лет, но она уже опытная шахматистка. Первый спортивный разряд девочка получила, когда ей еще не исполнилось восьми лет. Самая заветная мечта Софико — встретиться в каком-нибудь крупном соревновании с чемпионкой мира Майей Чибурданидзе. Наверное, такая встреча состоится. Интересно, кто победит: тетя Майя или ее племянница Софико?.. Да, мы чуть не забыли про диаграмму. Что же произошло в позиции, которая на ней приведена?

Софико хорошо использовала все возможности атаки. После-

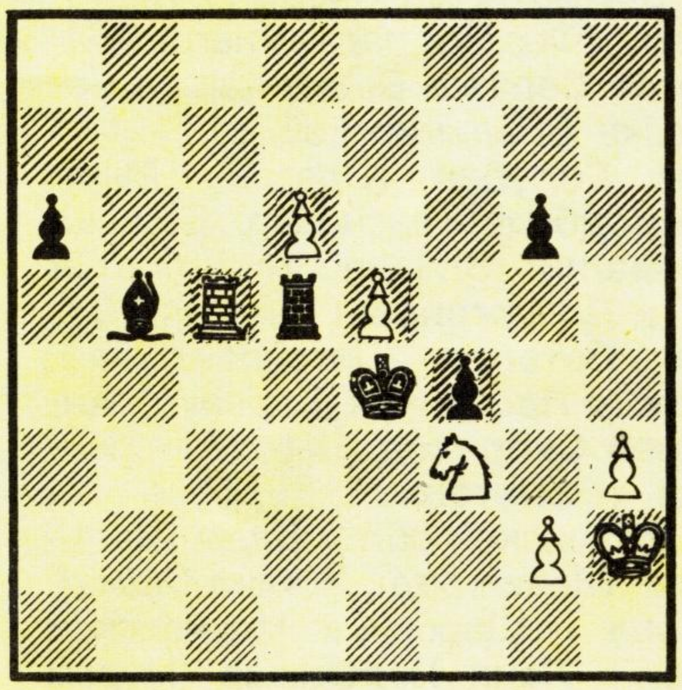
Москвичи — чемпионы «Белой ладьи».

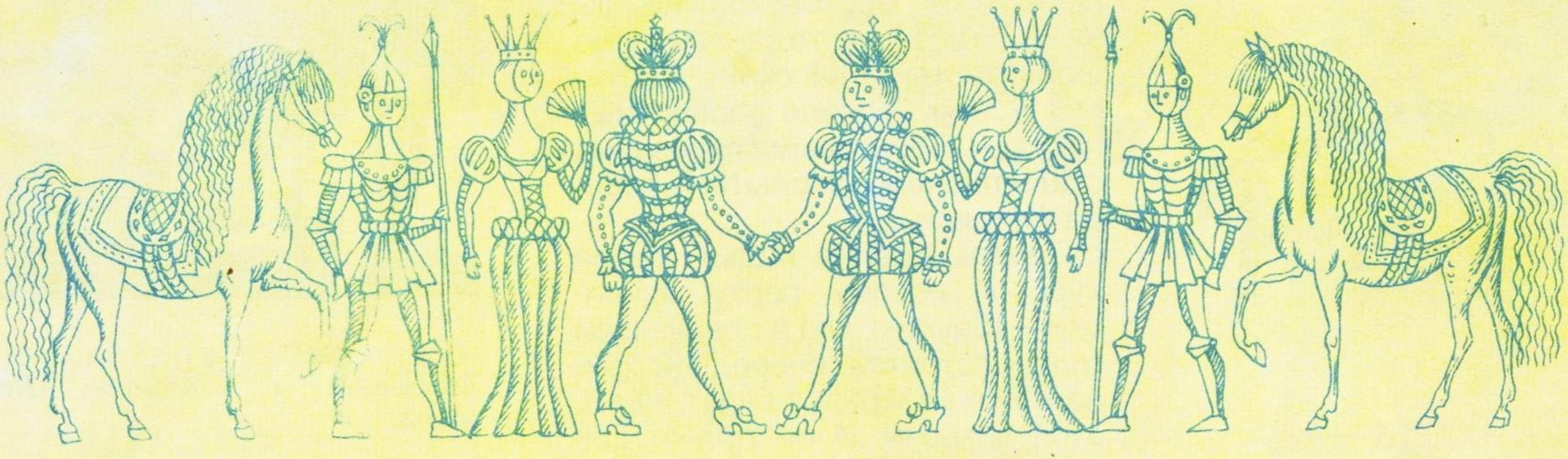
Серебро завоевали шахматисты одесской школы № 117.

Бронзовые призеры — кутаисские пионеры.

довало: 24... С:d1 25. Кр:d1 c5! (В этом смысле размена на d1, отрезая ферзя, Софико получила неотразимую атаку) 26. c3 Фg1+ 27. Крc2 Лf2 28. Cf3 (или 28. Ch3 Л:d2+ 29. Кр:d2 Фh2+) 28... Л:f3 29. a4 Лf1 30. a5 Лb1 31. Крb3 c4+ белые сдались.

Посмотрите, как хорошо использовал силу далеко продвинутых пешек Курмет Оямаа из команды школы № 3 г. Пайде (Эстонская ССР).

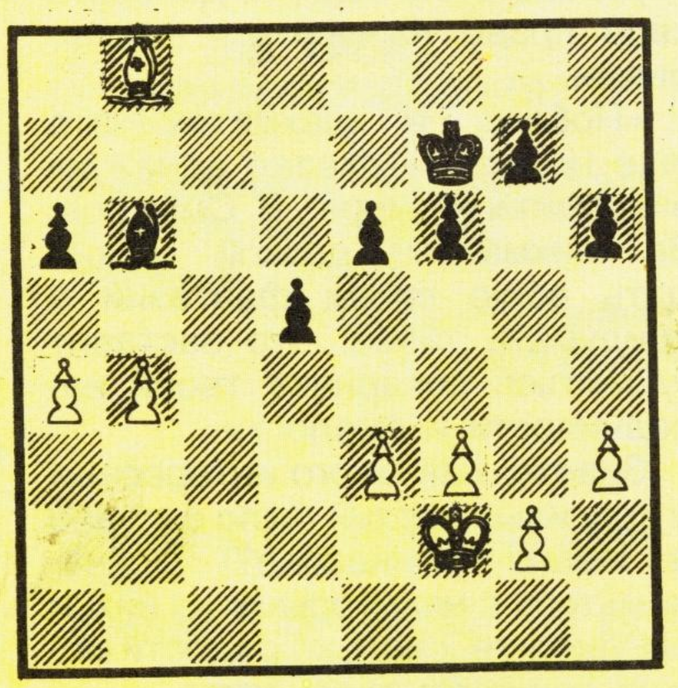




Курмет играл партию с Володей Петрунько из команды школы №17 г. Тирасполя. Последовало эффектное 46. Л:b5! и черным пришлось признать себя побежденными. Если 46... ab, то 47. e6! Л:d6 48. e7, и на 48... Ле6 решает 49. Kg5+ или 46... Л:b5 47. d7 Лbe8 48. e6, и пешки прорываются в ферзи.

А вот еще одно интересное окончание партии, в которой белыми играл Сережа Маклецов из школы №4 г. Сарань Казахской ССР, а черными — Геннадий Гуревич из команды школы №137 г. Минска.

На доске материальное равенство, но черные стоят на краю пропасти, потому что грозит прорыв на ферзевом фланге (a4—a5 и b4—b5), и проходная пешка белых начнет стремительный марш в ферзи.



События развивались так. 41... d4! 42. a5! (Если 42. ed C:d4+ 43. Kpe2 Kpe8 44. b5 ab 45. a5 Kpd7 46. a6 Kpc8, и у черных все в порядке) 42... de 43. Kpe2 Cd4 44. b5 ab 45. a6 f5 46. f4?

Сережа не нашел правильного пути к достижению победы. Попробуйте найти его вы и напишите нам, как следовало играть Сереже.

46... g5 47. g3 gf 48. gf e5! (Лучший шанс, если 49. C:e5, то 49... Ce7) 49. fe Kpe6 50. a7 C:a7 51. C:a7 f4 52. Cd4 b4 — ничья.

В закономерности такого результата убеждает вариант 53. Kpf3 b3 54. Cb2 Kpf5 55. Cc3 Kpe6, и невозможно 56. Kp:f4 ввиду 56... e2 57. Kpf3 b2.

Победители наших конкурсов

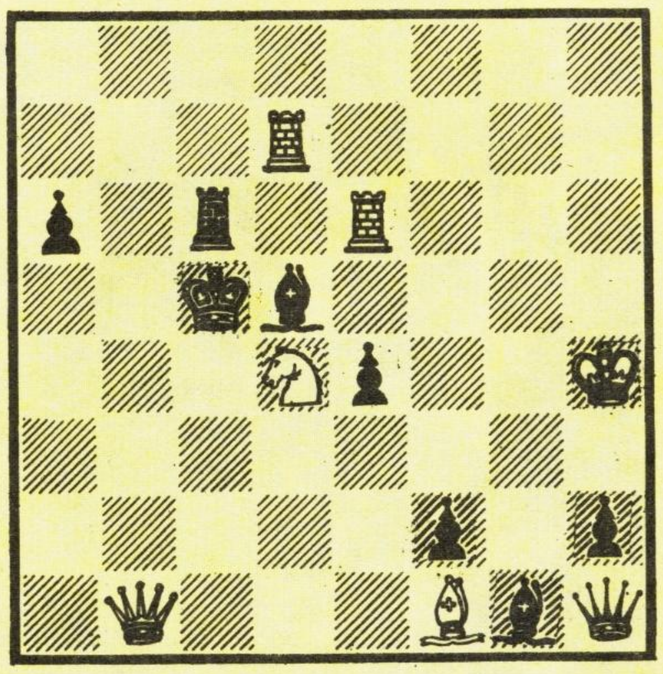
Судейская коллегия подвела итоги наших заочных соревнований, проведенных в 1982 году.

Шахматными книгами и грамотами «Ферзя и ладьи» награждаются **Сережа Беженцев** (п. Березка Владимирской обл.), **Миша Голубев** (Одесса), **Марк Гольдберг** (Краснодар), **Сережа Ковалев** (Владивосток), братья **З.** и **Д. Кургановы** (Чирчик), **Витя Потапов** (Петропавловск), **Костя Постричак** (Барнаул), **Андрей Скороход** (Чернигов), **Инна Васютенко** (п. Двуречная Харьковской обл.), **Надя Шульман** (Ленинград), **Жанна Самсонова** (г. Щербинка Московской обл.), **Леня Перфилов** (Муром Владимирской обл.), **Женя Мамотин** (Москва), **Геннадий Пастухов** (п. Банновка Кустанайской обл.), **Андрей Лагутин** (Москва), **Андрей Болковских** (Воркута), **Олег Артемов** (Судак), **Альфарис Зиганшин** (д. Ново-Багазы Башкирская АССР), **Лена Халдеева** (Пенза), **Алексей Щербаков** (Иваново), **Лена Сундукова** (Армавир).

Многие ребята получили спортивные разряды и отмечены грамотами журнала.

Испытайте свои силы

В новый конкурс решений мы включили только одну, но трудную задачу. Испытайте свои силы в поисках правильного решения.



Найдите, как, начиная игру, белые дают мат в три хода. Решения надо отправлять не позднее чем через месяц после получения журнала. Конечно, вы обратите внимание, что немалое значение для достижения цели имеют здесь две белые ладьи.

РЕПОРТАЖ С УРОКА ФИЗКУЛЬТУРЫ

У ЛЕДОВИТОГО

Почему гимнасты считают бревно «коварным» снарядом? Казалось, иди себе посередке, головой по сторонам не крути и до финиша без происшествий доберешься. Даже вот так — в пальто и теплой шапке. Конечно, эта одежда мало похожа на физкультурную форму, даже совсем непохожа. Но что поделаешь? Холодный ветер с океана!

Здесь, на самом берегу Северного Ледовитого океана, он и вправду коварный. В начале урока дул со скоростью двенадцать метров в секунду, а сейчас, когда урок подходит к концу, за секунду двадцать три метра пролетает. Хорошо, что от упражнений на бревне на перекладину перебраться успели. Не то наверняка кого-нибудь с бревна сдуло. Ищи потом...

Стать сильным хочет каждый. Только не у всех эта мечта сбывается. Посмотрите, один мальчик за перекладину ухватился и повис — ни рукой, ни ногой не шевельнет. Другой, хоть и не получается, изо всех сил старается подтянуться. И можете не сомневаться — подтянется! У мальчишки, что слева, сначала даже самое простое упражнение на физкультминутке не получалось.

«Раз, два,— считает учительница, и весь класс тянет руки вверх.— Три, четыре — руки к плечам!» Опять: «Раз, два»... И снова все как один. Нет! Не все — один не как все. Прослушал команду и опоздал. Кажется, какая в этом беда? Беда не беда, а упражнение повторять придется. Невнимание превратится в потерю времени. На предметном уроке и того хуже. Здесь невнимательность оборачивается лишними мозолями на ладошках.

Как только выдается безветренная погода, ребята из небольшого, в несколько домов, поселка Янракиннот на Чукотке учатся управлять шлюпкой. Это и есть предметный урок. Чтобы лодка была быстрой и послушной, грести надо дружно и слаженно, как один. Наука эта непростая, но она наверняка пригодится мальчишкам и девчонкам, которые живут на самом берегу океана. А океан слабых не любит!

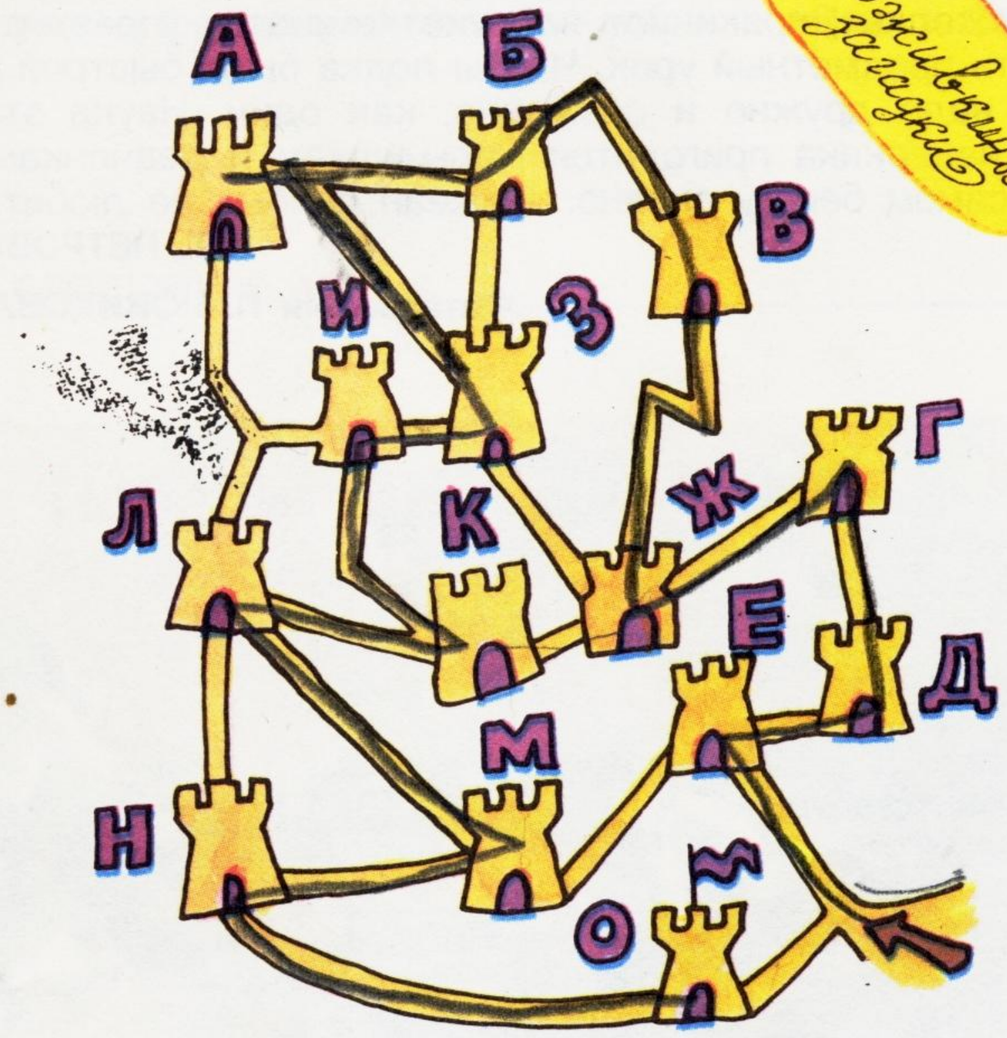
Т. ПЕТРОВА

Фотографии П. НОВИКОВА.

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Четырнадцать башен



Будь стоек, как рыцарь! Как рыцарь, бесстрашен!
На плане старинном четырнадцать башен.
В свой рог протрубить ты обязан у каждой!
В дорогу! Но твердо запомни, что дважды
Нигде ты не должен проделывать путь!
Закончишь у башни с флажком! (Не забудь!)

Живживка

ЛЕСНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ

Игры деда Буквоеда

Был я в роще подмосковной
Этим летом много раз.
Там из книги телефонной
Сделал выписки для вас.

Телефон сороки — шесть,
Ежа — семь,
Лисы — девять,
Улитки — пять,
Дятла — восемь.

Всем ли сможем мы, ребята,
Позвонить из автомата?
(Числа — должен подсказать —
Надо буквами набрать!)

ералаш

Игры лупы и пинцета

На малых марках каждый занят
Тем, чем положено ему.
А на большой — взгляните сами
На ералаш и кутерьму!

Мы просим навести порядок!
И нам в ответе сообщить,
Кого и с чем на марке надо —
Острее взгляд! — соединить?

Примечание: в ответе воспользуйтесь цифрами и буквами. Например, 2—Л — это значит: парикмахер — клиент, 5—Ж — рыбак — сети и т. д., пока не расставите все по своим местам.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 10

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА
Остров сокровищ: сундук зарыт под буквой А.

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА
Все на ловлю слонов: Слоны пойманы и стреножены. Благодарю отважных ловцов!

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА
Магический закон: по рядам 6, 7, 2; 1, 5, 9; 8, 3, 4.

СЕКРЕТНЫЙ ПРИКАЗ

Капитан Перо ищет помощника

З	П	С	Б	Т	К	У	Ы	Ш	Э	Д	Я		Ж	Ь	Ф		Ю	Э
Ф	Т	Ш	Ч	В	З	Ч	П	К	Р	С		А	Г	П		О		М
Ы	С	Ю	Э		Л	Ю		Е		К	Н	Ш	Ж	И	Т	Я	Ч	З

Лишь буквы — те, что в этих строчках
Даны не более, чем раз,—
Тебе помогут быстро, точно
Секретный прочитать приказ.

САМИ О СЕБЕ

И вдруг произошло необычное...

Однажды на уроке химии учитель показывал нам опыты. Например, смешивал в пробирке две совершенно прозрачные жидкости: смесь становилась зеленоватой, а потом начинала кипеть. Потом учитель дал нам домашнее задание и спросил:

— Ну, кто хочет попробовать провести опыты?

Желающих было много, но среди ребят, которые рвались ставить опыты, учитель выбрал Игоря, Колю и Андрея. До этого они на уроке веселились, переговаривались, химия их не очень-то и трогала.

Опыт был такой. Ребята залили кусочек металла в пробирке прозрачной жидкостью, а через несколько секунд металл полностью растворился. Ребята делали опыт долго, а когда получили результат, стали носить пробирку по классу. И вдруг...

Пробирка с кислотой вырвалась у Игоря из рук, упала на пол и разбилась. Краска на полу начала медленно растворяться...

Пришлось сыпать на это место щелочь, а затем отмывать пол. И на троих друзей именно растворение краски произвело большое впечатление, а не опыт в пробирке. С тех пор они полюбили химию и просятся ставить опыты каждый урок не от скуки, а из интереса.

Алеша ТИМОШКИН, г. Москва

Невелик городок Ялуторовск

Каждый год в каникулы я уезжаю с мамой в далекий Ялуторовск. Невелик городок на реке Тоболе, но у него есть свое лицо, своя история.

Ялуторовск возник на месте древнего поселения. Ялуторовская слобода родилась как слобода мирная, земледельческая.

После восстания декабристов 14 декабря 1825 года царь Николай I жестоко расправился с теми, кто в нем участвовал. Более ста декабристов были сосланы на каторгу в Сибирь...

Я много раз была в музее декабристов города Ялуторовска. Каждый раз новое чувство охватывает меня. Каждый раз я много узнаю из жизни декабристов. В музее ведь так много документов, фотографий, личных вещей.

Рядом с одним из стендов я всегда долго стою. В 1935 году при ремонте дома-музея под плахой «черного пола» найдена была закупоренная бутылка с письмом. Теперь это письмо известно как «Завещание М. И. Муравьева-Апостола». Мне кажется, это большое счастье — самому вот так прикоснуться к истории.

Декабристы предвидели светлое будущее Сибири, маленького городка Ялуторовска. С каждым годом Ялуторовск молодеет, становится краше и привлекательнее. Ялуторовцы много строят. Они любят свой город, свой край сосновых боров, березовых рощ, озер. Любят они и гостей города. Может, поэтому мне так и нравится бывать в Ялуторовске.

Лариса ДОБРЫНИНА,
г. Волгодонск, Ростовская область

СОДЕРЖАНИЕ

Отряд говорит с отрядом.— Рисунки А. Вовиковой 1
«Кораблик» 4
На рубежах пятилетки
Привет, тракторист!— А. Салуцкий. Рисунок М. Петрова 5
Международный пресс-центр «Пионера».— Рисунки В. Мочалова 8
О Чапаеве и чапаятах.— О. Ремез. Фотографии В. Крупского 10
Сказка придет завтра.— Сцены из пьесы В. Разумневича и В. Молько. Рисунки В. Дудкина 11
Какой урок любит... учитель.— Записала М. Матвеева. Фотографии В. Крупского 20
Дискуссионный пионерский клуб «За и против»
Мы и они.— А. Маркуша. Рисунки Д. Барабаша 22
Первый рассказ в «Пионере»
Новый дом.— Рассказ Е. Степанова. Рисунок Л. Хачатряна 25
Как только вырасту.— Стихотворение А. Костецкого. **Тропинка.** Стихотворение М. Чернявского 27
Не помешают ли спутники ангелам? — В. Комаров. Рисунок А. Дугина 28
Боевой листок 30
Летопись Великой Отечественной.— Рисунок Д. Барабаша 31
Битва за Днепр.— Викторина для юных историков. Ведет А. Митяев. Рисунок Д. Барабаша 32
Прощание с журавлями.— Стихотворение Р. Сарби. **Плывут суда.**— Стихотворение А. Старикова. **Идет зима.**— Стихотворение М. Вайнилайтиса. Рисунок Л. Хачатряна 34
Самая легкая лодка в мире.— Повесть-сказка Ю. Коваля. Продолжение 35
Малая пионерская энциклопедия 48
Слово Тютчева.— Ал. Осповат. Рисунки Д. Крылова 49
Что нам читать? 51
На научной волне.— Ведет В. Никитина. Рисунки Н. Доброхотовой 52
Валеркин календарь.— Повесть В. Баныкина. Продолжение 56
«Переменка» ..... 58, III обл.
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Рисунки Н. Доброхотовой. Фотографии В. Крупского 59
Путешествие в Спортландию 61
Ума палата 62
Сами о себе 64
Под музыку ветра.— Музыка Л. Мартынова. Стихи В. Орлова. Рисунок Г. Человечкова ..... IV обл.

На обложке:
Салют над Ленинградом.— Рисунок А. Дугина

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Т. А. ГАЙДАР, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда». «Пионер», 1983.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва,**
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 01.09.83.
Подписано к печати 15.09.83. А 02782. Формат 84×60$^{1}/_{8}$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 660 000 экз. Изд. № 2438. Заказ № 1388.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Вторую «Переменку» в журнале ребята часто предоставляют взрослым. На этот раз сразу двоим: Михаилу БАСКИНУ, приславшему в редакцию рассказ из школьной жизни, и юмористу Б. ГАНИНУ, предложившему открыть в «Переменке» отдел «Ёжемесячник».

М. БАСКИН

РЕЦЕПТ ОТ БЛИЗОРУКОСТИ

Наша отрядная вожатая Женя Орлова — очень справедливый человек, ее все уважают, даже мальчишки. Однажды она попросила остаться после уроков тех мальчиков, которые занимаются в спортивных секциях. Мы решили, что скоро соревнования и к ним надо готовиться. А Женя вдруг достает очки из портфеля и надевает их.

— Ну, что смотрите? Буду теперь очки носить.

Тёма Цыганов ей говорит:

— Ну и носи на здоровье. Для этого ты нас и собрала? Ну и шуточки.

— Нет,— отвечает Женя,— я собрала вас по очень важному делу. Вот, предположим, у меня со зрением что-то случилось, и я буду теперь очки носить. Стану я от этого хуже? Или не я, а ты, Цыганов, будешь носить очки?

С этими словами Женя протянула очки Тёме.

— А зачем мне очки? У меня зрение — единичка.

— Ну, а вдруг придется? — не унимается Женя.

— Что-то мы не поймем тебя никак,— говорит Юрик Павлычев.

— Сейчас поймете. Вы знаете, что Димку из вашего класса «очкариком» дразнят?

— Ну, «очкарик» и «очкарик», что тут такого? — спрашивает Юрик.

— Это как посмотреть,— говорит Цыганов,— вот если бы тебя «очкариком» звали, тебе приятно было бы?

— А кто его дразнит-то? В нашем классе никому и в голову такое не придет.

— В вашем классе, правда, таких нет,— согласилась Женя,— а вот в 7 «А» есть Борька Черемизов. Он над Димкой смеется и дразнит его. Как-то раз Димка ответил ему, так этот Боречка его отлупил.

— А ты про это откуда узнала? — спросили мы.

— Наверное, и не узнала бы, да один мой одноклассник сказал: «Вот, Орлова, отряд, в котором ты вожатая, считается самым дружным. А Димку Захарова из этого класса каждый день лупят. И твои вмешаться боятся...»

— Это мы-то боимся? — закричали мы.

И так мы разволновались, что Жене нас пришлось успокаивать...

На следующий день мы остановили Черемизова. Все мы были в очках. Я бабушкины надел — у них дужка сломана и замотана изоляцией, у Юрика были очки, в которых он в бассейн ходит, а Цыганов вообще взял солнечные очки — «стрекоза» называются.

Наш Миронов — он вольной борьбой занимается — снял очки, в которых ничего не видел, подышал на стекла, протер платочком и сказал Черемизову:

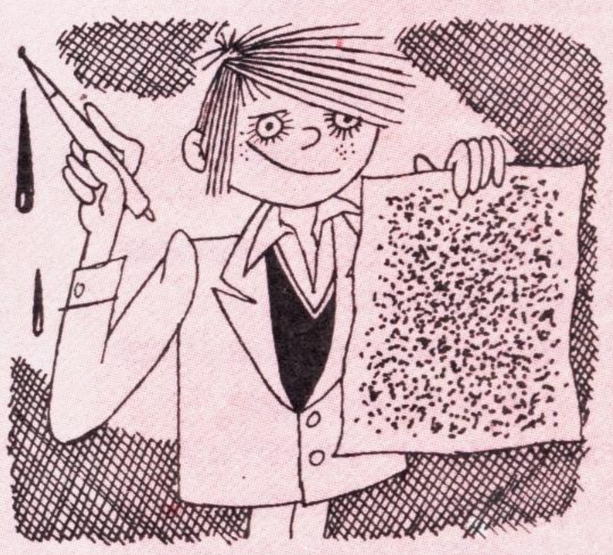
— Неправильную линию ты избрал, надеемся, понял?

Черемизов ухмыльнулся и говорит:

— Ладно, ваша взяла. Только мне интересно, если я рыжих дразнить буду, вы что, все перекраситесь?..

«ЁЖЕМЕСЯЧНИК»

Огромную выдержку и волю к победе проявил Д. Сурков. За один урок он поставил на промокашке 4 тысячи 186 точек, опередив на 12 точек свою постоянную соперницу Т. Барсукову.



* * *

Любую свою двойку Миша К. исправляет в тот же день — на футбольном поле. Он не уходит домой, пока не забьет пять голов.

* * *

На глазах растут успехи у семиклассницы Милы Успенской. Она опять неверно показала на карте Алтай. Но отклонение составило в этот раз только две тысячи километров.

Все, кто читает наш журнал, и взрослые, и дети, могут сами принять участие в «Ёжемесячнике».

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

16-81

Под музыку ветра

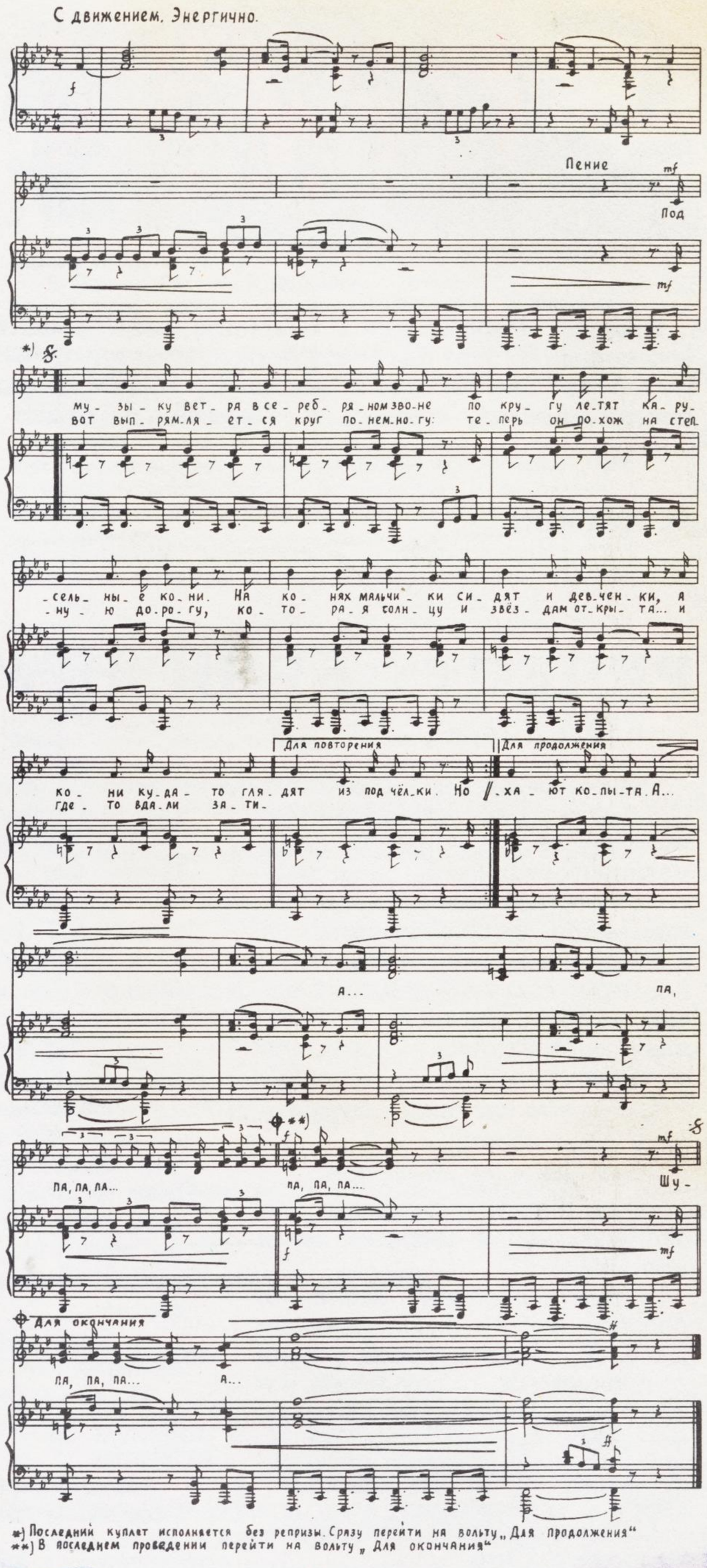
Стихи В. ОРЛОВА.
Музыка Л. МАРТЫНОВА.

Под музыку ветра,
В серебряном звоне,
По кругу летят
Карусельные кони.
На конях мальчишки сидят
И девчонки,
А кони куда-то глядят
Из-под челки.

Но вот выпрямляется круг
Понемногу:
Теперь он похож
На степную дорогу,
Которая солнцу и звездам
Открыта...
И где-то вдали
Затихают копыта.

Шумят у дороги
Высокие травы,
Проносятся мимо
Леса и дубравы,
Под музыку ветра
В серебряном звоне
Уносят ребят
Настоящие кони.

Развернутым строем
Несутся отряды,
И вот уже слышится
Гром канонады:
Неравную схватку
Ведет за горами
Мальчиш-Кибальчиш,
Окруженный врагами...

Планета кружит и кружит
Каруселью,
Но пули смертельные
Не отсвистели,
Военные трубы
Играют тревогу —
И мчатся друзья
К Мальчишу на подмогу!

Цена 30 коп. Индекс 70694
ISSN 0130—8009